

Джульетто Кьеза Бесконечная война

«Бесконечная война»: Издательство «Детектив-Пресс»; Москва; 2003
ISBN 5-89935-054-7

Аннотация

Дж. Кьеза, итальянский журналист, более двадцати лет работает в Москве: сначала – корреспондент газеты «Унита», с 1990 г. – специальный корреспондент и политический обозреватель газеты «Ла Stampa».

Книга «Бесконечная война» – уникальна. Журналист – единственный свидетель режима талибов довоенного периода. Он уже тогда переехал линию фронта как с согласия талибов, так и Северного альянса. После начала военных действий американцев в Афганистане Дж. Кьеза – первый на Западе свидетель войны, опубликовавший свои репортажи с места боевых действий.

В его новой книге – не только анализ движения Талибан и беспристрастное свидетельство афганской драмы, но и прогноз дальнейших событий, предупреждение миру об угрозе, о том, что человечество – на перекрестке.

Бесконечная война Джульетто Кьеза

Предисловие к итальянскому изданию

Писать предисловия к книгам – дело непростое. По крайней мере, для меня. Еще труднее написать предисловие к книге об Афганистане. Ведь Афганистан остается одной из самых загадочных и непостижимых стран на свете. Я провел там четыре года, но не устаю удивляться, как мало я знаю об этой стране. С каким трудом удастся справиться с мыслями и выстроить логическую цепочку, которая выходила бы за рамки простых ощущений.

Согласно старинной афганской легенде, сотворив Землю, Господь Бог стал думать, как и где ему разместить разные страны. Складывая части головоломки, Бог был вынужден кое-где подправить границы, кое-что подточить и обрезать, чтобы подогнать одну к другой все страны на Земле. В конце концов, у него набралось много ненужных обрезков, полосок, уголков. Он собрал весь этот мусор в одну кучу и швырнул в дыру между Ближним Востоком, Центральной Азией и Индостаном, которая оставалась еще не заполненной. И сказал: «А это пусть будет Афганистан!»

Я не уверен, что дело обстояло именно так, но факт остается фактом – в этой «дыре», которая по своему размеру больше, чем две Италии, вместе взятые, оказались перемешанными 55 этнических групп, говорящих более чем на 20 языках. Значительно упрощая картину, мы всех их называем «афганцами». Но если спросить их самих: кто они? – последуют самые разные ответы. Никто не назовет себя афганцем, а пуштуном, таджиком, хазарейцем, узбеком... Более того, мы услышим, что они часто определяют себя по названию города или долины, где живут, как например, кандагарцы или пянджширцы.

Подобная этнолингвистическая путаница не могла бы существовать так долго, если бы не географические особенности «земли афганцев», земли труднодоступной и негостеприимной. К востоку тянутся узкие долины, прорезающие гряды Гиндукуша – западную оконечность горных цепей Каракорум и Гималаи, – покрытые большую часть года многометровым слоем снега; на западе в направлении Иранского высокогорья раскинулись Дашти-Марго – «пустыня смерти» – и бескрайние пески Регистана. Таков Афганистан, который гораздо обширнее, чем мы привыкли думать, слыша привычные названия: Кабул, Герат или Мазари-Шариф – городов с древней историей и культурой. Афганистан до сих пор остается страной, путешествовать по которой – постоянное и рискованное приключение. Отправляясь в путь, невозможно сказать заранее, когда доберешься до пункта назначения. И доберешься ли.

Всякий раз, когда нам приходилось доставлять на грузовиках лекарства и медицинское оборудование для госпиталей Эмердженси, мы тратили 22 дня, чтобы проехать 300 километров, которые отделяют Таджикистан от Пянджширского ущелья. Кажется, сама земля в этой части света и населяющие ее племена делают все возможное, чтобы оставаться недоступными для остального мира. И тем не менее...

Веками Афганистан находился на пересечении путей между Китаем, Индией, Центральной Азией и Европой. По Великому шелковому пути и его ответвлениям доставлялись золото и серебро, ткани и лазурь, хлопок и пряности, янтарь и кораллы, шерсть и меха. А с некоторых пор оружие и наркотики. На этом неизбежном перекрестке дорог местным жителям платили и платят большую цену только потому, что они волею судьбы оказались в этой «стратегической зоне» или «буферном государстве». За последние два столетия многие пытались завоевать афганские пустыни и долины и покорить населяющие их племена.

С начала XIX века царская Россия, войска британской короны и даже Наполеон Бонапарт мечтали добраться до богатств Индии. И почти всегда, на свою беду, они не учитывали: чтобы добраться до вожаемой добычи, необходимо сначала покорить Афганистан. Эта Большая Игра в Центральной Азии длилась больше века, превратившись в затяжное кровопролитие.

Даже сегодня, отправляясь из Кабула в Желалабад, нетрудно представить, как 16-тысячный отряд англичан зимой 1842 года отступал из Кабула по перевалам и узким ущельям. До Желалабада удалось добраться только одному – раненному в спину военному хирургу Вердену, который едва доехал на загнанной лошади. Остальные члены отряда были убиты или же умерли в дороге от холода и голода.

Джультетто Кьеза, Кристина Каттафеста, Вауро Сенеси, Джино Страда. Главный распорядитель больницы Эмердженси Джино Страда (сидит) смог сделать то, что другим и не снилось

Афганистан превратился в шахматную доску для все более трудных и рискованных партий, которые оборачивались бедами, прежде всего для мирных жителей.

Но сделать выводы из уроков истории оказывается очень трудно.

Разыграть свою партию пытались многие. В том числе Советский Союз, США и Пакистан.

«Президент издал директиву об оказании помощи противникам просоветского режима в Кабуле» – так заявил советник по национальной безопасности президента США Збигнев Бжезинский. Президентом был тогда демократ Джимми Картер, а директива была им подписана 3 июля 1979 года, то есть за шесть месяцев до советского военного вторжения в Афганистан.

«В моей записке президенту я указывал, что, по моему мнению, последствием этого решения станет советское военное вмешательство». Продолжаем цитировать предельно откровенные высказывания Бжезинского: «Мы не подталкивали Советы к вторжению, мы всего лишь сознательно увеличили вероятность того, что они вмешаются... попав, таким образом, в афганский капкан».

Но о какой помощи шла тогда речь? Я помню, как в те дни из пакистанского города Кветта колонны тщательно опломбированных грузовиков оранжевого цвета отправлялись по пыльным дорогам в Спин Болдак на афганскую территорию. На боку грузовиков была видна надпись «NLC» (National Logistic Cell). Грузовики принадлежали транспортной компании, которой распоряжалась пакистанская разведка. В них, естественно, везли оружие. Очень много было так называемого «советского» оружия или, точнее сказать, скопированного с советских образцов, которое производили на специальном заводе, построенном ЦРУ недалеко от Каира, и затем переправляли из Египта в Пакистан.

Кто знает, как обернется дело. Будет лучше, если в руках у не слишком предсказуемых типов не будет оружия «made in USA». В любом случае никто не сможет обвинить самых преданных защитников свободы, что они поставляли оружие в Пакистан. Кстати, годом раньше США заморозили свою помощь Пакистану, обвинив его в проведении работ по созданию атомной бомбы.

Фантастика? Нисколько. Именно так и было. И было еще многое другое.

На протяжении нескольких лет Соединенные Штаты и Саудовская Аравия следовали принципу – если ты ставишь доллар или миллиард долларов, я отвечаю тем же – в финансировании набора, вооружения, военной подготовки бойцов для священной войны – джихада. Пакистан же широко распахнул двери для «братьев» – мусульман, горящих желанием отправиться в Афганистан, чтобы сражаться во имя ислама.

Египтяне, суданцы, палестинцы, алжирцы, иракцы, йеменцы, тунисцы, марокканцы и даже филиппинцы, не говоря уж о пакистанцах, откликнулись на призыв к джихаду.

В течение нескольких лет достаточно было просто появиться в посольстве Пакистана в какой-либо стране и заявить о своем желании присоединиться к джихаду, как тебе тут же выдавали авиабилет и проездные документы до города Пешавар на северо-востоке Пакистана.

Среди прочих лиц, встречавших в Пешаваре добровольцев, которых быстро рассортировывали по различным лагерям, где обучали терроризму и партизанской войне, был и некий Осам бен Ладен...

Таким образом, когда в ночь на Рождество 1979 года советские войска перешли Амударью, которую в древности называли Oxus, по которой проходила советско-афганская граница, ловушка была уже подготовлена.

Большая Игра может продолжаться, «холодная война» превращается в войну по доверенности, на заказ. Заставим других делать то, что выгодно нам. Так мы сможем избежать неприятностей и обвинений в случае провала операции – вот суть доктрины Генри Киссинджера. И Большая Игра, превратившаяся в кровавую бойню, продолжается с различными ставками до сих пор.

«Во Вьетнаме мы потеряли 58 000 человек. Русские в Афганистане потеряли 25 000. Они должны нам еще 33 000 убитых», – заявил в 1988 году конгрессмен от штата Техас Чарльз Вильсон, один из самых ярких сторонников лозунга «Пусть у русских будет свой Вьетнам!».

Это что – фильм про Джеймса Бонда?

Нет, все это и многое другое происходило в Афганистане на самом деле. В конце концов, потерпев поражение в заказной войне, советские войска покинули Афганистан, а победители – моджахеды – продолжают воевать еще 12 лет спустя. Многие иностранные добровольцы джихада, вернувшись домой, с успехом импортировали священную войну к себе на родину.

Да, вышло так, что от Алжира до Филиппин, от Чечни до Судана афганские ветераны священной войны стали организовывать джихад у себя дома.

А тот самый Осам, который прежде был в хороших отношениях с ЦРУ, закончил тем, что открыто объявил войну... США!

А что же при всем этом Афганистан? А сами афганцы? Что произошло с почти 20-миллионным народом?

1 500 000 погибших, 1 000 000 искалеченных, 4 000 000 беженцев.

И разоренная страна, в которой Кабул напоминает Ковентри после немецких бомбардировок, 8 000 000 противопехотных мин, готовых еще десятки лет рвать людей на куски.

Афганцы, укутавшись в свои накидки и паранджи, в холоде и темноте, без питьевой воды и электричества, школ и больниц, возможно, с безвозвратно разобщенным и расколотым обществом, продолжают брести по своим дорогам, усеянным подбитыми танками и неразорвавшимися снарядами, и ждут. Они ждут, когда кончится война и голод, когда можно будет пойти учиться. Они надеются, что появятся проблески демократических свобод и появится хотя бы намек на соблюдение прав человека.

Они ждут среди шпионов и террористов, фанатиков и фундаменталистов разного рода, торговцев оружием и наркотиками.

Ждут и надеются. «Фардо, инш'Аллах» – на все воля Аллаха.

Надеются, что, наконец, закончится Большая Игра.

«Бузкаши» (buskashi) – так называется национальная афганская игра. В нее еще играют в деревнях, как правило, по пятницам. Две команды, по 12 всадников в каждой, встают друг против друга. На центр поля бросают мертвую козу. Всадники подхватывают козу, вырывая ее друг у друга из рук. Иногда ее просто разрывают на части.

Советский Союз, Соединенные Штаты и другие страны, каждая в своих собственных стратегических, военных, финансовых интересах, играют в бузкаши с Афганистаном.

Сыгран первый тайм игры, только что после перерыва начался второй.

Ясно одно: в этой игре на месте козы – мужчины, женщины и дети Афганистана.

Джино Страда¹

¹ 1 *Джино Страда* – врач-хирург, основатель медицинской гуманитарной организации Эмердженси.

Эмердженси была создана в 1994 году в Милане для оказания помощи гражданскому населению разных стран

3 сентября 2001 года

Талибы (июнь 2001 г.)

Рождение легенды

В то время как я пишу эти строки, полным ходом идет война, объявленная Соединенными Штатами Америки и коалицией западных государств режиму талибов в Афганистане. Военную операцию Запада поддерживают в разной степени многие мусульманские страны. Прошло уже более 5 лет с той памятной ночи с 26 на 27 сентября 1996 г., когда талибы вошли в Кабул, и около 8 лет с того момента, когда Талибан заявил о себе во весь голос как о политическом движении и военной силе.

Впервые о талибах заговорили в октябре 1994 г. Тогда караван из 30 пакистанских грузовиков с продовольствием, медикаментами и одеждой, направлявшийся в одну из бывших советских среднеазиатских республик, был разграблен в окрестностях Кандагара местными бандитами.

Далее в этой истории, или легенде (все детали которой, как мы позже увидим, важно не упускать из виду, чтобы выяснить, кто является автором и какие он преследует цели), появляются талибы. Они наносят молниеносный и сокрушительный удар по бандитам и возвращают имущество законным владельцам. Таинственным и любезным афганским Робин Гудам понадобилось всего лишь 48 часов, чтобы восстановить законность и порядок после десятилетий войн, убийств, грабежей, насилия. Кому принадлежал караван, куда именно он направлялся, что это были за грабители никто точно не знает до сих пор. Но сразу обращает на себя внимание факт, что в этой истории, или легенде, речь идет о караване с мирным грузом, а именно одеждой, продовольствием, разного рода промтоварами и лекарствами. Кроме того, любопытно отметить, где разворачиваются события. Ведь Кандагар – родина муллы Мухаммада Омара. С того момента вооруженные формирования Талибана все чаще упоминаются в сводках о боевых действиях на юге Афганистана. На фоне разношерстных группировок моджахедов, ведущих нескончаемую войну друг с другом и рвущих на куски страну, появляются новые действующие лица.

Талибы быстро выделились за счет дисциплины и высокой, на первый взгляд, боевой эффективности. За считанные недели под их контролем оказывается значительная часть провинции Кандагар. Следует отметить, что история с автокараваном и другие истории, или легенды, связанные с талибами, имеют один и тот же источник: средства массовой информации Пакистана. Именно они старались всеми силами привлечь внимание к талибам, порой придумывали их подвиги, пользуясь тайной, связанной с появлением на свет этого движения, в целях и задачах которого также было трудно разобраться. Неясными оставались религиозные взгляды талибов, социальная и этническая принадлежность. Невозможно было установить, кто финансирует движение и кто является его организаторами как внутри страны, так и за ее пределами. До тех пор пока речь шла о малочисленных вооруженных формированиях, ответ на вопрос, кто их финансирует, казался очевидным. Да те же, кто финансировал и другие вооруженные группировки моджахедов, которые вели священную войну (джихад) против советского вмешательства. Все, кто не находился в плену идеологических схем, знали, что главным покровителем, финансистом и поставщиком оружия для моджахедов

мира, страдающему от войн и вооруженных конфликтов. Медицинский и технический персонал этой гуманитарной организации обладает большим опытом работы в чрезвычайных ситуациях и оказывает общемедицинскую, хирургическую и реабилитационную помощь населению в зонах конфликтов.

Воины Талибана

были пакистанские секретные службы, в свою очередь игравшие роль посредника для секретных служб США, Саудовской Аравии и других арабских стран, Китая и Израиля. Но лидеры моджахедов из широко известных «7 пешаварских партий» имели также и свои собственные источники финансирования. Под прикрытием мощного пакистанского лобби, которое было тройным узлом связано с армией и секретными службами Исламабада, моджахеды занимались торговлей наркотиками, собирали дань с проходящих караванов, вплоть до того, что за отдельную плату сопровождали грузы до места назначения. Первое время казалось, что Талибан ничем не отличается от уже существующих банд. Однако после взятия талибами Кандагара стало ясно, что речь идет о настоящей армии. И тогда вопрос о том, что представляет собой это движение, приобрел совсем другой характер.

Пуштунские племена

Самое простое – это определить этнический состав движения Талибан. Вначале оно опиралось главным образом на пуштунов дурани с юга Афганистана. Пуштунские племена составляют самую многочисленную народность в стране, но южные племена (дурани) заметно отличаются – в одежде, семейных традициях – от племен, живущих на севере (гильзай). Известно, что в прошлом «северяне» и «южане» часто враждовали друг с другом. Учтем этот момент – он важен для того, чтобы выяснить: до какой степени талибы в состоянии поддерживать этническое единство пуштунов. По оценкам многих авторитетных пакистанских наблюдателей, движение Талибан, опиравшееся вначале на племена дурани, впоследствии трансформировалось в общепуштунское движение. С другой стороны, те же пакистанские аналитики считают, что при всей сплоченности талибов, особенно в первые годы после их

прихода к власти, межплеменные противоречия все же давали о себе знать.

Но, даже оставив в стороне этот вопрос, совершенно очевидно, что исключительно пуштунский, то есть моноэтнический, характер движения Талибан изначально ставит под сомнение – или крайне затрудняет – любую возможность достичь согласия с другими этнонациональными группами в Афганистане. Трудно представить, что талибы могут коренным образом изменить облик своего движения. Зато не исключено, что движение угаснет само по себе и так же внезапно исчезнет, как и внезапно появилось. Как мы далее увидим, это предположение вовсе не лишено основания.

Второй момент, на который сразу обращаешь внимание: талибы – приверженцы суннитского течения в исламе. Надо, правда, признать, что контуры их религиозной и политической философии довольно размыты, несмотря на то, что прошло уже восемь лет после их первых официальных заявлений политико-программного характера. Они утверждают, что хотят построить «истинное исламское общество». На своей первой пресс-конференции в Пешаваре в начале 1995 г. лидеры движения выступили против демократических выборов, поскольку выборы-де «не соответствуют исламу».

Было бы явным преувеличением считать, что талибы преуспели в государственном строительстве. В этой сфере они ограничились переименованием страны в «Исламский Эмират Афганистана». Создается впечатление, что у них вообще отсутствуют какие-либо концепции или идеи на этот счет. Зато были восстановлены многие средневековые нормы и запреты, среди которых: запрет на работу и получение образования для женщин, обязанность мужчин носить головной убор и бороду, обязанность женщин появляться на людях только в парандже. Запрещено слушать радио, смотреть телевидение, слушать музыку и играть на музыкальных инструментах. Запрещены были кино и другие массовые зрелища. Все кинотеатры в стране были или разрушены, или превращены в места для молитв.

На всей подконтрольной Талибану территории установился режим беспросветного террора, хотя идеологическая ярость талибов никоим образом не основана на суннитских заповедях, которые значительно уступают в жестокости тому, что предписывает ислам шиитского толка. Это еще один парадокс в данной истории. Впрочем, вернемся к нему, когда будем говорить о враждебности талибов к шиитскому Ирану.

А пока обратимся к начальному этапу бурного и ошеломляющего появления этой политической и военной силы. Но прежде чем отбросить искусственно созданные легенды о непобедимом, истинно народном и, главное, стихийном движении, перейдем к критическому анализу Талибана, попробуем вкратце восстановить хронологию событий того периода.

К началу 1995 г. под контролем талибов находятся 7 из 28 афганских провинций: Кандагар, Забул, Гильменд, Урузган, Газни, Пактия и Нимруз. 14 февраля 1995 г. отряды талибов уже на подступах к Кабулу и начинают массированное наступление на столицу с юга. Буквально за считанные месяцы решительным образом изменилась вся ситуация внутри страны. Еще совсем недавно не существовавшее войско «студентов» наносит поражения одной партии моджахедов за другой. Почему это стало возможно?

Талибам в тот период противостояло слабое и раздираемое противоречиями правительство Бурхануддина Раббани – последний отголосок джихада той «священной войны» 1979-1989 гг. против советского вмешательства. После вывода советских войск президент Наджибулла смог продержаться у власти до апреля 1992 г. На первых порах – пока Горбачев оставался президентом СССР, то есть до конца 1991 г., – Наджибулла получал по воздушному мосту из Ташкента и Душанбе продовольствие, военное снаряжение и боеприпасы, запчасти к боевой технике. После краха Советского Союза и прихода Бориса Ельцина к власти в России Наджибулла достаточно быстро понял, что поддержка Москвы скоро прекратится. К сожалению, альтернативы ей не нашлось.

Единственным выходом из создавшегося положения могла бы стать помощь Индии, которая в свою очередь была крайне обеспокоена пакистанским давлением на Кашмир. Индия опасалась, что после победы моджахедов в Афганистане легионы исламских фанатиков, прекрасно вооруженных, с большим опытом партизанской войны, могли бы появиться в зоне нового потенциального индо-пакистанского конфликта. В период 1991-1992 гг. Наджибулла неоднократно приезжал в Дели в надежде, что ему помогут с оружием и продовольствием. Но

правительство Нарасимха Рао было не в состоянии в одиночку заменить распавшийся Советский Союз.

Индия не раз пыталась, не афишируя, поддержать Наджибуллу, но из-за отсутствия прямых коммуникаций с Кабулом и высокого риска, связанного с установлением воздушного моста, Дели пришлось отказаться от этих попыток. Не будем забывать, что в те годы Индия оказалась вопреки своей воле вовлеченной в политическую и дипломатическую игру, к которой она не была готова. Закончилась эпоха Неру и распался СССР, под покровительством которого Индия развивалась на протяжении 20 лет. Новые индийские лидеры столкнулись с необходимостью принять чрезвычайно важные решения, но не сделали этого. Разочарованный и смирившийся Наджибулла вернулся в Кабул. Факт, что он немедленно отправил всю свою семью в Дели, говорит о том, что он готовился к самому худшему.

Новое российское правительство постаралось поскорее освободиться от остатков бывшего влияния СССР на развитие ситуации в Афганистане. Ельцин и его окружение считали, что, во-первых, таким образом они укрепят расположение к себе Вашингтона. И в этом они были правы. Во-вторых, они были по-прежнему твердо уверены, что от Советского Союза они унаследовали «империю Зла», которую надо продолжать разрушать, чтобы дать возможность России войти, как тогда говорили в Москве, в число «цивилизованных стран», среди которых не нужно отстаивать какие-то свои национальные интересы, поскольку все пожелания мгновенно исполнялись бы «империей Добра».

Ни к чему не привели лихорадочные попытки Наджибуллы достичь компромисса с моджахедами с целью создания коалиционного правительства. Поражение становилось неизбежным. В апреле 1992 г. моджахеда вошли в Кабул, а Наджибулла даже не успел спастись бегством. Дорогу в аэропорт ему преградили отряды узбека Абдурашида Дустума, который до этого момента считался союзником Наджибуллы. Предательство Дустума стало окончательной причиной поражения Наджибуллы и, в конечном итоге, его смерти. Наджибулла укрылся в миссии ООН, и пройдет еще четыре долгих года, прежде чем его повесят талибы. Без всякого сомнения, при желании его могли бы спасти. Но ООН не стало делать того, что США считали недопустимым, а Россия – совершенно ненужным и второстепенным.

Тем временем, взяв Кабул, отряды моджахедов из «7 пешаварских партий» начинают междоусобную войну друг с другом, заключая и разрывая с судорожной и патологической последовательностью новые союзы и соглашения. Такой исход победы над Наджибуллой выявил, по крайней мере, три обстоятельства: во-первых, насколько непрочным и навязанным извне оказался альянс «пешаварских партий»; во-вторых, насколько мало «политики» было в альянсе, в котором преобладали неприкрытые экономические интересы с явно криминальным оттенком; в-третьих, насколько быстро отвернулись от моджахедов те, кто их недавно поддерживал. Альянс моджахедов распался почти мгновенно. 1993-1994 гг. были отмечены ожесточенными боевыми действиями по всей территории страны и особенно в столице. Президенту Раббани в союзе с министром обороны Ахмад-шахом Масудом противостоял премьер-министр Гульбеддин Хекматияр. Последний еще пользовался поддержкой влиятельных кругов пакистанских секретных служб. В союзе с узбеком Дустумом в начале 1994 г. он предпринял массированное наступление на Кабул. В результате бомбардировок и артобстрелов многие кварталы столицы были превращены в груды развалин. В течение длительного времени боевые действия в Кабуле шли практически беспрерывно. Такое положение в стране продлится до 1996 г.

Изменение стратегических векторов

Что же произошло? Заглянем за кулисы афганской драмы. К 1988-1989 гг. у США крепнет уверенность, что их афганская война близится к победоносному завершению. В Советском Союзе начинаются дискуссии: был ли ввод войск в Афганистан ошибкой? В скрытой форме полемика идет и в высшем эшелоне КПСС. Но даже из скудной информации, которая просачивалась за рубеж, можно было понять, что желания сидеть в кабульском болоте становится все меньше и меньше. Да, действительно, в те годы нигде, даже в Вашингтоне, не могли себе представить скорый крах СССР. Но именно в тот момент США попытались

предопределить последующую ситуацию в Афганистане, Пакистане и в остальных странах региона. Осознание своих стратегических интересов изменило роли почти всех закулисных игроков в Афганистане.

Прежде всего, Вашингтон перестал поддерживать моджахедов. Одно дело направлять правоверных мусульман в священный бой с советскими захватчиками, и совершенно другое – рассудили в американской столице – иметь дело с регионом, который может войти в уже густонаселенный пояс стран исламского фундаментализма. В то же время тогдашний президент Пакистана Зия-уль-Хак и могущественный глава разведслужбы ISI (Inter Service Intelligence) генерал Ахтар сделали ставку на Гульбеддина Хекматияра в качестве главы будущего афганского правительства после изгнания советских войск и ликвидации их друзей в Кабуле. Среди прочих возможных триумфаторов Хекматияр был, без всякого сомнения, самым фанатичным сторонником исламского интегрализма. Нетрудно было предугадать, насколько непростыми стали бы его отношения с бывшими западными покровителями. План же Зия-уль-Хака заключался в том, чтобы посадить в Кабуле марионеточное правительство, целиком и полностью отвечающее интересам Пакистана. В первую очередь это позволило бы Исламабаду окончательно разрешить погранично-территориальную проблему в свою пользу. Территориальная проблема между Афганистаном и Пакистаном досталась им в наследство от английских колонизаторов, которые, уходя из Индостана, провели на карте пресловутую «линию Дюрана», разделившую надвое районы, которые населяют пуштунские племена. Подчиненный и зависимый Афганистан позволил бы Исламабаду разрядить мину под названием «Пуштунистан» и снять постоянно присутствующий в явной или скрытой форме этот болезненный вопрос из отношений между двумя странами.

Зия-уль-Хак тоже рассуждал стратегически и на первый план ставил национальные интересы Пакистана. Решив свои проблемы на западных рубежах, Исламабад смог бы посвятить все свое внимание на востоке гораздо более сильному соседу, чем Афганистан, – Индии. С этим соседом территориальный спор уже трижды после провозглашения независимости выливался в кровавые конфликты. Кроме того, создание в Афганистане дружественного исламского государства суннитского толка позволило бы постоянно оказывать давление на шиитский Иран, ставший к тому времени врагом номер один для США. Таким образом, Исламабад, выступая в роли покровителя Афганистана, превращал его в форпост в возможном конфликте с Ираном и рассчитывал на существенную экономическую и военную помощь со стороны Запада даже после вывода советских войск. И, наконец, на северном направлении исламское государство со столицей в Кабуле могло бы держать в постоянном напряжении все среднеазиатское подбрюшье Советского Союза.

Отчасти планы Пакистана совпадали (ранее) с планами США. Активная американская поддержка джихада была бы невозможна, если бы таких планов не существовало. Однако, начиная с 1991 г. политическая конструкция, спроектированная Исламабадом, все больше приобретала очертания, которые никак не вписывались в схемы, по которым США собирались обустроить данный регион. В первую очередь американцев, как уже отмечалось, никак не устраивало формирование исламского экстремистского правительства в Кабуле, которое только удвоило бы угрозу фундаментализма в лице Ирана. А Афганистан превратился бы в огромный военный лагерь, переполненный бойцами с десятилетним опытом войны за плечами, готовыми, если возникнет необходимость, к бою во всех точках земного шара, где обострены до предела противоречия между исламом и Западом, в частности США.

С другой стороны, в тот момент Вашингтон, нанеся болезненное поражение Москве, был не заинтересован в дальнейшем переделе сфер влияния в данном регионе. Только гораздо позже, после распада СССР, аппетиты США возросли, но и тогда их приходилось сдерживать, чтобы не доставлять лишнего беспокойства надежному американскому союзнику в Кремле – президенту Борису Ельцину. В-третьих, Америка не очень хотела бы видеть Пакистан, где уже полным ходом разворачивалась программа создания ядерного оружия, слишком сильным и агрессивным в отношении Индии (с которой влиятельные деловые круги США связывали большие надежды, ввиду дальнейшего сокращения советского, а затем и российского экономического доминирования в этой стране).

Вполне возможно, что сочетание всех этих факторов и привело к тому, что после начатого

Михаилом Горбачевым вывода советских войск из Афганистана помощь США джихаду стала сокращаться. Несомненно, что это помогло Наджибулле еще целых три года только своими силами оказывать сопротивление моджахедам на поле боя. В любом случае было ясно, что после поражения Советского Союза в Афганистане Вашингтон был бы не против поиска компромиссного решения в формировании будущего правительства в Кабуле. Желательно с участием короля Захира, который засиделся в Риме. О подобных вариантах в свое время говорилось много. На это же многозначительно намекал Горбачев в интервью для газеты «Унита» в 1987 г.

Как бы то ни было, а все стали свидетелями, как Вашингтон и Исламабад состязались в перетягивании каната. На этом фоне и произошла авиакатастрофа, в которой погибли президент Зия-уль-Хак, генерал Ахтар. На борту разбившегося самолета находились и посол США в Исламабаде, и американский военный атташе. Обстоятельства этой трагедии и по сей день остаются невыясненными. Если не считать откровений Мохаммада Юсафа, истинного главнокомандующего вооруженными формированиями моджахедов, агента ISI, который долгие годы непосредственно координировал деятельность «7 пешаварских партий», распределял среди них оружие, подготавливал оперативные планы боевых действий, занимался военным обучением полевых командиров, разрабатывал все самые важные директивы стратегического характера. В своей почти неизвестной на Западе книге, написанной при содействии журналиста Марка Адкина, которая называется «Медвежий капкан» («The Bear Trap», Jang Publisher, Lahore 1993), Юсаф обвиняет в организации катастрофы ЦРУ (допуская, что к диверсии могли быть причастны также КГБ и КНАД – спецслужба Наджибуллы).

Все эти политические, стратегические и шпионские соображения помогают понять, почему в 1992 г. под Джелалабадом Хекматияр потерпел сокрушительное поражение от соединенных сил Раббани и Масуда. Его поражение убедительно продемонстрировало, что США решили «избавиться» от пакистанских амбиций. Разгром Хекматияра должен был восприниматься как поражение тех правящих кругов Пакистана, которые стремились к продолжению линии Зия-уль-Хака после его смерти. Эти круги, впрочем, и до сего дня продолжают определять пакистанскую политику в отношении Афганистана, вне зависимости от того, какой в Исламабаде президент и какое правительство. Их интересы также имеют стратегическую направленность. И хотя они несколько другого характера, но так же весомы, как приведенные ранее.

Глобальная партия

Россия и бывшая советская Средняя Азия

Планы влиятельных пакистанских деловых и военных кругов были расстроены, но и планам, которые соответствовали бы американским стратегическим интересам, не суждено было реализоваться. В 1992-1996 гг. военные действия в Афганистане уже без участия советских войск и Наджибуллы привели к не меньшему количеству жертв и разрушений по сравнению с периодом советского вмешательства (1979-989). В то время как лидеры моджахедов продолжали междоусобную войну, в которой погибало, прежде всего, мирное население, за пределами Афганистана никто уже не пытался решить проблему политическими средствами. Кабул превращался в груды развалин, а весь мир, казалось, просто «забыл» о существовании Афганистана. Такая «забывчивость» лишний раз подтверждает факт, что мировая система средств массовой информации все более подчиняется жестким правилам поведения, первое из которых требует как можно быстрее уничтожить следы преднамеренных преступлений, обмана мирового общественного мнения или ошибок, совершенных из лучших побуждений. Ведь вопреки тому, о чем неустанно твердила западная пропаганда в период советского вмешательства (а именно что 3 млн афганцев бежали из-за зверств советских оккупантов и что, как только советские войска уйдут, все войдет в норму), афганские беженцы не спешили возвращаться домой из Пакистана и Ирана после вывода советских войск. Точнее говоря, часть из них начала было возвращаться, но новые сотни тысяч, спасаясь от смерти и

голода, продолжали переходить афганскую границу в противоположном направлении. Вместе с ними стал растекаться, как уродливое масляное пятно, сначала внутри Пакистана, а затем по всем каналам мирового терроризма тот огромный арсенал оружия, как брошенного советскими войсками, так и привезенного из США, Китая, Саудовской Аравии, Египта, Турции.

В этом стратегическом контексте Афганистан, опустошенный и находящийся на грани полного распада, неожиданно приобретает интерес в глазах крупных закулисных игроков мирового масштаба. Если взять за точку отсчета 1993 г., то мы сразу увидим, что многое – большая часть – из того, о чем говорили около 20 лет назад, сегодня или просто исчезло, или изменилось до неузнаваемости. Но целый ряд новых факторов обуславливает важную роль Афганистана в глобальной партии. Попробуем их детально проанализировать.

Во-первых, распад Советского Союза – это уже неопровержимый и необратимый факт. Крах СССР не могли предвидеть ни в Вашингтоне, ни в Исламабаде, ни в Эр-Рияде, ни в Москве. На месте СССР вдоль северной афганской границы появились три бывшие советские, а ныне независимые республики: Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан. Еще две республики, вышедшие из чрева СССР, расположены чуть дальше к северу: Казахстан и Киргизия. Правящие круги этих стран говорят на русском языке и придерживаются современных взглядов (в рамках той современности, что была принесена в Азию советской властью). Они поддерживают идею светского государства, хотя долгое время – в советский период – им приходилось руководить населением, которое в подавляющей массе следовало исламу. Они не демократы, но связывают свои надежды на будущее с Западом, в первую очередь с Соединенными Штатами Америки. Они мечтают о притоке американских капиталов. В целом не питают особых симпатий ни к Пакистану, ни к Китаю, ни к Ирану. С Россией их связывают традиция и конкретные сегодняшние интересы, обусловленные близостью и похожестью социально-экономических структур, доставшихся в наследство от советской системы. Совершенно очевидно, что они боятся угрозы исламского фундаментализма, который – с учетом бедственного положения экономики в республиках – может быстро пустить корни среди сельского населения, которое сохранило верность восточным традициям и религии. Понятна и та озабоченность, с которой в Душанбе, Ташкенте, Ашхабаде, Бишкеке и Астане следят за маневрами Исламабада. С их южных границ доносится артиллерийская канонада и молитвы Аллаху.

Все эти республики – за исключением Туркменистана, возглавляемого Сапармурадом Ниязовым, – довольно быстро приходят к единодушному вместе с Москвой мнению, что необходимо бороться с угрозой, исходящей от афганской границы. Да, в тот период Россия – с Ельциным на месте президента, Черномырдиным – премьером и Козыревым – министром иностранных дел, которые лишены какого-либо представления о национальных интересах России, – была не в состоянии проводить никакой внешней политики в данном регионе. Но под давлением бывших братских республик, неспособных в одиночку противостоять возможным угрозам, Кремль приходит к выводу о необходимости создания системы коллективной безопасности. Формируются коллективные вооруженные силы в 25 тыс. человек (большинство – российские военнослужащие) для охраны таджико-афганской границы.

Однако каждая из этих вновь образованных республик вынуждена в первую очередь заниматься своими внутренними проблемами, связанными с переходным периодом в экономике и вхождением во власть новых правящих элит. Этим объясняется отсутствие серьезных политических и дипломатических инициатив, не говоря уже о военных мерах для оказания влияния на развитие ситуации в Афганистане. В то же самое время каждая из этих республик прекрасно понимает, что раздираемый войной Афганистан является препятствием для развития торговли с востоком, для выхода на обширные рынки Пакистана, Индии и стран Юго-Восточной Азии. Несмотря на свое горячее желание прорваться в сферу влияния доллара, бывшие советские республики Средней Азии, вопреки своим мечтам, вынуждены опираться на Россию, которая сама находится в кризисе без перспектив на будущее. Россию нерадивую и бестолковую, которая зачастую предстает для бывших братских республик конкурентом в «гонке на Запад», а не в качестве внушающего страх центра притяжения с целью воссоздания прежнего Советского Союза. Лишенные своих выходов к морям, бывшие советские среднеазиатские республики вынуждены использовать далекие российские порты в то время,

как совсем недалеко от них Индийский океан.

Стремления у всех государств, расположенных вокруг Афганистана, надо сказать, отличаются взаимностью. Первыми подали сигнал к сотрудничеству пакистанцы, установившие тесные контакты с бывшими республиками СССР, которые были заинтересованы в скорейшем открытии наземных торговых путей через афганскую территорию. Символический эпизод, с которого мы начали книгу, о караване с товарами, «отбитом талибами у бандитов», иллюстрирует намерение Исламабада предстать перед бывшими советскими азиатскими республиками в роли покровителя торговых связей и гаранта их безопасности. Жест более чем уместный, особенно в тот момент, когда Тегеран – с молчаливого одобрения Москвы – начинает подписывать ряд транзитных договоров с большинством стран СНГ. Таким образом, вырисовывается альтернативный торговый маршрут из Средней Азии через Иран (порт Бандар Аббаз) в Индию, то есть на тот рынок, который еще помнит давние традиции индийско-советского экономического сотрудничества.

США и Саудовская Аравия

Этот альтернативный маршрут вызывает крайнюю обеспокоенность в ведущих западных странах, прежде всего в США, для которых Иран все еще враг номер 1. Позволить Ирану овладеть торговыми путями в Среднюю Азию и из нее представляло бы угрозу негативных и даже опасных последствий по всем направлениям: уменьшение американского влияния на СНГ; возможность установления Ираном контроля над нефтяными потоками с месторождений Каспия до западных потребителей; сужение пространства для политического маневра, как в отношении Индии, так и в отношении России (что вполне устроило бы Тегеран). При желании список неприятностей можно было бы продолжить. Для Вашингтона такой поворот событий означал бы полное стратегическое поражение.

Для Саудовской Аравии это также был бы чувствительный удар. Иран уже на протяжении ряда лет претендовал на роль лидера в исламском мире. Одной из причин, по которым Саудовская Аравия начала помогать джихаду моджахедов, стала необходимость поправить в глазах миллионов мусульман во всем мире свой авторитет, пошатнувшийся из-за союза с неверными американцами. Надежды в 80-е гг. противопоставить шиитскому Ирану исламский фундаменталистский режим суннитского толка, финансируемый из Эр-Рияда, похоронен под развалинами Кабула. А Ирану, казалось, ничто не мешало погреть руки на транзите новой нефти, которая скоро должна была хлынуть мощным потоком из каспийских месторождений. Такая перспектива еще больше сплотила США и Саудовскую Аравию в их противостоянии с Ираном.

Пакистан и героин

Третья сторона, которая могла бы пострадать от возвышения Ирана, – Пакистан. Тому было много причин, но остановимся на той, о которой на сегодняшний день едва упоминают и которая заслуживает самого подробного рассмотрения. Это контроль над производством и сбытом наркотиков, в частности опиума, то есть героина.

По данным, которые приводит в своей книге «Талибан. Ислам, нефть и новая Большая Игра в Центральной Азии» Ахмед Рашид (Taliban. Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia. London 2000), в период с 1992 по 1995 г. в Афганистане ежегодно производилось от 220 до 240 тонн опиума. В этот период Афганистан мог наравне с Бирмой претендовать на первое место в мире по объему производства опиума-сырца. Чтобы составить представление о доходах от этого бизнеса, необходимо иметь в виду, что крестьянин, который выращивает опийный мак, получает менее 1 процента из общей прибыли (согласно исследованиям UNDCP – Программы ООН по борьбе с наркотиками). Еще 2,5 процента остаются в Афганистане или в Пакистане в руках первых посредников – перекупщиков товара. Еще 5 процентов распределяется на всем маршруте доставки героина на западные рынки. Остальные 91,5 процента получают наркоторговцы именно на этих рынках, где сосредоточена организованная преступность всего цивилизованного мира.

Чему равен 1 процент, остающийся в карманах почти миллионного афганского сельского населения? По данным UNDCP, порядка 100 млн долларов. А для крестьянских семей, занимающихся разведением мака, это составляет приличный годовой доход – 10 тысяч долларов.

Если приведенные цифры отражают реальное положение вещей, можно представить, каковы доходы главных участников наркобизнеса. За вышеназванный период чистая прибыль международной организованной преступности от продажи афганского героина составила фантастическую сумму – 9,15 млрд долларов. Еще примерно 850 млн долларов остались в Пакистане.

Ахмед Рашид в своей книге делает одно важное уточнение. Изначально – то есть на протяжении 80-х гг. – самым крупным производителем героина в мире был Пакистан. Затем по ходу войны в Афганистане появилась неограниченная свобода действий на соседней территории. Именно это, а также необходимость финансировать вооруженные формирования моджахедов, не залезая в контролируемый государственный бюджет, привели к тому, что плантации опийного мака постепенно переместились из Пакистана в Афганистан. Ахмед Рашид пишет: «Наркобизнес приобрел огромный размах под прикрытием поставок оружия при непосредственной причастности ЦРУ и ISI... Как во Вьетнаме ЦРУ закрывало глаза на наркобизнес своих местных союзников, так и в Афганистане США решили не обращать внимания на крепнущий альянс моджахедов, с одной стороны, и пакистанских наркодельцов и военных – с другой» (там же. С. 120).

Нетрудно представить последствия, которые имела почти двадцатилетняя никому не подконтрольная торговля наркотиками для слабо развитой экономики Пакистана. Широкий приток криминальных денег дал дополнительный толчок коррупции, которая приобрела характер эпидемии. Наркодоллар стал безраздельно властвовать в экономической, политической и общественной сфере страны. Для полноты картины добавим, что сегодня Пакистан стал ядерной державой.

Но вернемся к основной теме. Теперь становится ясно, почему влиятельные круги в Исламабаде считают сохранение контроля над артериями, по которым течет драгоценный товар, проблемой первостепенной важности. Более того, они заинтересованы в максимально широком его распространении по всем направлениям. Из провинции Гильменд, где производится почти половина афганского героина, или из района Кандагара, где самые плодородные земли, на юг через пустыню Белуджистана к пакистанскому побережью – порту Макран. Или через Иран в Турцию, или же из провинции Герат в Туркменистан через прозрачную границу, далекую от назойливых, любопытных глаз.

Маршруты нефти

Итак, смысл символического жеста с «освобождением» талибами каравана в 1994 г. предельно ясен. Исламабад давал понять, что именно он вновь откроет наземные торговые пути и будет гарантировать их безопасность. Совершенно очевидно, что под коврами и тканями, лекарствами и продуктами питания будет находиться более ценный и прибыльный товар. В этой сфере тесно соприкасаются интересы Пакистана и Саудовской Аравии. В меньшей степени пересекаются интересы Пакистана и Соединенных Штатов, которые безуспешно пытаются одной рукой (DIA – Drug Intelligence Agency – Агентство по борьбе с наркотиками) разрушить то, что создавали другой рукой (ЦРУ) на протяжении целого ряда лет. Зачастую все не так просто, как может показаться на первый взгляд. За прошедшие бурные годы в данном регионе сталкивались различные и противоположные политические линии. Поэтому никого не должно удивлять, что политика главных действующих лиц неоднократно претерпевала изменения.

Толчком к пересмотру политики послужило открытие огромных залежей нефти и газа в районе Каспийского моря. Вплоть до 1991 г. море считалось почти полностью советским, за исключением «чужестранного» иранского побережья. Но затем неожиданно оно оказалось в центре внимания многих влиятельных сил. Первые оценки запасов месторождения были просто фантастическими. Перед ними меркли даже природные богатства Саудовской Аравии и Ирака, вместе взятые. Впоследствии оценка запасов значительно снизилась, но тем не менее

энергетический потенциал этого региона оставался огромен. Все крупные нефтяные компании мира устремились туда. Первой удалось закрепиться на месте компании «Шеврон», располагавшей широкой поддержкой правительства США, которое в то время активно обхаживало казахского президента Нурсултана Назарбаева. «Шеврону» удалось вместе с другими участниками создать совместное предприятие по разработке огромного Тенгизского нефтяного месторождения. Но многое еще было непредсказуемым и неустойчивым. Речь шла не только о том, как добывать нефть и газ, но, главным образом, как решить проблему их доставки на мировые рынки. Необходимые инфраструктуры отсутствовали. Пришлось бы строить новые газо- и нефтепроводы. Где их проложить? Любой вариант решения поднимал целый ворох проблем и грозил политическими, дипломатическими и стратегическими осложнениями.

Первым, кто готов был рискнуть своими капиталами на афганском направлении, стал аргентинец итальянского происхождения Карлос Булгерони, президент аргентинской нефтяной компании «Бридас». Чутье предпринимателя подсказывало ему, что ключом к каспийскому крану и проблеме транспортировки нефти в Персидский залив является Туркменистан. Булгерони получил от Ниязова право распоряжаться 50 процентами добычи нефти и газа на месторождении Яшлар, расположенном вблизи от афганской границы.

Другую, еще более выгодную концессию он получил на нефтегазовом месторождении Кеймир. Жаждавший инвестиций президент Туркменистана предоставил Булгерони право на 75 процентов будущих прибылей от разработки месторождения. Тем временем «Бридас» пытается свести воедино интересы Туркменистана, Пакистана и США. О России речь не идет ни в каком контексте. Ниязов не делает тайны из того, что Москва остается вне игры. Более того, неучастие Москвы выдвигают как неперемное условие, которое откровенно радует США, которые не хотят, чтобы Россия сохранила хотя бы остатки своего влияния в регионе. Ниязов боится всплеска ностальгии по советским временам, которая могла бы угрожать его независимости и его неограниченной власти. Между 1991 и 1994 г. разрабатывается проект нефте- и газопровода через территорию Афганистана. Из Яшлара нефть и газ предполагалось транспортировать до Суй в Белуджистане, где находится центр хранения и переработки энергетического сырья. Оттуда сырье могло бы как идти на экспорт, так и использоваться внутри страны.

В те годы в Афганистане полыхает междоусобная война. Булгерони поставил перед собой задачу встретиться со всеми лидерами враждующих группировок моджахедов. Он спешит в Герат на встречу с Исмаилом Ханом; летит в Кабул, где его принимают Раббани и Масуд; он частый гость в Мазари-Шарифе, где консультируется с узбекским генералом Дустумом; отправляется в Кандагар на переговоры с вождем талибов Мухаммадом Омаром. Всем он обещает солидные дивиденды в обмен на гарантии, что никто не будет мешать строительству нефтепровода, а после завершения строительства нефтепровод не превратится в объект для споров и шантажа. Параллельно в туркменской и пакистанской столицах в ход идет закулисная дипломатия. Ставки в игре очень высоки. Требуются дополнительные капиталы. «Бридас» предлагает другим нефтяным компаниям (которые планируют участвовать в разработке каспийских месторождений) войти в долю и получить доступ к будущему нефтепроводу. Среди этих компаний самый большой интерес к проекту проявляет «Юнокал» (занимающая 12-е место в рейтинге американских нефтяных компаний), главный консультант которой не кто иной, как Генри Киссинджер.

На календаре начало 1995 г. Военная обстановка в Афганистане остается напряженной и крайне запутанной. Талибы наступают, но никто не верит в их победу. В марте того же года тогдашний президент Пакистана Беназир Бхутто и Сапармурад Ниязов подписали меморандум, согласно которому «Бридасу», наконец, поручалось проведение подготовительных работ для строительства нефтепровода Яшлар-Суи. Меморандум оказался высшей, но в то же время и конечной точкой в туркмено-афганской карьере Карлоса Булгерони.

В тот самый момент в Вашингтоне и Ашхабаде происходят перемены. Появление на сцене «Юнокала» изменило расстановку сил. Ниязов поразмыслил и решил, что для него гораздо выгоднее непосредственно вовлечь США в туркменские проекты. И если у «Бридаса» за спиной никого не было, то за спиной компании «Юнокал» стоял президент Билл Клинтон. Тем

временем в Вашингтоне сторонники умеренной линии, которые делали ставку на президента Казахстана Назарбаева и президента Узбекистана Каримова, уступают натиску нефтяного лобби, стремящегося к получению немедленной максимальной выгоды. Если первые в лице Строуба Тэлботта старались не провоцировать слишком большого раздражения Кремля, открыто признавая Среднюю Азию зоной интересов России, то вторые стремились поставить Россию перед фактом и добиться формального признания, что все бывшие союзные республики входят в сферу обеспечения национальной безопасности США.

Таким образом, в октябре 1995 г. Ниязов оставляет за бортом «Бридас» и подписывает два контракта с «Юнокалом», который, в свою очередь, привлекает «Дельта Ойл Компани», принадлежащую саудовской королевской семье. Первый контракт предусматривает прокладку газопровода Давлатабад (Туркменистан) – Мултан (Пакистан) по территории Афганистана. Второй контракт касается строительства нефтепровода протяженностью 1050 миль, по которому вся нефть Средней Азии перекачивалась бы из Чарджоу (Туркменистан) до пакистанского побережья в Оманском заливе. К реализации этого исторического проекта «Юнокал» подключил российский Газпром (10%), «Дельта Ойл» (15%) и Туркменросгаз (5%). Общая сумма инвестиций должна была составить 4,7 млрд долларов. Во время презентации проекта было недвусмысленно отмечено, что «одним из главных препятствий на пути его реализации является политическая нестабильность в Афганистане. В этой связи, исключительную важность приобретает создание единого органа власти, представляющего интересы всей страны» (Телеграф. Калькутта. 1996. 7 нояб.).

После детальной проработки проекта кажется, что все остается в силе и встает на свои места. Главные действующие лица занимают свои места на сцене. Туркменистан вроде бы получает возможность воспользоваться плодами своей осмотрительной политики невмешательства во внутриафганские дела и неучастия в системе коллективной безопасности СНГ. Бывшая советская республика поддерживала прямые контакты со всеми лидерами группировок афганских моджахедов вне зависимости от их этнической или религиозной принадлежности. Она отказывалась предоставлять убежище главарям различных военных формирований, но в то же время старалась завоевать их расположение всеми доступными средствами, вплоть до подкупа. И, как результат, на протяжении всего периода внутриафганского конфликта на туркменской границе протяженностью в 600 км было всегда спокойно. Ниязов на всякий случай не рвал отношений ни с кем, не исключая Иран. Как раз в 1995 г. он лично присутствовал на открытии нового железнодорожного вокзала, построенного по последнему слову техники на туркмено-иранской границе в Сараксе. Вместе с вокзалом была открыта железная дорога, соединяющая город Мешад в северо-восточном Иране с Ашхабадом, – первая транспортная линия, ведущая из Средней Азии на исламский юг. Итак, Ниязов стал первооткрывателем новых наземных маршрутов. Что касается воздушного сообщения, то построенный новый современный аэропорт Ашхабада должен был стать достойным конкурентом для мегааэропортов стран Персидского залива.

Тайные союзы

Вашингтон, Эр-Рияд, Исламабад и Ашхабад продолжают углублять сотрудничество, по крайней мере в сфере разработки нефтяных маршрутов. На противоположном фронте крепнет ось Москва – Тегеран – Астана – Душанбе – Ташкент – Пекин. Жребий брошен. Сложилась новая мозаичная картина, разделительные линии которой заметно отличаются от тех, что были ранее. Произошли значительные перемены. Тегеран стал союзником Москвы после многих лет вражды из-за советского вмешательства в Афганистан. В равной степени это относится и к Пекину, изменение позиции которого имеет колоссальное значение. С другой стороны, Туркменистан, ведомый Ниязовым, стремится к сближению с Вашингтоном. Но операция США по вовлечению в свою орбиту других республик СНГ с треском проваливается. Москва остается, даже против своей воли, одним из главных участников Большой Игры.

Именно в тот момент пакистанский план установления окончательного контроля над Афганистаном получает одобрение – неважно, скрытое или явное – как со стороны Вашингтона (в том числе и в виде поддержки «Юнокала»), так и со стороны Эр-Рияда (в том числе через

«Дельта Ойл»). Политика Исламабада (точнее, военных кругов и секретных служб, тесно связанных с наркодельцами) в период 1993-1995 гг. находит понимание и становится основой для сближения. Интересы нефтяного лобби совпали с интересами наркобизнеса. Талибы, до этого момента прозябавшие в кровавой афганской драме в роли статистов, внезапно выдвинулись на авансцену и предстали как спасители страны, миротворцы и прообраз той единственной силы, которая объединит вокруг себя весь Афганистан.

Кто такие талибы?

Многие вопросы о них выяснились по ходу развития событий, о которых мы уже рассказали. Талибы были частью гораздо более широкой игры, которая обусловит их возникновение и их роль. Но откуда они пришли и как их создали?

Своим названием «талибы», т.е. «студенты», они обязаны пакистанской прессе. Студенты-пуштуны, изучавшие коран. Их набирали в бескрайних палаточных лагерях для беженцев, раскинувшихся вокруг Пешавара. Это были дети афганских крестьян, не имевшие представления об электричестве и телефоне. С момента своего рождения они находились в атмосфере нищеты и жестокости. Главным их занятием с тех пор, как они начинали ходить, становились поиски пропитания, чтобы не умереть с голоду. Таких детей было очень много. Из 2 миллионов афганских беженцев примерно 150 тысяч были мальчики от 7 до 18 лет – потенциально целая армия. Школы по изучению Корана – медресе, – возглавляемые безграмотными муллами, яростными сторонниками продолжения джихада, существовали и до афганских беженцев. Но в новой обстановке главной идеей было превратить медресе в центры формирования нового движения.

Предполагается, что использование медресе для идеологической обработки афганских беженцев и их военной подготовки началось в конце 1993 г. Наркодельцы стали понимать, что соперничество между вождями моджахедов неизбежно приведет к дополнительным расходам на транспортировку опиума-сырца через афганскую территорию. Поэтому они и решили создать свою «милицию», которая, в отличие от банд моджахедов, была бы им полностью подконтрольна.

Набор тысяч молодых афганцев потребовал серьезных денежных затрат. Если прежде в медресе могли угостить только чаем и галетой, то теперь туда стали направлять консервы, обувь и одежду. Из 200-400 учащихся одного медресе, по моим личным наблюдениям, овладевали грамотой не более десятка юношей. Остальные оставались неграмотными. Изучение Корана на самом деле представляло собой зубрежку отдельных отрывков, сведенных вместе в своеобразный катехизис. К этому традиционному для медресе предмету добавилась военная подготовка. Она проходила в специальных лагерях, организованных армией и спецслужбами Пакистана. Впрочем, военная подготовка проводилась ускоренными темпами и ограничивалась обучением стрельбе из автомата, пулемета и миномета. Более сложному оружию обучались самые способные, они же впоследствии становились полевыми командирами.

Командовать батальоном обычно назначали муллу, которого поверхностно знакомили с боевой техникой. Скучность образования должна была компенсироваться боевой практикой. По многочисленным свидетельствам очевидцев, поражения талибов и большие потери в живой силе объясняются именно их неопытностью. В Кабуле рассказывают, что после каждого крупного столкновения с Масудом в аэропорту столицы приземляются десятки грузовых самолетов без опознавательных знаков, которые высаживают новые отряды «студентов», готовых к отправке на бойню.

Но все же не стоит недооценивать силу Талибана. Прежде всего, талибы идут в бой по религиозному убеждению, чего уже давно нет у их противников. Они уверены, что им выпала огромная честь вести новую священную войну, которая хоть и направлена против братьев по вере, но те сами виновны в том, что продались «неверным». Так заявил мне один «студент» в октябре 1996 г. в Кабуле. Бойцов Талибана можно считать наемниками, но их крайне скудное жалованье состоит из поощрений и премий для тех, кто проявил доблесть в бою. В любом случае речь идет о мизерной сумме около 2 долларов в месяц. Впрочем, для афганцев и это

прорыв к благополучию.

Причина «непобедимости» талибов в другом. Она состоит в координации мер военного, экономического и политического характера. Проведение операций согласовывается по прямой линии связи между Кандагаром и Исламабадом. Одна из крупных пакистанских газет – «Геральд» – сообщила в январе 1996 г., что между Кветтой и Гератом, а также Лахором и Кандагаром проложены 2 секретные телефонные линии. Статья об этом вышла под заголовком «Набери лахорский номер, чтобы поговорить с Талибаном». Секретные службы Пакистана накопили определенный опыт в период войны против советского вмешательства в Афганистан и всегда были готовы поделиться этим опытом с талибами. Талибы могли, например, пользоваться пакистанской сетью сбора информации, в том числе и по линии космической разведки (предоставленной Пакистану американскими спецслужбами). И, наконец, не последний, а, может быть, главный компонент успеха состоял в том, что талибы и их пакистанские советники из ISI вели постоянные переговоры с местными полевыми командирами. Любому, кто готов был отказаться от ведения боевых действий и заключить договор, предлагался целый ряд привилегий и поощрений. Условия договора устанавливались для каждого конкретного случая. Иногда вождей моджахедов откровенно подкупали. Так, губернатору Джелалабада Хаджи Кадиру вручили чемоданчик с 20 млн долларов. Правда, 15 млн оказались фальшивыми – банкноты были отпечатаны в Пешаваре сотрудниками пакистанских спецслужб. Но это только эпизод. В действительности же местные полевые командиры спокойно оставались на подконтрольной им территории, держа свои формирования на деньги от транзита наркотиков. Талибы предложили каждому из них соответствующий процент от прибыли, получаемой за наркотрафик, в обмен на отказ от ведения военных действий. Благодаря подобным договоренностям талибы начиная с октября 1995 г. стремительно продвигались к центру страны.

Еще раз отметим, что во многих случаях их наступление не встречало серьезного сопротивления со стороны противника. Если сопоставить период наибольших успехов талибов с хронологией закулисных переговоров вокруг Афганистана, становится ясно, что военные действия развивались в полном соответствии с изменениями в политике, согласно учению фон Клаузевица. Оказалось, что стратегия, разработанная в Пакистане, приносит победу. А как результат, по данным Программы ООН по борьбе с наркотиками, производство опиума-сырца возросло в 1997 г. (через год после взятия талибами Кабула) до 280 тонн (т.е. на 40-60 тонн по сравнению с периодом 1992-1995 гг.). Дела пошли полным ходом. Несколько раз в месяц автокараваны, составленные из мощных грузовиков «тойота», под конвоем хорошо вооруженной охраны передвигаются по ночам во всех направлениях к границам из главных «житниц» страны – провинций Гильменд и Кандагар. Наркотрафик поставлен на солидную основу.

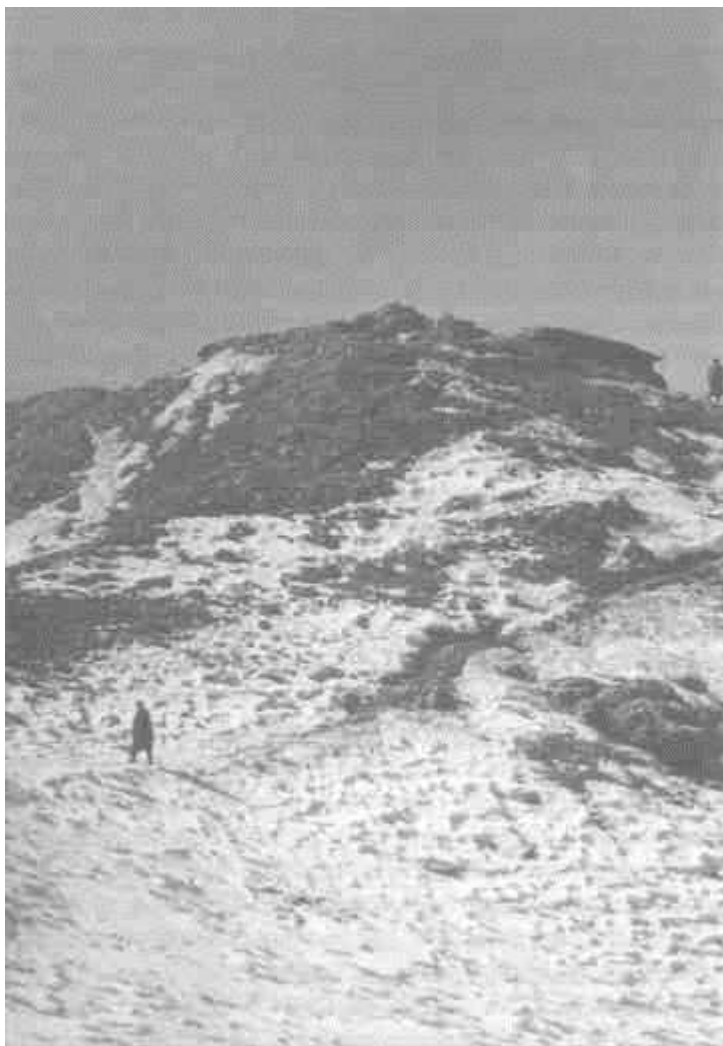
Афганистан идёт ко дну

Пакистанская стратегия приносила победы до определенного момента. Цена, которую пришлось заплатить афганскому народу, – полный развал государства. Талибы, охранявшие наркобизнес, были не готовы ни к управлению страной, ни к ее реформированию. Не сформировалось настоящего правящего класса. Страна погружалась во мрак полной неграмотности. Были разрушены все общественные институты. За 5 лет правления талибы не восстановили в Кабуле ни одного здания. Это красноречиво свидетельствует об отсутствии у них какой-либо стратегии возрождения страны и лишней раз доказывает, что режим, посаженный в Кабуле пакистанскими наркодельцами, не имел никаких национальных черт, не обладал суверенитетом и не мог выражать даже локальные этнические интересы. В этом плане временный характер режима талибов не вызывал сомнений.

Кроме того, для нового пакистанского президента, Первеза Мушаррафа, такой Афганистан с течением времени становился все более сложной проблемой. Производство наркотиков приносило огромные доходы, но наркодоллар и его производственная цепочка, в конце концов, превратились в главный, если не единственный, двигатель всей пакистанской экономики. И стали решающим фактором ее политической жизни.

Моджахед Северного альянса

Линия фронта со стороны моджахедов. Отряды Масуда и его союзников лишили талибов безоговорочной и окончательной победы

По прошествии пяти лет со времени захвата Кабула талибами только три государства признали новый режим: сам Пакистан, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты. США пытались было установить хорошие отношения с лидерами Талибана, направляя в Кабул одного за другим высокопоставленных представителей Госдепартамента. Но затем решительно отказались от мысли признать новый режим по той простой причине, что его существование было совершенно немыслимо в международном сообществе. То есть не только потому, что талибы предоставили убежище Осаме бен Ладену.

Учтем и еще один важный момент. Завоевав 90 процентов территории страны, талибы не смогли покорить северные районы и взять крепость Ахмад-шаха Масуда – Пянджширское ущелье. Зона, неподвластная талибам, начиналась в 100 км к северу от Кабула. В этих условиях нефтяные компании, реально оценивая ситуацию, не могли начать строительство нефте- и газопровода стоимостью в 5-6 млрд долларов, которые рисковали превратиться в инвестиции без будущего. Проект «Юнокал»–«Дельта Ойл» остался нереализованным. Прекрасный, новый аэропорт в Ашхабаде, торжественно открытый в 1996 г., пуст. Количество рейсов сократилось даже по сравнению с советскими временами.

Афганистан в начале 2001 г. многим внушал страх и почти ни у кого не вызывал симпатий. Когда талибы заняли Кабул, государства СНГ созвали 4 октября в Алма-Ате срочную встречу в верхах, чтобы выработать общую позицию. Россия, наконец очнувшись от оцепенения, осознала всю грозящую ей опасность и призвала принять экстренные меры. К ее мнению присоединились и остальные, за исключением Туркменистана. Сапармурад Ниязов не приехал на саммит и ограничился разговором по телефону с Виктором Черномырдиным. Для всех остальных республик, в том числе и России, истерзанной первой чеченской войной,

которая кончилась для нее тяжелейшим поражением, угроза исламского фундаментализма была – и остается по сей день – реальной. В Таджикистане, наиболее подверженном влиянию фундаменталистов, тогда только-только начался позитивный диалог с непримиримой оппозицией. В любой момент переговорный процесс мог прерваться в случае обострения военной обстановки на таджико-афганской границе. Что касается Киргизстана, то ни для кого не было секретом, что лидеры и тренировочные базы боевиков Хезб-и-Тахира – Исламской партии освобождения – находились на афганской территории в полной неприкосновенности со времен падения правительства Наджибуллы. Вполне естественно было ожидать, что талибы окажут поддержку и всестороннюю помощь вооруженной исламской оппозиции.

В последующие годы так и произошло. Похожая ситуация сложилась и для Узбекистана, возглавляемого Исламом Каримовым. Исламское движение Узбекистана, объявленное вне закона, располагало прочными тылами на территории Афганистана. Представители киргизских и узбекских оппозиционеров имели свои резиденции в Кабуле. Аналогичные представительства китайских и чеченских сепаратистов находились если не в столице Афганистана, где они бы бросались в глаза редким иностранцам, то в других городах, например Кандагаре и Герате.

Также логичным, вытекающим из анализа обстановки, стало совместное секретное решение бывших советских республик, включая Россию, об оказании помощи Ахмад-шаху Масуду в его борьбе против талибов. С этого момента афганские таджики стали получать из Таджикистана деньги, оружие, вертолеты и другое вооружение. Вначале объем помощи был невелик, но постепенно помощь увеличивалась и становилась все более открытой. Хватило того немногого, что смогла дать Россия, плюс выдающиеся военные способности Масуда, чтобы не позволить талибам провозгласить свою окончательную победу. По иронии судьбы, тылом для Масуда стала столица Таджикистана Душанбе, откуда в свое время на борьбу с ним отправлялись советские войска. Отряды Масуда стали ядром тех сил, которые впоследствии стали называться «Северный альянс». Соратниками Масуда стали узбекский генерал Дустум и лидер хазарейцев Исмаил Хан. Первый действовал в районе Мазари-Шарифа на границе с Узбекистаном, получая помощь от узбекского президента Ислама Каримова; второй, при поддержке Тегерана, активно сопротивлялся талибам в районе Герата. Несмотря на то, что по численности отряды Масуда и его союзников значительно уступали талибам, их сил оказалось достаточно, чтобы в 1996-2001 гг. лишить талибов безоговорочной и окончательной победы.

Агония режима

Итак, для США поддерживать какие-либо контакты с талибами оказалось невозможно. В один прекрасный момент президент Клинтон даже отдал приказ о ракетном обстреле баз Осамы бен Ладена. Это случилось после серии терактов против американских посольств в странах Африки. Операция не дала никакого результата и носила эпизодический характер. Женщины в парандже, наркотики, полное пренебрежение правами человека заставили США решительно дистанцироваться от режима талибов. Кроме того, Вашингтон, соревнуясь с Москвой, стремился всеми силами укрепить отношения с потенциальными партнерами в Средней Азии. А любой контакт с Талибаном мог только помешать развитию таких отношений. И, наконец, начало весьма сдержанного диалога с иранским президентом Хатами показывало, что воинствующая антииранская позиция США уйдет в прошлое вместе с прощальными огнями уходящей администрации президента Клинтона. Так что Вашингтон никак не был заинтересован поддерживать на плаву исламский фундаменталистский режим в Кабуле, враждебный Ирану, который постепенно начал восстанавливать хорошие отношения с Западом.

В начале 2001 г. союза сил, которые в свое время привели талибов к власти, уже не существовало.

Москве удалось убедить китайцев провести в Шанхае саммит шести центральноазиатских государств, чтобы подробно обсудить меры противодействия исламским фундаменталистам в регионе. Это было решительным поворотом событий. В центре внимания саммита, конечно, находилась ситуация в Афганистане. Очень важным было присутствие на саммите Ислама Каримова, который последнее время старался занимать совершенно независимую от Москвы позицию. Но после серии кровавых терактов, совершенных экстремистами из Исламского

движения Узбекистана, Каримову пришлось искать помощи у Москвы и Пекина. У Китая, в свою очередь, были все основания опасаться, что исламские радикалы из числа уйгурских сепаратистов находят идеологическую поддержку и военную помощь в Афганистане и Пакистане. «Организация сотрудничества в Шанхае» – под таким официальным названием проходил саммит – объявила о создании антиталибского союза под совместным российско-китайским руководством.

С приближением зимы стало ясно, что Афганистан оказался на краю гуманитарной катастрофы и что ему срочно требуется международная помощь. Царила полная разруха, не было настоящего правительства, зато страну наводнили многочисленные банды боевиков со всех концов исламского мира. Миллионы беженцев искали спасения от войны и голода. Тысячи женщин, детей, стариков умирали от холода как в палаточных лагерях в Пакистане и Иране, так и у себя на родине. Международное сообщество в последнее время отвернулось от Афганистана. Возможно, оно не реагировало на афганские события, потому что молчали средства массовой информации, которые еще 10 лет назад распространяли банальную ложь о том, что с уходом советских войск проблемы Афганистана решатся сами собой.

Ситуация же, однако, складывалась очень сложная и трудноразрешимая. Игнорировать ее более стало невозможно. Итак, в роковой для себя 2001 г. Афганистан вновь оказался в центре внимания мировой прессы. Прежде всего, из-за катастрофической гибели людей от голода и холода. Но сыграло свою роль также и неожиданное решение талибов взорвать статуи Будды в провинции Бамиан. На первый взгляд, разрушение памятников буддистской культуры казалось ни чем иным, как проявлением фанатичного мракобесия. Но на самом деле это был симптоматичный сигнал о нарастающих проблемах кабульского режима и его покровителей в Исламабаде. Если бы дело касалось только фанатизма, непонятно, почему талибы не сделали то, что предписывает, по словам муллы Омара, Магомед, еще 5 лет назад, сразу после прихода к власти в сентябре 1996 г.?

Все указывало на приближение решающих событий и, возможно, скорого краха режима талибов. Ход событий мог измениться благодаря воздействию одного из многочисленных факторов, а приближения кризиса на Востоке обычно приходится ждать долго. Но многие наблюдатели, в том числе и автор этих строк, отмечали, что последние беспорядочные действия талибов свидетельствовали о глубоком политическом кризисе.

Затем наступило 11 сентября, которое перевернуло всю ситуацию. Но к тому моменту в Афганистане и вокруг него созрели все условия для трагического и кровавого финала. Именно это мы и наблюдаем сегодня.

В преддверии войны (февраль – март 2001 г.)

Кабул

Огромная впадина, напоминающая лунный кратер с диаметром в сотню километров, находится на высоте 1800 метров над уровнем моря и вся покрыта снегом. Вокруг крутые заснеженные вершины, достигающие 3000 метров. Их длинные тени, словно черные клинки, прорезают долину ржаво-красного цвета с белыми пятнами снега. Маленький двухмоторный самолет с эмблемой ООН быстро снижается на черную полосу аэродрома, словно вырытую в огромном скоплении льда.

Вспоминаются прибытия на этот аэродром на борту Ту или Ила, которые вылетали из Душанбе или Ташкента. Советские самолеты подлетали на очень большой высоте, с которой на горизонте были видны только вершины Гималаев и Гиндукуша, а затем почти вертикально шли на снижение, так что дух захватывало. Таким виражом стремились обезопасить самолет от американских «стингеров», которые в любой момент могли быть пущены со склонов прилегающих гор вездесущими моджахедами, непримиримыми мстителями за ужасную политическую и историческую ошибку Советского Союза. Это было время войны с «шурави»,

советскими безбожниками.

Под крылом самолета расцветали букеты траекторий тепловых ракет, которые должны были сбить «стингеры» с прицельного курса, заставить их взорваться подальше от фюзеляжа. При разрывах этих салютов сжималось сердце не только у пассажиров, но и у самих пилотов. Сегодня все изменилось до неузнаваемости. Никаких крутых виражей, никаких ракет. Война кажется далекой и нереальной, даже если мы знаем, что она где-то совсем рядом. Другая война. Но пакистанские газеты в Исламабаде, откуда мы прилетели, описывают не войну, а нечто более страшное. Это гуманитарная катастрофа таких масштабов, что невольно задаешь себе вопрос: как произошло, что о ней не знаем ничего или почти ничего даже мы, журналисты?

«Добрый день, дорогие пассажиры! Скажите по секрету, что вы забыли в этом аду?» Так пилот-датчанин шутливо приветствовал на борту двухмоторного самолета ООН восьмерых пассажиров, из которых двое были журналистами, а остальные – представителями гуманитарных организаций и сотрудниками комиссий ООН. По сути, это вполне серьезный вопрос. Но звучит явно саркастически.

Представители ООН обращаются к спонсорам программ спасения, но те становятся все более скупыми и глухими к их просьбам. К тому же совершенно неясно, как расходуются те немногие деньги, которые удается собрать. По-прежнему все организации, оказывающие гуманитарную помощь Афганистану, находятся в Исламабаде, что очень странно. Всем известно, что непрерывная угроза суверенитету Афганистана и миру в этой стране исходит именно от влиятельных политических и экономических кругов Пакистана. Или сейчас не время давать оценку сложившейся ситуации? Не думаю.

Число афганских беженцев в Пакистане непрерывно растет. За последние месяцы, даже после того как 9 ноября 2001 г. пакистанские власти закрыли границу, в лагеря, расположенные под Пешаваром, прибыли 150 тысяч человек, большинство из которых – женщины и дети. Другие сотни тысяч в поисках еды и тепла бегут на север и юг Афганистана. То, что там происходит, не только война, а, скорее, ее разрушительные последствия, которые привели к окончательному распаду государства и общества. Это значит, что в относительно мирных условиях – после захвата власти на 90 процентах территории, так утверждают, но кто измерял эту территорию? – талибы не способны решить проблему выживания миллионов соотечественников, оказавшихся в западне.

Аэропорт Кабула представляет собой кладбище бывших самолетов. На отдельной площадке стоят два Ана афганской авиакомпании «Ariana Airlines», накрытые брезентом. Их, видимо, используют для редких полетов по стране важных персон. В момент, когда мы совершаем посадку, готовятся к взлету два самолета Международного Красного Креста – увозят из Афганистана иностранцев. Среди пассажиров – ни одного афганца. Пограничники не имеют военной формы, и их можно различить только по черным тюрбанам. В Афганистане вообще нет военной формы, по которой легко отличить солдат от гражданских лиц. «Черные тюрбаны» хмуро и подозрительно вглядываются в паспорта и визы. Появление иностранцев вообще не вызывает энтузиазма, они здесь непрошеные гости, от которых были бы рады отделаться. Неожиданно на взлетно-посадочной полосе появляются из какого-то невидимого ангара один за другим два оглушительно ревущих Миг-21. Они летят бомбить опорные пункты обороны Ахмад-шаха Масуда, единственного, кто продолжает сопротивление режиму «благочестивых студентов», которые уже пятый год владеют Кабулом и все еще окутаны тайной.

Таинственен и их одноглазый лидер Мухаммад Омар, который почти безвыездно находится в Кандагаре. Говорят, что глаз он потерял в бою с советскими войсками. Тогда он сражался в рядах партии Хезб-и-Ислами Юнуса Халеса – одной из семи группировок моджахедов. Теперь все семь – его злейшие враги. О самом Мухаммаде Омаре почти ничего не известно. Он никогда не дает интервью западным журналистам и никогда не фотографируется. В шуре (совете), которая возглавляет кабульский режим, очень немного деятелей, появляющихся на публике. Как правило, это те, кто имеет функции министров внутренних дел, информации, иностранных дел, социального обеспечения. Их средний возраст составляет 35 лет. Это значит, что в ночь с 26 на 27 сентября 1996 г., когда они захватили Кабул, им в среднем было по 30 лет.

Уже много говорилось и писалось о том, что они возглавили движение, сформированное из выпускников беднейших медресе, религиозных исламских школ, которые повсеместно открывались в Пакистане для пуштунов-беженцев из Афганистана и пуштунов, по воле судьбы (и линии Дюрана, прочерченной английскими колонизаторами) ставших пакистанцами. Но все равно многое остается неясным. Например, как из примитивных школ по изучению Корана вышли тысячи обученных бойцов, и откуда у этих бедняков в изобилии появилось современное вооружение? Скорее всего, мифология движения Талибан служила для прикрытия прямого финансирования и военной подготовки армии вторжения со стороны корпуса пограничной стражи и элитных подразделений десантных войск Пакистана под непосредственным руководством генерала Назеруллы Бабара, бывшего министра внутренних дел в правительстве Беназир Бхутто.

Но теперь, спустя несколько лет, многое отпало само собой. Первоначальный план – поставить Афганистан под пакистанский протекторат – изрядно полинял и стал опасен для самого Пакистана. Тридцатилетние борцы оказались не на высоте поставленных перед ними задач, главной из которых было объединить под своей властью страну и сделать так, чтобы через территорию Афганистана можно было без риска наладить транспортировку огромных запасов нефти и газа с месторождений Каспия. А что касается возрождения страны, то они или не знают, как это сделать, или просто не хотят этим заниматься. Загнанные в угол, они представляют угрозу для своих учителей. Эффект бумеранга: страшный афганский кризис грозит перекинуться в Пакистан. Осам бен Ладен, бывший агент ЦРУ, объявляет войну Соединенным Штатам с территории Афганистана. «Дельта Ойл», «Юнокалу» и другим крупным американским нефтяным компаниям, которые раньше оказывали ему поддержку, это явно не понравится.

А на самой территории Афганистана готовятся к будущим диверсиям группы исламских радикалов, которые пытаются дестабилизировать новые посткоммунистические режимы в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии. Да и для Китая Афганистан представляет серьезную угрозу. Кабул кишит странными арабами, чеченцами, которые выдают себя за арабов, таджиками, маскирующимися под талибов. И Хезб-и-Тахир (Исламская партия освобождения Киргизстана), и Исламское движение Узбекистана, запрещенные у себя на родине, нашли приют и поддержку именно в Афганистане. Планам Запада, по которым через Пакистан и Афганистан, в обход России и Ирана, должен пройти нефтепровод с каспийской нефтью, пока не суждено осуществиться. Продолжается ожесточенная борьба за установление контроля над сходящимися в Афганистане маршрутами транспортировки наркотиков. Это суперприбыльное дело сулит 30 млрд долларов в год.

Я иду по улицам Кабула. От центра до королевского дворца Даруламан, затем по улице Майванд, когда-то торговой жемчужине всей Центральной Азии, затем до форта Бала Хиссар. От всех достопримечательностей остались только названия – лунные пейзажи разрушенного города. В октябре 1996 г., месяц спустя после победы талибов над распадающимся правительством Бурхануддина Раббани, я был в Кабуле. Могу засвидетельствовать, что с тех пор в афганской столице ничто не изменилось: ни одно здание не восстановлено, ни одна улица не заасфальтирована. И это в то время, когда боевых действий там не было.

Улица Майванд была когда-то жемчужиной всей Центральной Азии

Город неподвижен. А относительно оживленная улица Майванд, превратившись в огромную стоянку для автобусов и грузовиков среди развалин, которые когда-то были магазинами ковров или кафе, кажется, олицетворяет собой регресс даже относительно средневекового товарообмена. Здесь больше не увидишь богатых менял, похожих на средневековых гемузских банкиров, с которыми ты мог расплатиться – даже в «советские» времена – бумажным чеком в лирах, выписанным итальянским банком.

Восстановить город было бы трудно при всем желании. Нет больше цементного завода, нет производства местных строительных материалов. Разрушен даже огромный хлебозавод, построенный еще во времена Дауда. Единственными людьми в униформе, заношенной до дыр, остались редкие регулировщики уличного движения: бородатые попрошайки со своими безголосыми свистками, стоящие на перекрестках в надежде на какую-нибудь подачку. Кое-кого из них я, кажется, узнаю.

Еще один род униформы – унылая чадра, покрывающая женщину с головы до ног, как это предписывает закон. На городском стадионе почти каждую пятницу проводятся казни: нарушителям заповедей Корана, в интерпретации талибов, отрезают пальцы, отрубают руки или подвергают публичной порке. Время от времени западные газеты вспоминают об этом и начинают бурно возмущаться, забывая, что почти то же самое происходит в Эр-Рияде. Налицо двойной стандарт, но с Саудовской Аравией поддерживает широкие отношения весь наш западный мир, несмотря на неустанное внимание к проблеме прав человека. Я упомянул об этом вовсе не в оправдание талибам, а, скорее, нам в укор.

«Благочестивые студенты» составляют новое войско. Только им разрешается ношение оружия. Одни из них держатся замкнуто, другие подчеркнуто дерзко, но поведение и тех и других типично для провинциалов, недавно прибывших в столицу. Их плохо скрытое любопытство говорит о том, что они испытывают комплекс неполноценности, смешанный с ненавистью к нищенским, но не сравнимым с сельскими, жителям большого города, которые Кабул, к своему несчастью, еще может предложить. Они повсюду: патрулируют улицы на гражданских машинах без номеров, дула «Калашниковых» торчат сквозь приоткрытые боковые стекла. За обедом в одном из немногочисленных заведений, которые еще можно условно считать ресторанами, хозяин напоминает нам, что надо срочно уходить, пока не пришло время молитвы. Специальная милиция из министерства по защите нравственности проверяет, закрыты ли все заведения. У выхода из ресторана мы проходим сквозь строй просящих милостыню детей и женщин.

Талибы явно не читали Оруэлла, да и вряд ли стали бы его читать, зная о его существовании. Но думаю, что теперь мне понятно, почему число беженцев с территорий, контролируемых талибами, только увеличивается, несмотря на отсутствие широкомасштабных военных действий. Дело не только в том, что люди бегут в поисках большей свободы. В сегодняшних условиях Афганистан не сможет не только возродиться, но и обеспечить

населению элементарное пропитание.

Наш летчик был прав: здесь действительно ад. Несчастливая судьба Афганистана состоит в том, что он всегда находился в точке пересечения слишком многих интересов. От Кармаля, советского ставленника, до Омара, креатуры США, Саудовской Аравии и Пакистана, здесь, не зная отдыха, играют в древнюю игру. Она известна со времен Чингисхана, в ней нет ограничения для числа игроков, и войти в игру можно в любой момент. В недалеком прошлом выстраивали в ряд рабов, а конные воины, которые считались игроками, разогнав коней, старались затоптать рабов. Те, кто остался в живых, становились ставкой в новой игре. Сегодня, на рубеже двух веков, Афганистан, живой или мертвый, остается ставкой в этой игре.

Из Кабула в Пянджширское ущелье

От Кабула до Пянджширского ущелья в нормальных условиях, то есть лет 30 назад, было бы 2 часа езды в автомобиле по равнинной заасфальтированной дороге. Сегодня добраться приходится 10 часов, большей частью в горах, поднимаясь на высоту 2900 метров над уровнем моря, так как равнинное шоссе постоянно минируется. Совсем недавно там подорвался автобус и десять человек погибли. Ничего другого не остается, как ехать кружным путем в 120 км по грунтовым дорогам. Вокруг лунный ландшафт. Суровая красота здешних мест обезображена следами былых ожесточенных боев, о которых напоминает разбитая и брошенная военная техника: танки, бронетранспортеры, грузовики, превращенные в металлолом. Все оборудование, которое можно было снять с них, давно снято. Итак, выезжаем из Кабула, находящегося на плоскогорье, по круто идущей вниз дороге, что идет в направлении Джелалабада.

Когда-то, во времена короля Захир Шаха, это фантастически скоростное шоссе было построено англичанами. Захир Шах обычно проводил уик-энд на искусственном озере Шомал и любил проехать с комфортом. Там, у самой воды, он построил себе виллу. Этот особняк мог бы достойно вписаться в пейзаж, скажем, какой-нибудь долины в Тироле. Теперь дорога на Джелалабад – сущий кошмар из одних рытвин и ухабов среди остатков асфальта. Утопая в жидкой грязи или в пыли, в зависимости от времени года, по этой дороге нескончаемыми колоннами со скоростью пешехода едут раскрашенные в разные цвета перегруженные грузовики. Кабул жив только благодаря этим автокараванам. Закрывать дорогу было бы равносильно капитуляции. Поэтому она всегда была открыта, несмотря на то, что в годы советского вмешательства каждый день на ней погибали десятки людей.

Путь из Кабула до ущелья. Все окрестности дороги буквально нашпигованы минами. На обочину лучше не ступать...

Сегодня здесь нет боевых действий. Талибы полностью контролируют ситуацию. На нашем пути нам попался только один их блокпост на подъезде к перевалу. Как только мы преодолеваем крутой спуск с кабульского плоскогорья с перепадом в 1000 метров, начинаются плодородные земли джелалабадской равнины. Но мы поворачиваем направо и едем через Сароби, Тагаб, плотину озера Шомал и добираемся до длинной долины реки Пянджшир. 100 км снова вверх к снежным вершинам.

По сторонам дороги – деревни из глинобитных хижин, где нас встречают толпы ребятишек. Если бы не тарахтение мотора нашего джипа, можно было бы подумать, что мы перенеслись на 500 лет назад. В этих районах люди никогда не знали, что такое электричество. Ночью здесь царит кромешная тьма веков.

Ни света, ни телевидения, ни радио. Полная изоляция от остального мира. Но цивилизация все же оставила свой специфический след: здесь прошли танки. На подступах к долине начинается ничейная земля. Тут настоящее кладбище бронетехники. Некоторые танки талибы превратили в наблюдательные пункты, откуда пристально вглядываются в окружающие горы.

Красота здешних мест изуродована следами войны. Среди металлолома можно встретить

...искореженный БТР

Колеса джипа проваливаются в грязь по самую ступицу. Мы направляемся к перевалу, обгоняя группу детей, которые идут, как ослики, нагруженные поклажей, и нескольких талибов с пулеметом и ящиками с патронами, спешащих на смену дозорным на последнем блокпосту. Пост размещается в четырех, примыкающих друг к другу, домах. Навстречу нам выходят трое талибов. Вид у них довольно свирепый. С неодобрительными ухмылками они разглядывают наши пропуска. Осматривают нашу одежду, вглядываются в наши бритые лица. Жизнь этих троих находится в ежеминутной опасности. В случае нападения противника у них нет шансов спастись.

...остатки танков советского производства...

...и много другой военной техники, превращенной в груды ржавого металла

Впрочем, здесь нет места сочувствию. Начальник поста явно не в духе и с раздражением стучит прикладом автомата по земле. Эти иностранцы, идущие на ту сторону, ему не нравятся. Мало того что они, нечестивцы, курят, они еще смеют предлагать ему сигарету. Между тем заметно, что у одного из талибов какой-то тусклый взгляд. Такое впечатление, что он недавно покурил нечто покрепче, чем «Мальборо». Наконец мы проходим пост, нагибая голову под натянутой веревкой, увешанной гирляндами магнитофонных лент и поломанными аудиокассетами. Акт своеобразного бесчестья для неверных и предупреждение правоверным, которые могут не устоять перед соблазнами сатанинского Запада. Вот вам и воображаемая граница двух цивилизаций.

Предстоит пройти еще 10 километров по вьющейся у подножия гор разбитой дороге мимо брошенных лачуг. На крутых поворотах дорога заставлена контейнерами, доверху заполненными камнями, чтобы преградить путь тяжелому автотранспорту. Вокруг ни души. Только где-то со склона горы доносится заунывная песня пастуха. Наверху с отарой овец он в безопасности, но вниз лучше не спускаться. Все окрестности дороги буквально нашпигованы минами. Нам посоветовали не выходить на обочину. Афганистан – это заминированная страна. Считается, что почти на каждого афганца приходится по одной мине и, уж конечно, больше одной мины на каждого ребенка. Все последующие годы, десятилетия

Искусственное озеро Шомал около Сароби

Перевал из Сароби до Пянджшира

тысячи афганцев будут по-прежнему гибнуть и калечиться, подрываясь на минах. Потребовались бы миллиарды долларов для того, чтобы очистить эту землю, но уже сейчас ясно, что таких денег Афганистан не увидит никогда.

За прошедшие 21 год мины устанавливали все, кому не лень. От них не было и нет спасенья никому: русским, моджахедам, пакистанцам, талибам. Спускаемся вниз на равнину Каписа. Вдали можно разглядеть очертания города Чарикар и баграмской авиабазы. Слышны глухие отзвуки артиллерийской канонады. Время от времени раздаётся протяжное, режущее слух хрипение «катюш». Артиллерия Масуда ведёт огонь по талибам, чьи позиции расположены по ту сторону реки. Неподалеку появляются моджахеды: это значит, что мы уже на другой стороне фронта. Первое, что бросается в глаза: почти все мужчины вооружены. И не

только привычными автоматами Калашникова, но даже и старинными ружьями, которые заряжаются с дула. С оружием через плечо можно увидеть и подростков – своеобразная военная «демократия». К женщинам это не относится – они, как и в Кабуле, с ног до головы закутаны в чадру. Сверху можно увидеть расположение войск Ахмад-шаха Масуда на равнине. До прибытия сюда мне казалось, что он заперт в своем труднодоступном ущелье, но теперь вижу, что под его контролем находится – пока, по крайней мере, – значительная часть равнины. Практически это весь район Капиза и часть равнины от Гульбахара, на подступах к Пянджширскому ущелью, до самого Баграма.

Насколько прочно обосновался на этих землях «Пянджширский лев», сказать невозможно. Совершенно очевидно, что идет война, где противники знают друг о друге почти все. Каждый день шпионы, информаторы переходят линию фронта под видом крестьян, которыми они, впрочем, и являются на самом деле. Почти так же, как и во время войны с советскими войсками. Советские военные никогда не могли с уверенностью сказать, какая территория ими контролируется. Единственные иностранцы, которые присутствуют в данном районе, это все те же итальянские представители гуманитарной организации Эмердженси, которая занимается оказанием медицинской помощи населению.

Женщины ищут работу в госпитале Эмердженси. Госпиталь – единственный след жизни в мертвом городе

Вообще, Эмердженси совершила настоящее чудо: в разоренном Кабуле строится госпиталь, белые стены которого и просторные палаты – единственные следы жизни в мертвом городе. Главный распорядитель Джино Страда смог сделать то, что другим и не снилось: ему удалось убедить талибов, что не мулла должен решать, как лечить и оперировать людей. На другой стороне фронта, у моджахедов, Эмердженси развернула шесть центров «скорой помощи», связанных с госпиталем в Анабе, расположенной вверх по ущелью.

Не часто приходится испытывать чувство гордости за то, что ты итальянец, но в Кабуле, где спасают людей, не задавая лишних вопросов, признаюсь, я чувствовал именно гордость. Госпитали, вспомогательные учреждения построены в Афганистане на пожертвования итальянского народа и на средства, ассигнованные правительством. «Два миллиарда лир плюс стройматериалы на сумму в полмиллиарда», – подтверждает Страда. Но для бурной радости нет ни повода, ни времени. Перед моими глазами стоит лицо маленького Халила, которого я видел в Картесе в госпитале, который пока принадлежит Международному Красному Кресту. Как говорят, это лучший госпиталь во всем Афганистане.

Халил подорвался на mine в районе Бамиана. На вид ему лет шесть. Он навсегда останется слепым и беспомощным – взрывом ему изуродовало лицо и оторвало все пальцы на руках. Тихий жалобный стон доносится из его обожженного рта, все его лицо покрыто грязными бинтами. Чтобы выдержать эту картину, нужна недюжинная сила. Я в себе такой силы не чувствую и отвожу взгляд. Халил слабо кашляет, как бы напоминая, что он все еще

там, под зеленым одеялом, на котором следы не только его крови. Я понимаю, что мое сочувствие ничего не изменит в его судьбе. В его положении не остается ничего другого, как уповать на волю Великого Аллаха.

Сколько они ещё продержатся?

Они у власти уже четыре года и ничего не построили. Это поражает. И дело не только в отсутствии средств. Такое впечатление, что древний Кабул, столица гордой страны, победившей англичан, их совершенно не интересует. Тем более что их лидер, мулла Мухаммад Омар, не жалуется столицу и находится почти безвыездно в родном Кандагаре на земле пуштунов-суннитов. Не слышно, чтобы они строили планы на будущее. Каким они его себе представляют? Тайна за семью печатями. Их взрастили в медресе, исламских школах по изучению Корана в Пакистане, на деньги тех, кто был заинтересован в этом, – торговцев наркотиками.

Кто вооружил талибов, не является тайной. Это секретные службы и военные круги Исламабада. Совсем не обязательно, что они согласовывали свои планы с пакистанским правительством. С самого начала советского военного вмешательства эти круги финансировали, вооружали, обучали моджахедов и покровительствовали им – семи партиям вооруженной афганской оппозиции, находившимся в Пешаваре. Кому-то из них этой помощи перепадало больше, кому-то меньше. Затем советские войска ушли, оставив в одиночестве Наджибуллу, и, наконец, весной 1992 г. моджахеды вошли в Кабул, формально возглавляемые Абдул Хаком, реально Ахмад-шахом Масудом и Гульбеддином Хекматияром.

С того момента начался новый этап афганской трагедии. Победители стали сводить счеты друг с другом, началась кровавая междоусобица. Но если прежде война обходила города и крупные населенные пункты, то при моджахедах боевые действия развернулись на улицах, бои шли за каждый дом. Именно моджахеды разрушили Кабул. Они перестали исполнять волю своих кукловодов, и тогда те решили создать другую силу, которая позволила бы им держать под контролем маршруты транспортировки наркотиков и обеспечить Западу строительство нефтепровода для каспийской нефти по территории усмиренного «любой ценой» Афганистана и южного Пакистана до Персидского залива. В дележе каспийской нефти и Вашингтон, и Эр-Рияд, и, естественно, Исламабад были заинтересованы оставить Россию с Ираном не у дел.

Кто-то назвал талибов «зелеными кхмерами». Они вполне достойны этого названия. Этот «кто-то» обладал, несомненно, острым умом. Он, должно быть, понял, что начать новую игру в разоренном Афганистане можно, только создав войско фанатичных ландскнехтов. И такое войско было создано. Его главным лозунгом, который обеспечил победу, стало обещание: «С нами в Афганистан придет мир». Талибам удалось только частично его выполнить. Война ушла из Кабула, Джелалабада, Герата, Мазари-Шарифа. Силы моджахедов были рассеяны. Раббани укрылся в Пакистане, Хекматияр бежал в Иран, Абдул Хак – в Арабские Эмираты. Но вытеснить Ахмад-шаха Масуда из Пянджширского ущелья не удалось – на севере продолжаются бои. Ни о каком нефтепроводе нет и речи. Как и в Чечне, его кто угодно может взорвать в любой момент.

Считается, что талибы не умеют воевать. Рассказывают, что они идут в наступление очертя голову. И гибнут как мухи. Очевидно, в медресе не слишком углубляются в тонкости военного дела, ограничиваясь изучением «Калашникова» и кое-каких других мелочей. В конце концов, это не имеет значения. Ну и что? Они гибнут тысячами. Прилетят самолеты без опознавательных знаков и высадут новые толпы молодых людей, одетых в лохмотья. За участие в боевых действиях им почти ничего не платят, в отличие от времен войны с неверными шурави, когда доллары моджахедам текли рекой. Умелое применение Корана значительно снизило цены. Даже если они терпят поражение, неся большие потери, то вскоре в их рядах, словно вырастая из-под земли, появляются новые бойцы. Ведь в пакистанских лагерях беженцев более чем достаточно безработных, готовых на все ради куска хлеба.

Идея гениальная по своей простоте и доступности. В этом и трагедия. Их вожди сделаны из того же теста, они сами прошли ту же школу. «Тот, кто раньше не ел и двух раз в день, сегодня садится в черный «мерседес», отправляется в министерство и ест три раза в день мясо с

рисом. Он считает, что попал в рай. Он пьянеет от одной только мысли, что вечером сможет вернуться домой, где его ждут две или три жены. Нечего и пытаться говорить таким, что в мире существуют и другие, гораздо более привлекательные, возможности: они просто не поймут, их это не интересует, они не видят ничего дальше своего носа. Кроме того, они понимают, что, уступив соблазну узнать что-то новое, они рискуют потерять то, что у них есть». Так считает молодой предприниматель из Кабула, который предпочитает не называть своего имени.

Ему 32 года, назовем его Хадиж. Хадиж носит бороду, хотя с удовольствием сбрил бы ее: «Но нельзя, это опасно». У него имеются деньги, но он знает, что с этими правителями ему не удастся по-настоящему разбогатеть. «Эти люди никогда не летали самолетами и не хотят этого, не пили вино и не собираются. Они пили только чай в своих лачугах или палатках для беженцев. Если они запрещают телевидение, то только потому, что сами его никогда не смотрели. Их муллы читают простые проповеди верующим и являются единственными источниками информации».

Его слова вполне совпадают с тем, что рассказывают другие и что я видел собственными глазами. В кабульском аэропорту нас встречает, выходя из новенькой «тойоты» белого цвета, уполномоченный талибов.

Уже одиннадцать часов, а у него такой вид, словно он только что проснулся. Но борода аккуратно расчесана, и рубашка на нем свежая. Вялое рукопожатие. Отсутствующий взгляд говорит о том, что мысли его далеко. Лениво достает из кармана шариковую ручку и начинает ковырять ею у себя в ухе. Затем чистит ручку о свой черный с желтыми полосками тюрбан.

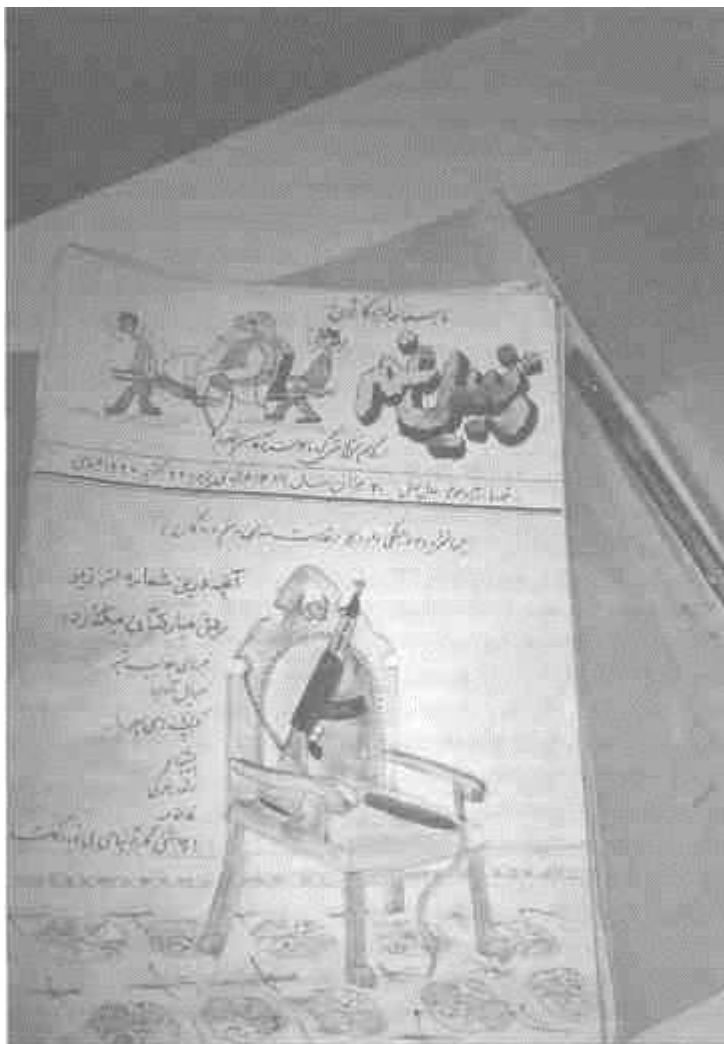
Министерство иностранных дел имеет более опрятный вид по сравнению с другими столичными учреждениями. Но оно совершенно пустынно. Некому и незачем заниматься внешней политикой, которой не существует. Да и как ею может заниматься молодой человек, которому едва за тридцать, который пригласил нас сюда, видимо, из простого любопытства. Что за непонятные люди эти иностранцы, в шутовской одежде, из непонятной страны? В министерстве социального обеспечения зловоние на лестницах и в помещениях. Грязный пол кое-где прикрыт протертыми паласами еще советских времен. Если приоткрыть дверь и заглянуть в какой-нибудь кабинет, то увидишь людей, сидящих на полу. Высокопоставленный чиновник принимает посетителей, взобравшись с голыми ногами в кресло. Пока ему что-то говорят, он занят тем, что чистит у себя на ногах ногти.

Талибы хотят начать с чистого листа, точь-в-точь как красные кхмеры. Да, не они разрушили Афганистан, но именно они, день за днем, препятствуют его возрождению. Запрещено смотреть на любое изображение. Почти все запрещено, а что не запрещено, является обязательным для исполнения. Возникает ощущение, что ты из современности перенесся на много веков назад. «Бог един, – провозглашает из Кандагара мулла Омар, лидер движения Талибан, – а статуи воздвигнуты для идолопоклонства. Чтобы им не поклонялись, их необходимо разрушить». Приведенные здесь слова не выдумка и не преувеличение, а официальное сообщение информационного агентства Бахтар, единственного средства общения с внешним миром правительства этого исламского «эмирата», страны, которая стоит на пути к полной безграмотности, в которой нет ни настоящих школ, ни настоящих университетов. В существующих на сегодняшний день школах по изучению Корана не учат ни читать, ни писать. Там заставляют лишь вызубривать простейший набор религиозных догм, которые так же далеки от учения Магомета, как и самые страшные ереси «неверных». Стражам из министерства по защите нравственности будет непросто отыскать после разрушения статуй Будды в Бамиане какие-либо статуи или их подобию, поскольку в разрушенной стране давно уже не существует ни музеев, ни частных коллекций, в которых бы сохранились произведения искусства.

Статуи Будды не спасло ни то, что они были воздвигнуты в III-VII вв. н.э., ни то, что они предшествовали самому Магомету. ЮНЕСКО объявило их достоянием мировой культуры. Попытки спасти их оказались тщетными. «Статуи, – еще жестче заявил официальный представитель муллы Омара Абдул Хай Момаит, – вне зависимости от того, когда они были воздвигнуты, являются оскорблением Аллаха». Странно, что об этом оскорблении не вспоминали раньше. Теперь же выходит, что это богохульство в граните могут защищать только злейшие враги и очернители ислама.

Только ли здесь проявление фанатизма? Если бы речь шла исключительно о невежественных муллах, то это вполне допустимо. Но есть основания подозревать, что в данном случае у талибов гораздо более рассудительные подсказчики. А значит, за решениями, которые внешне только способствуют дальнейшей изоляции и дискредитации режима, скрывается какая-то политическая мотивация. Возможно, мы имеем дело с хорошо продуманным решением: дать именно такой ответ на санкции ООН против нынешнего кабульского режима. Это может и быть истолковано как простое желание поступить так назло всему миру, и являться разменной монетой для каких-либо секретных переговоров, которые пришлось бы по сердцу талибам и их пакистанским друзьям. Сколько продержатся талибы? Трудно сказать. Но если они потеряют власть, то не из-за того, что они натворили в Афганистане. Их власть падет, может быть, потому, что никому они больше не будут нужны. Реликты прошедших веков, извлеченные на поверхность по ошибке.

Статуи Будды ничто не спасло... Но жизнь упряма, и она продолжается. На фотографиях – подпольные рисунки тайного сатирика времен талибского режима

Они погасили свет

«Видишь? Вот того зовут Ахмед. Он говорит по-русски». Коверкая английские слова, мальчишка показывает пальцем на худощавого мужчину с длинной седой бородой в белоснежном головном уборе. Быстроглазый парнишка, на левой руке которого не хватает безымянного пальца и мизинца, явно хочет услужить мне. Он услышал, как я произнес несколько слов по-русски и, вероятно, подумал, что сможет рассчитывать на мою признательность за оказанную услугу. А я, как часто бывает с легкомысленными иностранцами, которые недостаточно хорошо представляют себе, где они находятся, с веселым видом подхожу к Ахмеду и, протянув ему руку, спрашиваю: «Как дела?»

Удар током произвел бы меньший эффект, чем мои слова. Маленькие черные глаза Ахмеда, кажется, наполнились страхом и забегали по сторонам, словно в поисках убежища. Слышал ли кто-нибудь еще, что с ним заговорили? Заметил ли кто-нибудь его растерянность? Ахмед выглядит гораздо старше своих 42 лет. Он учился в Москве 8 лет на инженера. Конечно, когда-то он в совершенстве владел русским языком.

Но сейчас его почти забыл, и не только потому, что не с кем было поговорить по-русски. Хранить этот язык в памяти – означало чувствовать за собой вину, что было опасно. Ведь это же язык безбожных шурави, и говорить на нем равносильно богохульству. Здесь еще помнят русских «шлюх», которые нахально разгуливали по Кабулу в мини-юбках, с голыми руками и развевающимися волосами.

Сегодня Ахмед продает муку, черпая ее из белого мешка, доставленного сюда неизвестно

откуда по извилистой дороге, которая соединяет Джелалабад с Кабулом. Ахмед не может устроиться на работу инженером, потому что здесь, в Кабуле, давно уже ничего не строят. Да и мука, которую он продает стаканами редким покупателям, не принадлежит ему. Он всего лишь продавец. Его дневной заработок гораздо ниже мифической суммы в 1 доллар. По оценке Международного валютного фонда, эта сумма характерна для дневных заработков в беднейших странах.

Чтобы заработать 1 доллар, Ахмеду нужно работать три дня. У него четверо сыновей не старше 10 лет. Целый день они проводят на улице в поисках еды и дров. Дрова предназначаются как для домашнего использования, так и на продажу. Дрова здесь на вес золота. Ахмед – человек умственного труда, но стыдится этого. Он хочет, чтобы его дети научились хорошо писать и считать. Он может заниматься с ними только по вечерам, после начала комендантского часа, когда еще не стемнело. Дело в том, что без помощи детей семье не обойтись. Жена в давние времена, о которых можно говорить только шепотом, работала в одном из министерств. Сегодня же она не имеет права выйти одна на улицу даже для того, чтобы набрать ведро воды. Это строго запрещено. Половина населения Афганистана живет словно под домашним арестом, к которому их никто не приговаривал. Указа на этот счет Мухаммада Омара оказалось вполне достаточно.

Кабул остался таким, как был и прежде: беспокойный муравейник в хаотическом движении. Люди в постоянных поисках еды, керосина для обогрева своих домов, нескольких литров бензина. Но сразу бросается в глаза, что все как-то устарело и обветшало. Лавки торговцев построены на скорую руку. Настоящие магазины, в полном смысле этого слова, можно пересчитать по пальцам. Да и там пыльные витрины, а многочисленные трещины в стекле заклеены липкой лентой. Зато повсюду видны аптеки, в которых продаются кое-какие западные лекарства. В изобилии аспирин и множество снадобий, привезенных из Индии и Пакистана. Это единственные заведения в городе, которым позволено, непонятно почему, иметь вывеску на английском языке – «pharmacy». Такое количество аптек в городе, в котором смерть от различных болезней стала повседневностью, говорит о том, что лекарства пользуются повышенным спросом. Многие лавки и магазинчики переместились от разрушенных домов прямо на проезжую часть улиц.

Товары на прилавках двух типов. Овощи, зелень, специи, свежие и сушеные фрукты, козье мясо привозят в Кабул из окрестных деревень. Все остальное – немудреные промтовары, которые доставляются издалека. От мыльниц, ножниц, шариковых ручек и одеял, которые используются как накидки, до ткани для тюрбанов и рубах из джинсовой ткани. Караваны грузовиков с этим ширпотребом движутся по улицам города со скоростью пешехода. Водители стараются сберечь оси машин на уличных рытвинах и ухабах. Хозяева этих караванов – богатые купцы – никогда не показываются в Кабуле. Что им делать на улицах, сточные канавы которых полны экскрементов? Они предпочитают оставаться на своих виллах где-нибудь в Пешаваре или Исламабаде. Именно оттуда они дирижируют вывозом огромного количества опиума-сырца, приобретают по дешевке ширпотреб, который затем втридорога продают афганским крестьянам, выращивающим тот самый опиум. Получаемая прибыль от такой торговли позволяет им наслаждаться жизнью вдали от Афганистана.

Налогов в том смысле, к которому мы привыкли, не существует. Здания государственных учреждений, которым следовало бы этим заниматься, или разрушены, или пустынные и затянuty паутиной. Да и кому заниматься подсчетами и проверками доходов? Талибы – это, по сути, оккупационные войска, не более того. Отсутствует даже почта, хотя трудно представить, что сегодня афганцы испытывают в ней острую нужду. Но все перемещения товаров регулируются взятками, которые гораздо неотвратимее любого налога.

Сегодня талибы хотят, чтобы немусульмане, а, может быть, и все непугуны, нашивали на свою одежду полоски. Кажется, речь идет о желтом цвете. Для нас, европейцев, эта идея не нова и мгновенно

Афганцы разрушили свою страну только потому, что их вооружили, подстрекали внешние силы. В руинах известный королевский дворец Даруламан

вызывает нерадостные ассоциации. Но бородатые министры понятия не имеют ни о европейской, ни о мировой истории. А желтые полоски придется нашивать очень немногим. Индусы и гурхи в черных и голубых тюрбанах с сеточками на своих бородах почти все уже давно сбежали. Их главным занятием в Кабуле была торговля шелком из Восточной Азии. В их шелковых лавках всегда царили чистота и полумрак.

Среди прочей мелочи на прилавках можно увидеть батарейки для приемников и магнитофонов. Непонятно, для чего они здесь могут пригодиться, если музыка, впрочем как и кино и телевидение, находится под строжайшим запретом. На улицах то здесь, то там встречаются деревянные решетки, на которых развешаны пыльные, развевающиеся на ветру гирлянды пленки из разбитых аудио– и видеокассет. К ним никто не прикасается. Это трофеи талибов, захваченные в борьбе против тлетворного влияния чужеземцев. Общество без изобразительного искусства, электричества, телефонов, газет. Общество без средств коммуникации и обмена идеями, если не считать проповеди муэдзинов, которые ходят по домам жителей Кабула. Вообще, домашние стены – это периметр, который строго ограждает всю культурную и духовную жизнь афганца.

Никакие идеи просвещения, которые вот уже по меньшей мере триста лет оказывают влияние (иногда ослепляющее) на умы в западном мире, не проникли до сих пор в афганскую деревню. Но тот, кто считает, что исключительно талибы являются чудовищным выражением мракобесия, заблуждается. Подавляющее большинство афганцев независимо от того, по какую

сторону фронта они находятся, живут практически в одинаковых условиях. Например, все афганские женщины всю свою жизнь вне своего дома-крепости вынуждены носить чадру. В этом смысле моджахеды (которых на Западе широко рекламировали как борцов за свободу), одержавшие победу над советскими войсками, не были и не являются большими «прогрессистами» по сравнению с талибами.

В развалинах центр Кабула

...разрушены окраины столицы

Разрушение статуй Будды в провинции Бамиан, если рассматривать его под тем же углом зрения, представляется «умопомрачением». Но общество Афганистана интеллектуально, организационно и институционно застряло в эпохе Средневековья. Поэтому мы не должны слишком сильно удивляться подобным фактам. Это вовсе не означает, что мы не должны обращать на них внимание или не должны испытывать ужас и боль за судьбу культурного наследия человечества, которое разрушается на наших глазах. Но в практических целях гораздо более уместен релятивный подход, который помогает избежать поверхностных вспышек гнева и заявлений, рассчитанных на внешний эффект. Главный вопрос, который мы должны поставить перед собой, звучит так: шагнуло ли афганское общество вперед или откатилось назад за последние годы? Если под словом «вперед» подразумевается приближение к ценностям и свободам в индивидуальной, экономической и институциональной сферах, к культуре и социальному прогрессу западного общества, ответ ясен и однозначен – нет. Афганское общество сегодня откатилось назад по сравнению со временами Дауда, советского вмешательства и правления Наджибуллы. Вряд ли кому-нибудь из афганских правителей из недавнего прошлого пришло бы в голову взрывать статуи Будды. Следовательно, мы имеем дело с подлинным откатом в прошлое со все большим отдалением от современной цивилизации. Правда, такой ответ был бы упрощенным.

Отсюда идет дорога на Кандагар

В любом случае мы не имеем права ждать от афганцев ничего другого, как постепенного сближения с нами в нашем мироощущении. Сближения, которое никогда не приведет к единообразию и полному стиранию различий. Мы должны быть готовы к тому, что между ними и нами навсегда, как закон природы, останутся различия. Но было бы крайне бесчестно не признать самокритично, что мир несет серьезную ответственность за все, что произошло в Афганистане и отбросило его далеко назад. В данном случае подвергнуть себя самокритике должны и Запад, и Соединенные Штаты, и Россия, и Китай, Пакистан, Саудовская Аравия, Индия, Ирак – все в соответствии со своей мерой ответственности. Не следует забывать и «заслуги» Британской колониальной империи, которая посеяла в регионе впервые семена раздора и взаимной ненависти, которые со временем дали пышные всходы.

Бывшая резиденция короля

Афганцы смогли своими руками разрушить собственную страну только потому, что их вооружали, подстрекали и направляли мощные внешние силы. Надеяться, что они сегодня сами встанут на ноги без посторонней помощи, бессмысленно. И было бы глупо понуждать их к этому силой. Расчет на силу не оправдывает себя, поскольку существуют вековые барьеры между цивилизациями. Им необходима осторожная и тактичная помощь. В первую очередь надо заставить внешних интриганов отказаться от вмешательства во внутриафганские дела. А это могучие силы, которые с помощью наркобизнеса распоряжаются колоссальными финансовыми средствами, оружием, людьми. У них в руках находятся мощные рычаги для шантажа, благодаря которым они могут действовать издалека, используя финансовые каналы, отмывание

денег, коррупцию, терроризм.

Чтобы как-то наладить жизнь в этой стране, необходимы совместные политические и дипломатические меры, в разработке которых приняли бы участие именно те страны, которые ответственны за возникновение «афганской проблемы». Проблемы, не имеющей себе равных по масштабам необходимой гуманитарной помощи и возникшей из-за политического невежества и эгоизма сильных держав, а не только и не столько по причине отсталости афганцев. Вот такие мысли пришли мне в голову, пока я стоял у развалин дворца Даруламана, построенного в австро-венгерском стиле в самом центре Кабульской долины. Ахмед вполголоса говорит мне, что он не стал ломать свой магнитофон, а спрятал его в стене своей хижины. Но не рискует его часто заводить. «Только иногда ночью, когда дети спят». Беда, если хоть одна нота мелодии будет услышана кем-то вне стен дома. Везде, где вступает в дело Большой Брат, появляются шпионы и доносчики.

Приближается вечер, скоро комендантский час, но никто не проявляет признаков торопливости. Каждый хорошо знает, сколько ему нужно времени, чтобы сняться с места и добраться до дому вовремя. Приходить домой загодя не имеет смысла. Если посмотреть на Кабул сверху в эти вечерние часы, он похож на огромный рот, в котором осталось мало зубов. Две трети города без света. Нет ни столбов, ни проводов, и целые районы становятся темными пятнами. Только там, где живут представители международных гуманитарных организаций, таинственные «дипломаты» и главари талибов – пятна света.

Наступает время сна, ночных молитв и, может быть, любовных объятий, которые происходят на том же самом ложе, где спят всей семьей, чтобы согреть друг друга. Что мы можем понимать в этом далеком, отстоящем от нас на несколько веков времени? Тем не менее, не будем забывать, что когда-то в Кабуле кипела жизнь. Там было место и культуре, и музыке, и ресторанам, и кино, и университету. Когда-то, находясь на террасе второго этажа ресторанчика на Майванде, когда Майванд еще существовал, можно было, попивая чай, следить за движением внизу. Были библиотеки.

А теперь талибы погасили свет.

Анаба

Маленькому Хафизулле три года, он бос, надрывно кашляет и постоянно шмыгает носом. У него явный бронхит. Боюсь, долго он не протянет. Мы в палатке, края которой прижаты к земле комками грязи. Вместе с Хафизуллой там живут еще пятнадцать человек, из них семь детей и четверо стариков. Остальные четверо взрослых разбрелись в поисках еды. Они вернутся к вечеру, но нет никакой гарантии, что им удастся что-нибудь раздобыть. Вокруг другие палатки, многие из которых провалились под тяжестью снега – немые свидетели уже свершившихся трагедий.

В таких же условиях, как Хафизулла, в Анабе, расположенной на высоте 2700 метров над уровнем моря посреди высочайших гор, покрытых ослепительно белым снегом, живут еще 5 тысяч человек. Каждую неделю умирают десятки людей, в основном – дети. Все ждут прихода еще нескорой весны, которая несет надежду выжить. Подавляющее большинство беженцев из деревень, расположенных к северу от Кабула. Сейчас это зона боевых действий между талибами и моджахедами. Беженцы нашли свое пристанище в долине, находящейся под контролем Ахмад-шаха Масуда. Они сделали выбор, на их взгляд, в пользу меньшего зла по сравнению с кабульским режимом. Но вряд ли это можно назвать выбором, поскольку здесь, в горах, им угрожает смерть от голода и холода, а там, внизу, на плоскогорье, они умирали под бомбами и снарядами. Каждую неделю в деревнях, расположенных у входа в долину, подрываются на минах и теряют руки, ноги, зрение 5-6 детей.

Что происходит в остальной части страны, превратившейся в огромное минное поле, никто не имеет ни малейшего представления. На пустынной, продуваемой ледяным ветром площади перед разрушенным зданием кабульского аэропорта еще со времен Наджибуллы остался транспарант, установленный, видимо, какой-нибудь гуманитарной организацией. Выцветшая надпись на английском гласит: «В Афганистане 10 миллионов мин». Никто не скажет, какова численность населения в этой истерзанной стране. Быть может, 12-13

миллионов. С того времени, когда была сделана эта надпись, число мин, несомненно, только увеличилось, даже если учесть те разорвавшиеся мины, которые уже выполнили свою коварную работу по раздиранию человеческой плоти.

Анаба. Беженцы

По мине на человека. Думаю, что в мире не найдется еще одной такой страны.

Сейчас, когда я пишу эти строки, в узкой Пянджширской долине находится около 220 тысяч беженцев. На всем пути, пока наш джип полз по крутой дороге до Анабы, нас сопровождали стайки оборванных мальчишек, которые бросали комья грязи по колесам, выпрашивая монетку, кусок хлеба – чего-нибудь, что помогло бы им дожить до завтрашнего дня. Я не заметил ни одной детской улыбки. На их лицах морщины от взрослых мыслей о жизни и смерти. А ведь все они из состоятельных, по афганским меркам, семей, у которых были свои земельные наделы. Сегодня они лишились всего, как почти все афганцы, с которыми мне пришлось столкнуться за эти дни путешествия по горным и равнинным дорогам до тех пор, пока не оказался в аду, имя которому Анаба.

Впрочем, это еще относительно привилегированный ад. 5 тысяч беженцев в Анабе расположились лагерем вокруг госпиталя гуманитарной организации Эмердженси. Она оборудовала здесь госпиталь для лечения раненых из числа мирного населения и не ставила задачу оказания помощи беженцам. Но именно Эмердженси в буквальном смысле слова спасла сотни несчастных, предоставив палатки, горячую еду, емкости для воды, одеяла, биотуалеты и даже одну огромную палатку для «полевой» мечети. Этим госпиталем, в котором работает итальянский персонал, мы все должны гордиться: во всем Афганистане не найти ничего подобного. Я еще напишу подробно об этом. То, что делает Эмердженси и лично Джино Страда, который всем здесь руководит, – это не только пример сотрудничества и солидарности,

но и попытка выработать новую стратегию помощи, которая заслуживает внимания со стороны международных правительственных и общественных организаций, теоретически обязанных заниматься подобными проблемами.

Беженцы около госпиталя Эмердженси. Для этих несчастных соседние страны закрыли свои границы

Скажем откровенно: никто ничего не делает для спасения этих отчаявшихся людей. А данные по афганским беженцам просто ужасают. 1200 тысяч находятся в Пакистане; 1300 тысяч в Иране; по меньшей мере 300 тысяч сконцентрировались в северо-западных районах Афганистана вокруг города Герат. В районе Герата за один месяц от голода и холода умерли 500 человек, большинство из которых дети. Не будем забывать и о беженцах в Пянджширской долине. Эти цифры, свидетельствующие о национальной трагедии, – прямой укор для международного сообщества. Ведь Комиссариат ООН по делам беженцев (UNHCR) занимается только беженцами за границей и не имеет полномочий в отношении так называемых «внутренних перемещенных лиц», то есть беженцев в своей стране. Число последних растет день ото дня, так как Пакистан и Иран уже закрыли свои границы. Талибы, четыре года управляющие большей частью Афганистана, не в состоянии решить ни одной проблемы, не говоря уже о каком-либо развитии страны.

Люди бегут от них, так как нет ни работы, ни средств к существованию. Нет и гарантии собственной безопасности, если ты таджик, узбек, хазарец, то есть не пуштун, к которым принадлежат все без исключения талибские вожди. Стоит отметить также, что в 2000 г. Комиссариату ООН по делам беженцев для оказания помощи было отпущено всего 2427 тысяч долларов. (Для сравнения: в 1979 г. во время советского вмешательства в Афганистан эта цифра составляла 26 237 тысяч долларов. У другой организации ООН – Всемирной

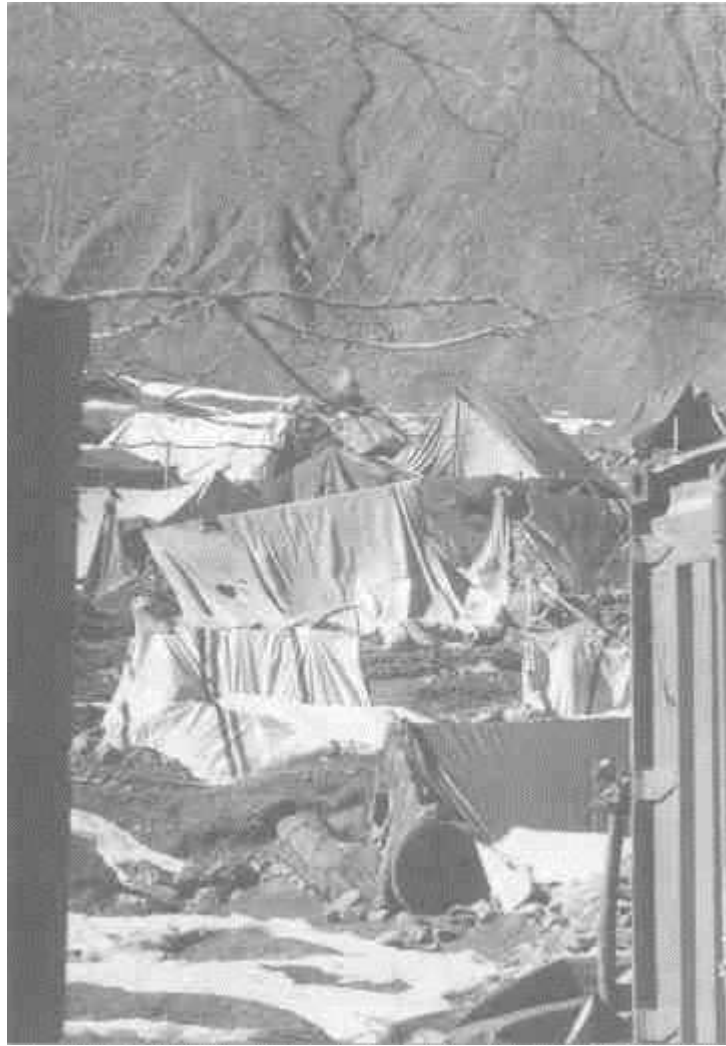
продовольственной программы – сегодня в распоряжении только 50 тысяч тонн муки, которой хватит на месяц 10 процентам афганских беженцев в Пакистане. Что будет потом – нетрудно себе представить.

ООН приняла решение о введении санкций против режима талибов, но выходит, что оно только затрудняет оперативное оказание помощи из-за рубежа. Примем во внимание, что такая помощь – верх позора – осуществляется через Пакистан, правительство, секретные службы и военное руководство которого, по данным из многочисленных источников, являются главными организаторами военных побед талибов. А еще раньше не без их участия разгорелась яростная междоусобная война среди моджахедов.

Международные организации становятся все более скупыми на помощь. А ведь не так давно господин Камдессю, бывший директор-распорядитель Международного валютного фонда, выдвигал теорию о том, что Запад должен стать еще богаче, чтобы помогать самым бедным. Не мешало бы ему съездить в Герат. Или в Анабу. Может, тогда он придет в себя. Где такая организация, как ЮНИСЕФ, цель которой защита детей? За две недели, что я был в Афганистане, мне не удалось увидеть

Пянджширское ущелье. Танк Северного альянса

Здесь не применим лозунг: «Мир – хижинам, война – дворцам!» В Пянджширском ущелье – одни палатки. В них ютятся беженцы...

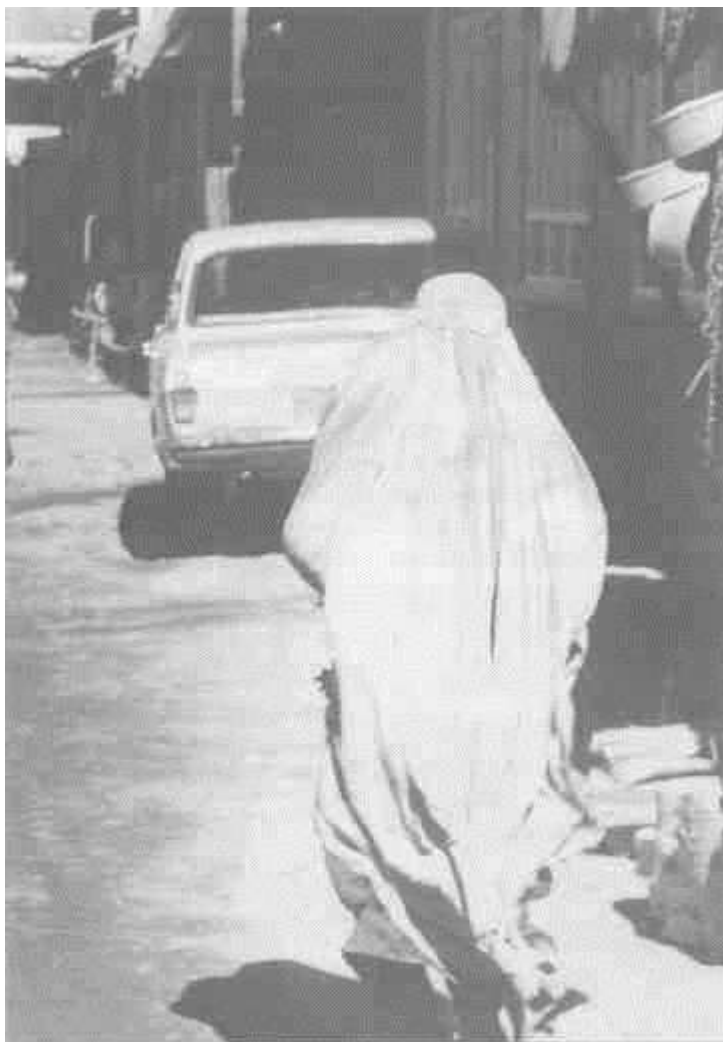
большой реальной помощи как по одну, так и по другую сторону линии фронта. Хотя в Кабуле можно встретить джипы неправительственных гуманитарных организаций почти со всего света. Но вот в районах, где умирают беженцы и нужна конкретная помощь, я видел, что центр «скорой помощи» Международного Красного Креста (ICRC) был закрыт. Закрытым оказался и центр ЮНИСЕФ. А разве не они должны первыми приходить на помощь? А если не они, так кто же? И вряд ли для оказания самой необходимой помощи требуются колоссальные средства. Только одной Эмердженси оказалось под силу развернуть целых 6 станций «скорой помощи», работающих 24 часа в сутки в зоне боевых действий на линии Чарикар – Баграм – Гульбахар и связанных с госпиталем в Анабе. Неужели все остальные, вместе взятые, не в силах сделать то же самое?

...а паломники находят пристанище около «палаточной» мечети

Крестьяне кишлака Гупьбахар

Женщины всегда закутаны в чадру

Естественно, возникает вопрос: а не пора ли выработать новые критерии для оказания международной помощи? Конечно, все что-то распределяют. Я подозреваю, что все, что еще осталось от организованной жизни в Афганистане, теплится за счет средств, поступающих от сотен международных организаций с различными, зачастую странными, названиями, одно существование которых успокаивает совесть Запада. Но хотелось бы знать, какая часть правительственных ассигнований и добровольных пожертвований идет на конкретную помощь, а сколько застревает в бюрократических учреждениях под видом щедрых окладов функционеров.

Спустилась ночь, и лагерь Анабы замирает и погружается во мглу. Если нет горючего на обогрев, то что можно говорить об освещении. Кое-где к прозрачному безоблачному небу устремляется дымок костра, отбрасывая тени на снег. Женщины, закутанные в чадру, выходят из палаток и идут за ледяной водой к реке. В палатках на голой земле, покрытой отвердевшими экскрементами, готовят для сна подстилки из соломы. Ни в одной из палаток я не видел какого-либо подобия постели: только пыльные и грязные одеяла. От бьющего в нос зловония перехватывает дыхание. На каждом изгибе ущелья, которое круто идет вверх, открываются небольшие ровные площадки, на которых видны сбившиеся в кучу палатки. На некоторых из них еще можно разглядеть выцветший красный крест и полумесяц. На подступах к ущелью навсегда замерли советские танки, ржавые монументы грубейшей исторической ошибке. Жерла их пушек по-прежнему направлены в сторону ущелья. Одному из этих гигантов, неизвестно какой ценой, удалось забраться на несколько километров вверх по ущелью. Теперь он стоит с отброшенной взрывом на десятки метров башней буквально в нескольких шагах от дороги, которая ведет к убежищу Ахмад-шаха Масуда.

Но талибам до сих пор не удалось прорваться даже сюда. Сегодня над ущельем не кружил ни один из советских Мигов, доставшихся им в «наследство» от Наджибуллы. Беженцы в Анабе

рассказывают, что время от времени кабульский режим напоминает им о себе тем, что посылает сюда самолет, который сбрасывает в ущелье наугад несколько бомб. Прятаться бессмысленно: ни палатки, ни глинобитные хижины не защитят от осколков. Здесь никогда не было электричества, и люди никогда не видели современной бытовой техники. И, возможно, не увидят еще на протяжении жизни целых поколений.

Не знаю, жив ли еще Хафизулла. Но у меня такое чувство, что в его участии виновны многие. И не только те, кто оказался не способен прийти ему на помощь. Я не могу отделаться от неприятной мысли, что существует четкая взаимосвязь между теми, кто финансировал главных действующих лиц афганской войны, и теми, кто продавал им оружие, и теми, кто каждое утро начинает с изучения биржевых ставок на Уоллстрит или в Милане. Все они и не подозревают, что имеют отношение к судьбе маленького мальчика из Гульбахара. Меня не покидает и другая неприятная мысль – о существовании взаимосвязи между участием этого босого ребенка и моими непромокаемыми ботинками специального корреспондента.

Сейчас в палатках те, кому повезло раздобыть какую-нибудь еду, готовят себе ужин. Другим остается впасть в голодное забытие или умереть. Во всем суровом Пянджширском ущелье воцаряется абсолютная тишина. История здесь остановила свой бег. Не слышно даже детского плача. У афганских детей нет времени плакать.

Американская война (октябрь – ноябрь 2001 г.)

Конец истории

«Первоочередной задачей, стоящей перед человечеством, является стремительное, радикальное изменение в негативную сторону ситуации в мире, которая привела к нарушению равновесия». Эта оценка полностью отражает положение в мире 10 сентября – ничем не примечательного дня 2001 г. Продолжалось падение курсов мировых бирж, рецессия в американской экономике будет официально признана только в середине ноября того же года (заметьте: после 11 сентября), но дала о себе знать уже в апреле, почти на шесть месяцев раньше официального признания. Несомненно, что такой разрыв во времени следует отнести к стремлению правительственных и финансовых кругов избежать паники, которая могла охватить мелких акционеров и спровоцировать еще более серьезный кризис. Тем не менее, сами собой напрашиваются на этот счет три замечания.

Первое: такая важная новость оставалась вне поля зрения мирового общественного мнения почти шесть месяцев. Немногие, кто владел этой информацией, получили прекрасную возможность принять заблаговременные меры по защите своих капиталов, покупая или продавая акции, переводя их из одной валюты в другую и т.д. А самые информированные, вполне возможно, могли бы организовать или попустительствовать организации террористических актов мирового масштаба, которые позволили бы скрыть возникшие проблемы и, соответственно, ответственность за них. Как позже выяснилось, такой логикой могли бы руководствоваться, например, руководители «Энрон Корпорейшн», лидера на мировом энергетическом рынке.

Зная о грядущем банкротстве корпорации, они, по сути дела, ограбили своих акционеров. Крах «Энрон» стал одной из самых черных страниц в истории американской экономики.

Второе замечание относится к руководителям стран «большой восьмерки», которые собрались на свой саммит в июле 2001 г. в Генуе. Знали ли они, что в американской экономике уже начался спад? Если знали, то почему обошли этот факт молчанием?

Третье замечание – дань крайнему удивлению. На протяжении двадцати лет нам неустанно твердили, что мир превратился в «глобальную деревню», в которой информация распространяется с молниеносной скоростью, всем становится известно обо всем в режиме реального времени. Превозносились информационно-коммуникационные технологии, благодаря которым за считанные мгновения можно обмениваться сообщениями,

консультациями, перемещать капиталы из одной точки земного шара в другую. И вот выясняется, что очень немногие – кто они, мы точно не знаем – располагают информацией, которая затрагивает интересы всех нас, и о которой мы не имеем ни малейшего представления. Впрочем, данное наблюдение относится, скорее, к сфере средств массовой информации. И замечаний такого характера в этой книге немало, поскольку, чем глубже анализируешь происходящие события, тем больше отдаешь себе отчет в том, что информация и средства коммуникации (или отсутствие того и другого) являются решающим фактором для понимания сути проблем.

После кризиса в Японии, которая замерла почти на десятилетие, дала сбой и американская экономика. В свою очередь Европа вместо того, чтобы стать запасным локомотивом мировой экономики, продолжала двигаться вперед едва заметными темпами в ожидании, что США вот-вот оправятся от потрясения и вновь потянут всех за собой. Искусный машинист американского локомотива Алан Гринспен, председатель Федеральной резервной системы, в течение 2001 г. более десяти раз понижал учетные банковские ставки, но это не помогло остановить спад. Налоговая политика Джорджа Буша, предоставившая многочисленные льготы прежде всего состоятельным американцам, не дала ожидаемых результатов в области повышения инвестиций и увеличения уровня потребления. Да и не могла дать, поскольку растущая безработица не могла не сказаться на уровне потребления американских семей.

В отсутствие экономической стратегии лопнул спекулятивный пузырь американской экономики. Возникла неприятная ситуация, грозящая обострением двух основных противоречий, о которых на протяжении последних двадцати лет Партия Всеобщего Благоденствия предпочитала не говорить: стремительно растущая пропасть между бедными и богатыми во всем мире и противоречие, вызванное самим характером глобализации по-американски, между экономическим развитием и природой, с одной стороны, и развитием и человеческим сообществом, с другой. Партия Всеобщего Благоденствия была (и остается) единственной партией будущего суперглобального общества. Ее члены «едины во мнении о том, что главным на повестке дня является продвижение свободных рынков, свободной торговли, неограниченного доминирования глобализации и технологической революции» (Дэвид Игнатиус. *International Herald Tribune*. 2000.11 апр.). Члены этой партии убеждены, что процесс глобализации может развиваться только так, как он развивается сегодня, то есть по-американски. Они убеждены, что в глобализации все идет прекрасно, поскольку производство растет, ускоряется и охватывает все большее число людей. С сожалением приходится констатировать, что по большей части эти убеждения, как оказалось, ни на чем не основаны. А те, что находят свое подтверждение в реальной жизни, не что иное, как идеологическое прикрытие частных интересов.

Десятого сентября тот, кто хотел заглянуть в глубь происходящих процессов, увидел бы, что, например, во всех странах Восточной Европы, включая республики бывшего Советского Союза, число людей, живущих за чертой бедности (на 4 доллара в день), возросло с 14 млн в 1989 г. до 147 млн во второй половине 90-х гг. Он заметил бы, что между 1990 и 1997 г. отмечался некоторый экономический рост в странах Юго-Восточной Азии, который потом угас, и что в последние три года экономическим приростом может похвастаться только Китай.

Нетрудно было бы заметить и другие сгущающиеся на горизонте тучи. Разрыв между богатыми и бедными увеличивался повсюду, но особенно быстрыми темпами он рос в развивающихся странах и в странах Центральной и Восточной Европы, преимущественно на пространстве бывшего СССР. Эти данные красноречиво свидетельствуют, что в так называемых «развивающихся» странах, даже когда речь идет об экономическом росте, ВВП не распределяется среди населения. Отмеченный экономический рост вовсе не означает снижения уровня бедности. Наоборот, речь, скорее, идет об обогащении подавляющего меньшинства, которое зачастую непосредственно связано с западной экономической и политической элитой и которое перекачивает в западные банки миллиарды долларов, украденных у остального населения. От мировой статистики на этот счет захватывает дух. Из 6 млрд населения земного шара 1,2 млрд хронически недоедают. Президент Всемирного банка Джеймс Вулфенсон был вынужден признать, что все международные программы, как, например, сокращение вдвое уровня бедности к 2015 г. (Конференция ФАО – Продовольственная и сельскохозяйственная

организация ООН, Рим, 1996), сокращение на две трети детской смертности, обеспечение начального образования для всех детей планеты, остались только на бумаге и не реализуются. 1,5 млрд населения Земли страдает от дефицита питьевой воды, почти 1 млрд – совершенно неграмотны. 125 млн детей не имеют возможности посещать даже начальную школу. Вопреки энтузиазму Ал. Гора и поклонников Интернета увеличивается разрыв в информационно-коммуникационной сфере. Доходы половины мирового населения не превышают 2 долларов в день, причем половина этих людей довольствуется суммой меньше 1 доллара в день. К последней категории принадлежит и население Афганистана.

А если заглянуть в не такое уж отдаленное будущее, скажем на 25 лет вперед, можно увидеть, что 2 млрд мирового населения будут испытывать острый дефицит в воде, продовольствии, жизненном пространстве, будут страдать от безграмотности и безработицы. А через 50 лет, например, на одного пакистанского крестьянина, когда население этой страны, по прогнозам, вырастет до 345 млн человек (сегодня 146 млн), будет приходиться 0,04 га обрабатываемой земли – меньше площади теннисного корта. «Это только статистика», – пожмет плечами какой-нибудь обозреватель из западной газеты и пойдет играть в теннис в клуб рядом со своим домом. Стоит добавить, что богатейшие страны за последние 50 лет не слишком раскошались на программы помощи странам третьего мира. Сегодня промышленно развитые страны тратят меньше 0,25 процента своих ВВП на эти программы, то есть на 39 процентов меньше, чем в начале 90-х гг. прошлого века. Выходит, что, став богаче, Запад стал гораздо скупее и эгоистичнее. А это, в конечном счете, попросту глупо. Такое непростительное недомыслие ставит под удар интересы Запада, и в первую очередь его безопасность. Но, как гласит древнееврейская мудрость, «благополучному человеку не дано понять».

Действительно ли проблема бедности никак не затрагивает богатые страны, так называемый «золотой миллиард»? «В так превозносимой американской экономике в период ее подъема, когда число миллионеров достигло 4 миллионов человек, а состояния 170 перешагнуло отметку в миллиард долларов, для 60 миллионов простых тружеников дела вовсе не были так же благополучны (...): в реальных цифрах за вычетом инфляции они зарабатывали меньше, чем в начале 70-х годов. (...) А еще 17 миллионов человек, занятых на работе 40 часов в неделю и 50 недель в году, оказались за чертой бедности» (Люттвак Е. Диктатура капитализма. Милан: Мондадори, 1999. С. 254-255). С одной стороны, статистика свидетельствовала о почти полной занятости населения США, с другой – невозможно серьезно говорить о полной занятости, когда такое количество людей получали заработную плату ниже официально признанного уровня бедности. Таким образом, это не только проблема стран третьего мира. Проблема бедности не только в уровне доходов, все гораздо серьезней. Миллионы, миллиарды людей стремятся достичь не только минимального материального благосостояния сегодня, они хотят быть уверенными в завтрашнем дне, как для самих себя, так и для своих детей. «Бурные перемены в современном капитализме, сопровождающиеся стремительной структурной перестройкой, лишают огромное число трудящихся, любого профессионального уровня и квалификации, уверенности в их завтрашнем дне» (там же. С. 88). Подобная картина характерна в той или иной степени для всех экономически развитых стран и стала нормой в последние тридцать лет, то есть практически для целого поколения, когда даже те немногие крохи, которые время от времени перепали с богатого стола, вовсе не гарантировали уверенности в будущем. Единственным правилом жизни стал своего рода экономический дарвинизм, когда сильнейший должен одержать победу в любом случае, даже если можно было бы и ограничиться ничьей, потому что только таким образом повышается эффективность всей системы.

А что же остальные? Тем хуже для них. Они не могут рассчитывать на сочувствие, так как не могут обеспечить минимального уровня эффективности, необходимой для получения прибыли. Именно это было поставлено во главу угла, и нам изо дня в день, не уставая, твердили, что необходимо отказаться и от государственной машины с ее бюрократическими барьерами, налогами, медлительностью, неэффективностью, ограничениями свободы предпринимательства, с ее претензиями на установление регламентирующих правил. Государство также не гарантировало больше высокого уровня эффективности. Значит,

следовало его отменить. А вместе с ним ушли бы в прошлое и политика, и демократия – достижения национальных государств, которые должны отмереть вместе с ними. Казалось, что те, кто призывал к этому, не видели – и не видят сегодня, после 11 сентября, – того, что должно обеспокоить всех нас: мировая экономика в отрыве от политики – это иллюзия. Без государства с его институтами нельзя гарантировать безопасность. Без налогов нет государства. Без налогов нет образования, здравоохранения, социальных гарантий. Без налогов нет демократии. Без общественного мнения, без демократии, без гражданского общества нет законности. Этот безумный поток увлек даже европейское левое движение, которое не осознавало, что таким образом подписывает себе смертный приговор. Блэры, шредеры принимали американские правила игры, не отдавая отчет в том, что это означало бы конец любой демократической диалектики. Они не видели, что сама американская модель уже переживала кризис и представляла собой иллюзорный, больной и безумный механизм. Все это должно было указывать нам на то, что в ближайшем будущем ни для кого не будет мира. Ни для бедных стран, ни для тех, кого, по данным ВВП, принято считать богатыми.

Десятого сентября, как и в другие, ничем не примечательные дни, было ясно, что богатые стали не просто богаче, а скупее и бесчеловечнее. Их власть стала еще более деспотична. Могли ли они рассчитывать на любовь к себе, помимо завистливого восхищения? «На нашу нацию, – говорил Альберт Гор во время своей закончившейся неудачей избирательной кампании, – народы всех континентов, в любой точке Земли, смотрят, как на образец того, какими они хотели бы стать в будущем» (International Herald Tribune. 2000. 16 окт.). В этом заявлении была доля истины. Американское общество действительно отличалось от остальных. Оно было способно впитать в себя все достижения прогресса, переварить, как в плавильном котле, противоречия различных эпох, что позволило ему стать самой динамичной силой на планете. Но Альберт Гор игнорировал факт, что не все, что подходило американцам, шло на пользу другим народам, которым не посчастливилось оказаться в центре бурного потока прогресса. Дело было не в их более низком уровне развития и не в том, что они соглашались с навязанными им законами и критериями, к которым были не готовы. Гор не понимал, что завистливое восхищение и любовь – это совершенно разные вещи. Он не отдавал себе отчета в том, что самовластно править миром – значило неизбежно создавать себе врагов. Ведь доминирующее положение в мире – к чему, без всякого сомнения, стремились правящие круги Америки – должно было бы призвать США возглавить глобальную борьбу с бедностью, неравенством и несправедливостью. Но Гор (как и Клинтон) и Буш (как и Гор) даже и не пытались понять это. А это проблема такого же масштаба, как и проблема внешней задолженности Америки. От их внимания не должен был ускользнуть тот факт, что Соединенные Штаты добились блестящих результатов за последние 20 лет не только своими собственными силами и не только благодаря благоприятным обстоятельствам. Они добились этого и за счет остального мира, который почти полностью оплатил их прогресс.

По мнению лауреата Нобелевской премии мира 1987 г. экс-президента Коста-Рики Оскара Ариаса, для обеспечения начального образования во всех странах третьего мира в период 2001-2010 гг. было бы достаточно выделить еще 60 млрд долларов (International Herald Tribune. 2000. 22 июня). Но «большая восьмерка» ни на Окинаве, ни в Генуе не смогла преодолеть тупой эгоизм богатых. Конечно же, наряду с констатацией ужасающего положения беднейших стран третьего мира оказывала огромное влияние «фабрика снов» американской глобализации. Но рано или поздно наступает момент пробуждения. Слова, которыми начиналась данная глава, были произнесены не в обычный день 10 сентября 2001 г. Это цитата из почти забытого ныне доклада Римского клуба 1972 г., который был озаглавлен «Пределы развития». Прошло вот уже 30 лет, 30 лет коллективного безумия, 30 лет победоносной глобализации по-американски. Правда, необходимо заметить, что прогноз, сделанный в 1972 г., был ошибочен. Или, правильнее сказать, казался ошибочным в течение этих 30 лет. За этот промежуток времени мировой валовой продукт увеличился в три раза, и в экономике не произошло каких-либо серьезных катаклизмов. Более того, распад Советского Союза и крушение мирового коммунизма не оказало сколько-нибудь негативного влияния на западную экономику. На рынках царил изобилие товаров, качество и технологичность которых неуклонно повышались. Обрушение цен на сырье позволило унять претензии стран третьего мира на контроль рынков

энергоресурсов.

Ученые из Римского клуба были подняты на смех целым легионом оптимистично настроенных экономистов. По словам этих оптимистов, в докладе Римского клуба не нашлось места анализу движущих сил рынка и логике их развития. Они не приняли во внимание, что дефицит товара сначала приводит к повышению цены, но одновременно стимулирует поиск альтернативных, более экономичных и эффективных решений. А такие альтернативные решения всегда находятся, поскольку невидимая рука рыночного провидения помогает дать нужный ответ. Разве не так получилось в результате энергетического кризиса 1973-1974 гг.? Разве выросшие в четыре раза цены на энергоносители не заставили мировую экономику перейти на энергосберегающие технологии и увеличить, например, пробег автомобилей с меньшим расходом топлива?

Падение Берлинской стены только усилило сарказм оптимистов. Прогнозы Римского клуба, сделанные на период примерно до конца 80-х гг., были опровергнуты самим ходом истории. С мировой сцены исчез Советский Союз – основной противник глобального капиталистического развития под эгидой США. Не счесть хвалебных гимнов, спетых по нотам, которые были продиктованы новым «единым» мышлением. Настолько единым, что для выбора и критики не осталось места. Надо поступать именно так, а не иначе. Разве коммунизм не потерпел сокрушительное поражение? Разве он не представлял собой единственную альтернативу капитализму за всю его историю? А, с исчезновением этой альтернативы, что может быть, как не капитализм во веки веков? Таким образом, раз и навсегда наступил конец истории, как заключил Френсис Фукуяма. Гегельянский дух наконец-то обрел покой в глобальной форме капиталистического общества, и с диалектикой было покончено. Невидимая рука рынка спустилась с небес, чтобы осенить благословением наши капиталистические головы. Головы из остального мира она, несомненно, должна была благословить чуть позже. Да и, откровенно говоря, то, что происходило за пределами западного мира, не имело большого значения. Немногое, что мы знали об этом, не внушало никакого беспокойства. За пределами нашего мира жили дикари, туда можно было отправиться или поохотиться, или развлечься сексуальным туризмом. О тех, кто нам казался менее диким, мы привыкли думать, что они только и мечтают поскорее стать похожими на нас. Разве не свидетельствовали все опросы общественного мнения о том, что молодежь из Куала-Лумпура и Санкт-Петербурга, Дакки и Лимы, Буэнос-Айреса и Рима, Тимбукту и Белграда мечтали жить только в Нью-Йорке?

Конечно, со временем у кого-нибудь могли возникнуть сомнения в том, что все получают возможность жить в Нью-Йорке или хотя бы как в Нью-Йорке. И когда бы это обнаружилось, могло возникнуть желание отомстить тем, кто рассказывал сказки о красивой жизни. И действительно, американская музыка, американские фильмы, макдоналдсы и «боинги», Голливуд и Дисней, CNN и вообще все «made in USA» вызывали восхищение во всем мире. Но может быть и так, как в этом убедился один неглупый журналист, хотя и придерживающийся имперских взглядов – Томас Фридмен. Встретив в одном пешаварском медресе муллу Мулана Самиула Хака, он узнал, как можно пить кока-колу и есть гамбургеры из Макдоналдса и в то же время ненавидеть Америку всеми силами души: «Ваша кока-кола – сладкая, а ваша политика – отравленная» (International Herald Tribune. 2001.14 нояб.).

Оценка Западом его ценностей (они универсальны для всех стран и народов) – трагическая ошибка. В случае с Соединенными Штатами это заблуждение приобрело еще больший масштаб. Само их представление о земном счастье, которое доминирует в американских умах, должны разделять люди во всем мире. А поскольку американское общество, по определению, воплощает самое лучшее и передовое во всех сферах жизни, включая и понятие Добра, то делается ошибочный вывод: другие народы ненавидят Америку только потому, что ей завидуют.

На самом деле все гораздо сложнее – настолько, насколько сложны история и культура каждого народа. После краха СССР Россия в своем подавляющем большинстве горела желанием жить на Западе, оставив коммунизм в прошлом раз и навсегда. Но, как стало ясно за десять посткоммунистических лет, она не хочет, чтобы ее наводнила американская реклама, и отторгает американский образ жизни. Ее представления о счастье, например, очень далеки от того, что думают по этому поводу, скажем, в штате Иллинойс.

Когда Томас Фридмен спросил двенадцатилетнего афганского паренька Рахима Кундуза, что он думает вообще об американцах, то услышал в ответ: «Они – безбожники и не стремятся дружить с мусульманами, а хотят силой установить свое мировое господство». В этих словах нет зависти, если не считать, может быть, упоминания о силе. Все остальное – не более чем защитная реакция. Трудно представить, чтобы тебя любили среди моря отчаяния. Поэтому в заключение Томас Фридмен делает мудрое замечание: «Когда мы вернемся (имеется в виду: после операции против Осамы бен Ладена, которую надо еще закончить), а мы обязаны вернуться, мы должны быть вооружены не танками, а современными книгами и школами. Только тогда мы сможем поднять эту целину и помочь новому поколению воспринимать нашу политику с той же благосклонностью, которой пользуются наши гамбургеры. До тех пор ничего хорошего для себя в этой стране Америке ждать не приходится».

Прошедшее десятилетие стало периодом непрекращающихся попыток навязать всеми способами идеологию единомыслия на основе неолиберализма настолько агрессивного, что он стал выглядеть карикатурным. Бесконечно повторяемыми, словно мантры, «волшебными» словами стали: всеобщая либерализация всех торговых потоков, уничтожение всех барьеров, безграничное перемещение капиталов, приватизация всей государственной собственности, передача в частные руки управления социально-экономическими программами, включая основы традиционного «государства всеобщего благосостояния». Предпринимались попытки ускорить любыми средствами и где только возможно проведение структурных преобразований, «созидая и одновременно разрушая, увеличивая, с одной стороны, эффективность, а, с другой, порождая все большее неравенство (...), торопя переход власти из-под контроля общества в сферу частных экономических интересов. Все это неизбежно урезало возможности для демократического контроля, что горячо приветствовали определенные либеральные круги, по мнению которых экономика является, или должна быть, полем деятельности исключительно частных лиц, в которую общество не имеет права вмешиваться ни под каким видом» (Люттвак Е. Указ. соч.). Международными инструментами такой политики стали Международный валютный фонд и Всемирный банк, к которым в последнее время присоединилась их ближайшая «родственница», наследница Генерального соглашения по таможенным тарифам и торговле, – Всемирная торговая организация. Не случайно, что все эти три организации никак не связаны с ООН. Также не случайно, что эти межнациональные институты получили конкретные, реальные полномочия ограничивать и нарушать национальный суверенитет стран, которые являются их членами. Но, как оказалось, не ко всем странам применяются равные ограничения. Так называемый «вашингтонский консенсус» стал отмычкой. Была взломана система международного представительства в ООН с тем, чтобы освободить место новой системе отношений, основанной на заповедях глобализации по-американски. Это был первый шаг к образованию империи.

Проблемы, о которых говорилось в докладе Римского клуба 1972 г., стали чрезвычайно актуальными через много лет. Но это те же самые проблемы: рост населения, превышающий уровень, который может выдержать экосистема; всемирное потепление; кризис в мировом сельском хозяйстве; рост потребления воды, который не обеспечивается механизмами воспроизводства гидрологического цикла; достижение предела, за которым станет невозможным воспроизводство океанических запасов белка; сокращение лесов и наступление пустынь; исчезновение с лица Земли целых видов животных и растений. Это длинный перечень опасных направлений, дальнейшее движение по которым приведет к прогрессирующему разрушению окружающей среды и, как следствие, к упадку мировой экономики. «Мир, в котором потребности экономики, – писал Лестер Браун, – приводят к разрушению природных экосистем, стоит на краю пропасти. Нельзя доверяться исключительно экономическим показателям в выборе сферы приложения капиталов» (The State of the World 2000, Norton & Company. New York; London, 2000. P. 9). И вновь оптимисты уверяют нас, что и этот прогноз не оправдается, как не оправдались и предшествующие предсказания. Глупость таких заявлений очевидна. Они лишены какого-либо экономического обоснования хотя бы потому, что в это же самое время новые технологии, о которых трубят на весь свет эти оптимисты, позволяют науке выработать несоизмеримо более точные системы подсчета и моделирования ситуации, чем сорок лет назад. Более того, по многим аспектам, касающимся сбора данных, информации и

статистики, которые были тогда недоступны, очевидно, что отдельные прогнозы сбываются в гораздо худшем варианте, чем это представлялось прежде.

Оптимисты-радикалы, изобретатели «мирового экономического чуда», не понимали, что если не начать перестройку всей экономической системы, то будет невозможен и сам экономический прогресс. Речь идет о выборе между созданием новой, предсказуемой мировой экономики и движением наугад, как это сейчас и происходит, вплоть до того момента, как экономический рост прекратится сам по себе. К разрешению этой проблемы миру необходимо приступить незамедлительно, поскольку последствия будут тем тяжелее, чем больше будет потеряно времени. Вплоть до того, что нам придется действовать в условиях, когда произойдут уже такие необратимые изменения в окружающей среде, последствия которых будут ощущать на себе все последующие поколения.

Между тем сторонникам глобализации по-американски даже не приходило в голову, что экономическое развитие, сопровождающееся неконтролируемым ростом, рано или поздно вступит в конфликт с реальным положением дел, с реальными людьми, которых нельзя втиснуть во вздыбленные графики информации. Ведь экономики без людей не существует. На ком, как не на них, в конечном счете, отразится кривая экономического роста. А если эта кривая направлена в бесконечность, конфликта не избежать. Будет нарушена и вся экология человечества с коллективной историей и традициями народов. Вздыбленные графики роста не сулят ничего хорошего, когда их механически переносят с университетской доски в жизнь конкретных людей. Но в те годы общественное мнение было уверено, что Запад на правильном пути, что Америка представляет все самое лучшее и передовое. И что всем остальным, в том числе и нам, европейцам, не остается ничего другого, как, не сбавляя скорости, следовать за ней. В противном случае мы окажемся в числе проигравших и будем неизбежно отброшены к странам третьего мира. Поэтому категорический императив звучал так: делать все, как Америка, чтобы не остаться позади в лихорадочном состязании между государствами, народами, культурами, цивилизациями.

Первые признаки приближавшейся опасности должны были насторожить Запад. Если не Америку, которая самовлюбленно красовалась перед зеркалом, то, по крайней мере, Европу, у которой не было причин особенно задирать нос, но которая прошла большой исторический путь, позволявший отличить глубинные и постепенные исторические процессы от пузырей на поверхности. Европа же, наоборот, увязавшись за Америкой, неслась сломя голову. Все политические силы, включая левых, поддерживали одни и те же модели модернизации, несмотря на то, что они уже обнаружили свою стратегическую несостоятельность. Левым силам в Европе прежде других следовало бы осознать, что экономический рост в условиях американской глобализации ведет к увеличению, а не уменьшению неравенства. И никто в левых партиях не попытался разобраться, каким образом можно поддерживать на высоком уровне экономический рост в течение долгого времени, при условии, конечно, что такой рост вообще имеет место. Никто из политиков и экономистов левой ориентации даже не пытался разобраться, каким образом можно было бы уменьшить неравенство.

Ирония судьбы! Советская система рухнула главным образом из-за того, что была неспособна к обновлению. Прошло 10 лет, и те, кто приветствовал крушение СССР, оказались не в состоянии разглядеть, что в механизме глобализации по-американски не заложены коррективы модернизации, что модернизация, предоставленная самой себе, могла произвести на свет чудовищ. Эти люди не понимали, как не понимали в свое время необходимость перемен члены Политбюро ЦК КПСС, что капитализм снова нуждается в реформировании. На этот раз реформы следовало бы провести не из-за страха перед коммунистическим противником, а добровольно. Но, убедившись, что коммунизм оказался нежизнеспособным, они пришли к выводу, что капитализму не нужны реформы. Потребовался аналитик глобального капитализма из самой Америки – блестящий, лишенный предрассудков, – который смог бы объяснить европейскому левому движению, куда нас ведет американская глобализация. «Повсеместно логика «турбокапитализма» основывается на том, что ничто не должно мешать повышению эффективности производства: ни ограничительные меры правительства, ни местные обычаи, ни прежние экономические интересы, ни неограниченные привилегии, ни свойственное человеку желание стабильности. Ничто не должно препятствовать конкуренции, которая сама обеспечит

эффективность, оставив за чертой бедности тех, кто не соответствует предъявляемым ею требованиям: отдельных людей, предприятия, отрасли экономики, районы и целые страны, а иногда и все вместе взятое (Люттвак Е. Указ. соч. С. 259). Кроме того, саркастически замечает Люттвак, «для сегодняшних левых, олицетворением которых стал Тони Блэр, главная экономическая истина отражена в лозунге всех председателей центральных банков, который гласит: инфляция – это самый жестокий из всех налогов» (там же. С. 226).

Как-то все прониклись идеей, что страны мира соревнуются на одной беговой дорожке. Все бегут в одном направлении «для достижения общего максимального результата», не понимая, что эта гонка изначально сфальсифицирована и никакого соревнования между нациями нет и в помине. Об этом прекрасно сказал Джордже Руффоло, придерживающийся слишком левых взглядов, чтобы современные левые прислушались к его мнению. Если мы возьмем, к примеру, сальдо баланса текущих платежей, то сразу же обнаружим, что «американская экономика со своей чудовищной внешней задолженностью является наименее конкурентоспособной». Если вести речь о честном состязании, то достижения рыночной экономики (высокая производительность, уровень технологической модернизации и т.д.) должны рассматриваться в сочетании с другими компонентами, «которые обеспечивают консолидацию общества, право на труд, развивают образование, здравоохранение, гарантируют безопасность граждан и охрану окружающей среды». А «создание условий для такого гармоничного развития зависит от коллективной политической воли (...) и не может быть отдано на откуп непредсказуемому рынку» (La Repubblica. 2001. 14 авг.). Но в наших ушах постоянно звучала другая песня: всемирная история закончилась, и война с бедностью, как оригинально отметил Фукуяма, «закончилась раз и навсегда поражением бедных». Стоило ли еще терять время на эту переставшую быть актуальной проблему?

Но всемирное шоу продолжалось, постоянно набирая обороты, и становилось все более фантастическим. В том числе и благодаря его американским импресарио, которые превзошли самих себя в увеличении производительности «фабрики грез». Они проявили незаурядную дальновидность, когда практически с самых истоков разработки информационно-коммуникационных технологий взяли их на свое вооружение. Предостережения свыше, даже такие, как катастрофа в Джакарте, унесшая жизни тысяч людей; десять неожиданных испытаний ядерного оружия Индией и Пакистаном; обвал российского рубля и бразильского реала, были просто проигнорированы. Международный валютный фонд (редкое сообщество явных соперников, которые представляют прообраз будущего глобального суперобщества) рассылал своих эмиссаров по всему свету. Они повсюду предлагали одни и те же универсальные рекомендации и выступали за расширение отношений с теми, кто следовал этим рекомендациям. Похвалы удостоились, например, Южная Корея и Таиланд за «впечатляющий рост макроэкономических показателей». Они не замечали, что в обстановке слабого контроля со стороны государства, бессмысленной эйфории, вульгарной некомпетентности и неприкрытых махинаций, совершавшихся под прикрытием лозунга дерегуляции экономики, некоторые корейские предприятия получили на каждый доллар своего капитала по 100 долларов инвестиций из-за рубежа. Так на корейском рынке оказались спекулятивные капиталы в триллионы долларов. Рынки «азиатских тигров», как принято было называть эти страны, раздулись, как воздушные шары. Впрочем, если раздута биржа на Уолл-стрит, то почему это не могут себе позволить биржи Сеула, Бангкока, Сингапура, Куала-Лумпура?

В такой близкой к помешательству атмосфере мы пришли к 10 сентября 2001 г. Со стороны, впрочем, казалось, что все идет превосходно, но на самом деле было далеко не так. Четырьмя годами ранее демократ Билл Клинтон, открывая саммит «восьмерки» в Денвере (штат Колорадо), с большим энтузиазмом заявил о наступлении «американского столетия». К этому моменту за плечами Клинтона были 7 лет впечатляющего экономического роста. Миллионы американцев превратились в акционеров и получали фантастические дивиденды. Четыре года спустя республиканец Джордж Буш вновь диктовал повестку дня саммита «восьмерки» в Генуе.

Но ситуация к тому времени изменилась кардинальным образом. Рост американской экономики остановился. Соединенным Штатам было необходимо убедить остальной мир

поддержать пошатнувшуюся американскую экономику. Между тем в предыдущие десять лет весь мир не желал ничего другого, как продолжения роста американской экономики, и вовсе не нуждался ни в убеждении, ни в принуждении поддержать ее. Теперь об экономическом процветании, как в период президентства Клинтона, не было и речи. Что же оставалось в распоряжении США к 10 сентября 2001 г.? Оставалась огромная военная и технологическая мощь. Сохранялись командные позиции в главных системах коммуникации и контроль над мировыми средствами массовой информации. В руках у США по-прежнему находились рычаги мировой финансовой системы. Было ли этого достаточно для поддержания доминирующего положения Америки? Возможно, но стало уже очевидным, что для гарантии своего господства Америке придется прибегнуть к некоторым мерам принуждения. Насколько серьезным – должно было выясниться в ближайшем будущем. Но Джордж Буш не стал ждать. Он выдвинул новую стратегическую доктрину, в которой говорилось, что Америка не намерена обсуждать проблемы своей национальной обороны с кем бы то ни было. США готовились к принятию односторонних решений в этой сфере. Больше никаких переговоров по разоружению, лишь твердая решимость в одностороннем порядке привести свои вооружения и вооруженные силы в соответствие с новыми принципами. А о результатах весь мир, в том числе и союзников по НАТО, можно будет проинформировать позднее.

Бросалась в глаза поспешность, с которой было принято это решение. Джордж Буш, ставший президентом США благодаря поддержке энергетического лобби, действовал так, словно чувствовал, что его поджигает время. Первые признаки грядущих трудностей уже давали о себе знать. Америка должна была заранее обеспечить себе абсолютное превосходство. Это могло вызвать кризис в отношениях с союзниками? Что ж, тем хуже для союзников. Господствующую идеологию стали определять пришедшие к власти правые силы. В ней, однако, сохранились черты преемственности с политикой неолиберализма, которую проводил предшественник Буша Билл Клинтон. Европейские левые силы не обратили внимания на то, что соотношение доходов 20 процентов самых богатых и 20 процентов из числа самых бедных возросло с 1:30 в 1960 г. до 1:78 в 1994 г. и достигло 1:84 в 1999 г. Но этого не могла не заметить мировая финансовая и технократическая олигархия. Не мог не вызывать беспокойства и тот факт, что совокупное состояние первых десяти миллиардеров мира (по данным журнала «Fortune») выросло с 133 млрд долларов в 1996 г. до 200 млрд в 2000 г., что в 1,3 раза превышало ежегодный совокупный доход 48 беднейших стран мира. В мире явно назревал всеобщий социальный кризис. Не менее серьезным, хотя пока менее ощутимым стал кризис, вызванный нарушением экологического равновесия. Он несомненно даст о себе знать в самое ближайшее время.

Первый кризис сегодня называют «столкновением цивилизаций». Не все согласны с таким определением, полагая, что кризис явно вызван социальным расслоением. Может быть, это и так, хотя у меня на данный счет есть кое-какие сомнения. Думаю, что, поскольку сами противники по обе стороны баррикады считают этот кризис «столкновением цивилизаций», будет правильно, если мы используем именно этот термин, который со всей полнотой отражает происходящие сегодня события. Что он обозначал раньше, было непонятно. Царившее в последние годы в мире единомыслие не допускало, что могло что-нибудь произойти. Внушалась мысль, что все хорошо и так будет всегда. Но теперь мы знаем, что означает 11 сентября 2001 г.

Первая война XXI века

Я стал готовиться к этой поездке в Москве, когда на перевалах Гиндукуша подули ветры новой афганской войны и их свист донесся даже до коридоров Кремля. Там царили беспокойство и неопределенность, поскольку в тот момент – а это был конец рокового сентября 2001 г. – все вопросы еще оставались открытыми, а все высшие должностные лица из спецслужб и Генштаба перебрались в Таджикистан, поближе к будущему театру военных действий, чтобы анализировать последствия мер, которые нужно будет предпринять, и понять, что должно или можно было бы сделать в складывающейся обстановке.

Я тоже намеревался вылететь в Душанбе, чтобы потом перебраться на афганскую

территорию. Как и где, я не знал, да и не мог знать. Пока же было очень важно проследить, как развивались события в Москве. Владимир Путин раньше всех других глав государств принес свои соболезнования Джорджу Бушу сразу после трагедии 11 сентября, чтобы не осталось и тени сомнения в «полной солидарности» России с Америкой. Но после первоначального удивления и замешательства стало ясно, что российскому президенту хватило времени точно рассчитать последствия своего заявления, а также предугадать последующие ходы многочисленных политических игроков. А что игроков немало, стало сразу заметно.

Первое соображение касалось Чечни. В тот момент, когда Соединенные Штаты изготовились к схватке с исламским терроризмом, Россия незамедлительно получала целый ряд преимуществ. Во-первых, в обмен даже на минимальную поддержку она могла решительно потребовать прекращения помощи извне для исламских боевиков в Чечне. Если Бушу были необходимы солидарность и поддержка – а он, несомненно, нуждался и в том, и в другом, – то Путин мог теперь попросить его оказать давление на Турцию с тем, чтобы она незамедлительно прекратила всякую экономическую и военную помощь чеченским «бандитам». То же самое касалось и спецслужб Саудовской Аравии. Не знаю точно, имела ли место в действительности такая просьба, а если и имела, то могу только догадываться, как она была сформулирована, но полагаю, что подобное обращение было и что к нему отнеслись положительно. Разумеется, Западу (услуга за услугу) пришлось бы приглушить кампанию критики методов ведения войны в Чечне. Двойной, ощутимый результат для Владимира Путина.

Но, помимо этого, перед российским президентом неожиданно открывались новые возможности для переговоров с администрацией США по таким спорным вопросам, как судьба договора по ПРО от 1972 г. и расширение НАТО на восток. Обе эти проблемы могли быть рассмотрены теперь под совсем другим углом зрения. Если вплоть до 11 сентября Вашингтон относился к расторжению договора по ПРО как делу решенному, не обращая внимания на реакцию из Москвы, то теперь об этом пришлось бы говорить в другом тоне, в духе латинского изречения «do ut des», что означает: «даю, чтобы и ты мне дал». Например, обусловив пересмотр договора по ПРО (формальная уступка американским требованиям) значительным сокращением стратегических наступательных вооружений с обеих сторон, Путин и его советники, вероятно, прекрасно понимали: политический курс Чейни – Рамсфелда – Райс вплоть до 11 сентября должен был прикрыть всякую возможность для переговоров по разоружению. В оправдание своей позиции приводили аргумент, что «холодная война» закончена, а, следовательно, стало необходимо освободиться от всех пут, которые остались после приказавшей долго жить биполярной системы. За этим тезисом, который на первый взгляд казался прописной истиной, скрывалось иное: дорогие русские друзья, вы проиграли «холодную войну», на свете осталась только одна супердержава – это мы. И у нас нет ни малейшего желания вести переговоры о нашей национальной безопасности с кем бы то ни было. Когда мы сочтем нужным, мы сообщим как союзникам и друзьям, так и противникам и врагам, какой порог национальной безопасности мы устанавливаем для себя, а какой должны установить все остальные.

Россия мало что могла противопоставить этой позиции. До сентябрьских событий Путин тянул время изо всех сил. Было бесполезно возмущаться и протестовать. В Москве опасались, что неизбежное решение Вашингтона окончательно обнажит неспособность России возражать, по какому бы то ни было поводу. Хотя в Москве прекрасно понимали, что Вашингтон не собирался ни о чем договариваться, все же надеялись, что «голубую» Колину Пауэллу удастся притормозить развитие ситуации. И вдруг положение меняется на глазах, и Америка, находясь в затруднительном положении, вынуждена пойти на переговоры. Владимир Путин приготовился вырвать у Вашингтона любые возможные уступки. Кроме того, было крайне нежелательно (для Москвы) расширение границ НАТО в Европе. Вместе с расторжением договора по ПРО, расширение НАТО было основным проявлением «одностороннего подхода» в политике администрации Буша.

Что мог дать взамен Владимир Путин? Джордж Буш сразу запросил все: воздушное пространство для американских и британских истребителей и бомбардировщиков, предоставление российских военных баз, а также баз в бывших советских республиках Средней Азии, на руководство которых Москва могла бы оказать давление. Не те ли это военные базы в

Туркменистане, Узбекистане и Таджикистане, откуда началось советское вторжение в Афганистан? Джордж Буш, несомненно, был бы заинтересован и в прямом участии российских войск на афганской территории. Разве не русские обладают бесценным опытом ведения боевых действий в афганских условиях?

Путина готовы были принять на Западе с распростертыми объятиями, через парадные двери, со всеми почестями. Нужно лишь только согласиться со всеми или, по крайней мере, с основными запросами. День за днем вся система средств массовой информации на Западе получала указания представлять позицию России как полностью совпадающую с позицией Соединенных Штатов и Запада. В этом одновременно были и надежда, и безапелляционное указание. Кроме того, распространялась идея, что война (приготовления к которой шли полным ходом) является не только единственно возможным решением, но и решением абсолютно приемлемым. Даже Китай был зачислен в верные союзники США. «Великий Союз» (по выражению западных газет) приобретал планетарный масштаб. Кто осмелился бы остаться за его пределами? Джордж Буш, придя в себя от потрясения, поспешил заявить: «Кто не с нами, тот против нас». Все сразу поняли, что это не пустые слова.

Тем временем российский президент готовился сделать «ход конем». И сделал. Солидарность? Несомненно. Борьба с терроризмом? Только приветствуем. Разведывательная информация? Пожалуйста. Но, что касается воздушного пространства России, были разрешены полеты только для самолетов с гуманитарными грузами. На просьбу оказать влияние на бывшие братские среднеазиатские республики, чтобы те предоставили свои военные базы и аэропорты, Москва ответила весьма неопределенно: кто хочет, пусть предоставляет, что сможет. Но в одном, Путин и военные из Генштаба были категоричны: мы не пошлем российских солдат сражаться в Афганистан. «Это было бы все равно, что попросить американцев вернуться во Вьетнам», – сказал Путин. И добавил вполголоса, но вполне разборчиво: борьба с международным терроризмом должна быть доведена до конца, но не следует питать иллюзий, что выиграть ее можно только силой оружия. Требуется другая политика, которая бы учитывала условия в современном мире.

Все эти расхождения не понравились Вашингтону и поэтому были публично им проигнорированы. Официальные заявления США были полны энтузиазма по поводу «полного» согласия с Москвой (и Пекином). Западные средства массовой информации единодушно освещали «окончательное» присоединение России к Западу, ее вступление в Великий Союз против нового Сатаны и террора. А Путин, в свою очередь, не стремился опровергать уже сложившееся мнение, которое, по большому счету, его вполне устраивало. Он знал: когда Северный альянс закончит таскать каштаны из огня для американцев, которые расчистят ему дорогу на Кабул бомбами, в значительной мере его окончательная победа – это заслуга России. Ведь именно Россия долгое время поддерживала таджикские отряды Ахмад-шаха Масуда. Без ответа пока оставались два вопроса: каким будет новое кабульское правительство после изгнания талибов, и до какого предела Москва станет следовать за Вашингтоном после того, как шахматная клетка «Кабул» будет занята новой пешкой.

Когда в конце сентября я приехал в Москву, сложилась именно такая ситуация.

Гиндукуш

Гиндукуш, который по древнему преданию означает «Убийца индусов» и олицетворяет собой грозную мощь природы, как бы нависает над Афганистаном. Пянджширское ущелье поднимается вверх вдоль крутых отрогов горных хребтов, которые, в свою очередь, карабкаются ввысь, стремясь дотянуться до своего старшего брата Памира – крыши мира.

Находясь здесь, перестаешь ощущать стремительный пульс событий. Такое ощущение, что они происходят где-то далеко. В самом ущелье все тихо и спокойно. Условия жизни здесь такие же примитивные и убогие, как и во время двадцатилетней войны, и еще раньше – в довоенный период. Тот, кто родился в этом краю двадцать лет назад, не знает ничего, кроме войны. Война для него – повседневная реальность, сама жизнь. Ничего кроме войны и нищеты, крови и голода.

Белое безмолвие

Горы Афганистана – одни из самых красивых и высоких в мире

Трудно представить, как, не имея практически ничего, люди в ущелье ведут неустанную борьбу за выживание. При дневном свете огромный лагерь беженцев в Анабе выглядит совсем по-другому, чем семь месяцев назад, когда он весь был занесен снегом. Теперь видно, что палаточные навесы крепятся к какому-то подобию стен, которые при ближайшем рассмотрении оказываются из глины. Внутри стены закрыты тканью. Внутреннее убранство лачуг свидетельствует о стойкости этих людей, о том, что они оставили надежду вернуться в свои покинутые дома на равнине, на поля, засеянные минами, к своим фруктовым садам,

покалеченным бомбами и снарядами.

На дне ущелья по берегам реки вся земля обрабатывается вплоть до последнего квадратного сантиметра, как в Китае. Сажают главным образом кукурузу, из муки которой пекут лепешки. В ущелье существует свое собственное правительство, не подчиняющееся кабульскому, чеканят собственную монету (она хоть традиционно называется «афгани», но не имеет ничего общего с талибской валютой), работают некоторые административные учреждения, рабочие ремонтируют дороги и укрепляют дорожные насыпи – налицо зачатки организованной жизни и административного управления. Есть даже местная полиция, которая проверяет паспорта и ставит въездные визы, в которых указан срок пребывания. До своей смерти Ахмад-шах Масуд успел приступить к строительству собственного государства.

Потом, как мы знаем, 11 сентября террористы атаковали Нью-Йорк и Вашингтон, и дальнейшие события сменяли друг друга, как в калейдоскопе, с нарастающей скоростью. В ущелье ничего не видно и ничего не слышно, но это еще ни о чем не говорит. Несомненно, полным ходом идут военные приготовления. Не надо быть военным экспертом, чтобы понять: дорога, ведущая из ущелья, – это кратчайший путь до Кабула. Казалось бы, здесь должно быть скопление военной техники, артиллерии, воинских частей. Но ничего нет и в помине. Фронт, этот странный невидимый фронт, проходит в 30 километрах отсюда, но его близкое присутствие здесь никак не ощущается. Покой не нарушают даже отдаленные артиллерийские залпы, которые заставляют нас вздрагивать. Окружающие к ним давно привыкли и не обращают на них никакого внимания.

Бои идут на севере в окрестностях Мазари-Шарифа. Возможно, но маловероятно, что наступление начнется оттуда. Но для этого придется штурмовать перевал Саланг, который прочно удерживают отряды талибов. Есть мнение, что американцы предоставят моджахедам свободу действий на земле, а сами ограничатся авиабомбардировками и «спецоперациями» по поиску Осамы бен Ладена. Вполне возможно. Реакция Москвы показывает, что там одобряют такой вариант борьбы с талибами. Вероятно, поэтому в политических комментариях приветствуется «мудрость» американцев, которые не стали ввязываться в прямое столкновение и не вступили на путь кровавой вендетты, что могло только ухудшить ситуацию.

Но может статься, что оптимизм Москвы ни на чем не основан и рассыплется, как дом, построенный из песка. На это указывают сообщения радиостанций, которые вещают на языках этой части света. Понятно, что проверить информацию невозможно. Катарская телекомпания Аль-Джазира, например, сообщила, что «вблизи иранской границы» были схвачены трое американцев и двое сопровождающих их афганцев. Источник информации – таинственный пресс-секретарь армии Осамы бен Ладена, который, вероятно, позвонил по телефону. Но в Кабуле правительство талибов решительно опровергает это сообщение. Значит ли это, что информация не соответствует действительности? Или Осам бен Ладен действует по собственному усмотрению, а его люди намного эффективнее талибов?

Если же предположить, что в сообщении правда, то возникает вопрос: откуда там взялись трое американцев? После заявления Али Хаменеи, ясно, что они пришли не из Ирана. Иран не та страна, где агентам ЦРУ предоставлена свобода передвижения. Тогда откуда? Ничего другого не остается, как обратить внимание на подозрительно тихий Туркменистан, чей пожизненно избранный сатрап Сапармурад Ниязов уже много лет дружит с Вашингтоном, вернее, с его долларами. Во всяком случае, в дружбе он явно предпочитает доллары московским рублям. В связи с этим можно предположить, что без лишнего шума силы и средства США уже передислоцированы на одну из авиабаз в Туркменистане – Мары или Чарджоу. Поэтому вполне вероятно, что театр военных действий не столько район таджико-афганской границы, сколько район на стыке границ Туркменистана, Ирана и Афганистана.

Выходит, что в атмосфере полной секретности Туркменистан постепенно превращают в американский плацдарм. Причем в этой операции Ниязов – не единственное действующее лицо. Для того чтобы перебросить с турецких баз боевые вертолеты и не нарушать воздушное пространство Ирана, нужно было договориться с лидерами Грузии и Азербайджана. Это означает, что Шеварднадзе и Алиев уже дали разрешение на полеты в воздушном пространстве своих республик. Но это также значит, что Владимир Путин закрыл глаза на происходящее и

умывает руки – ведь такую операцию по переброске сил и средств нельзя не засечь на российских радарх, сколь бы мало их ни осталось. Не могут быть не в курсе и российские спецслужбы.

Таким образом, роль основного военного плацдарма для атаки – а то, что она начнется, нет никаких сомнений – отводится не только ненадежному Пакистану. В игре также участвуют два бывших члена Политбюро (а именно Шеварднадзе и Алиев), бывший секретарь ЦК КПСС (Ниязов) и бывший офицер КГБ (Владимир Путин). История, кажется, иногда совершает, словно в насмешку, странные пируэты в прошлое.

В ожидании войны

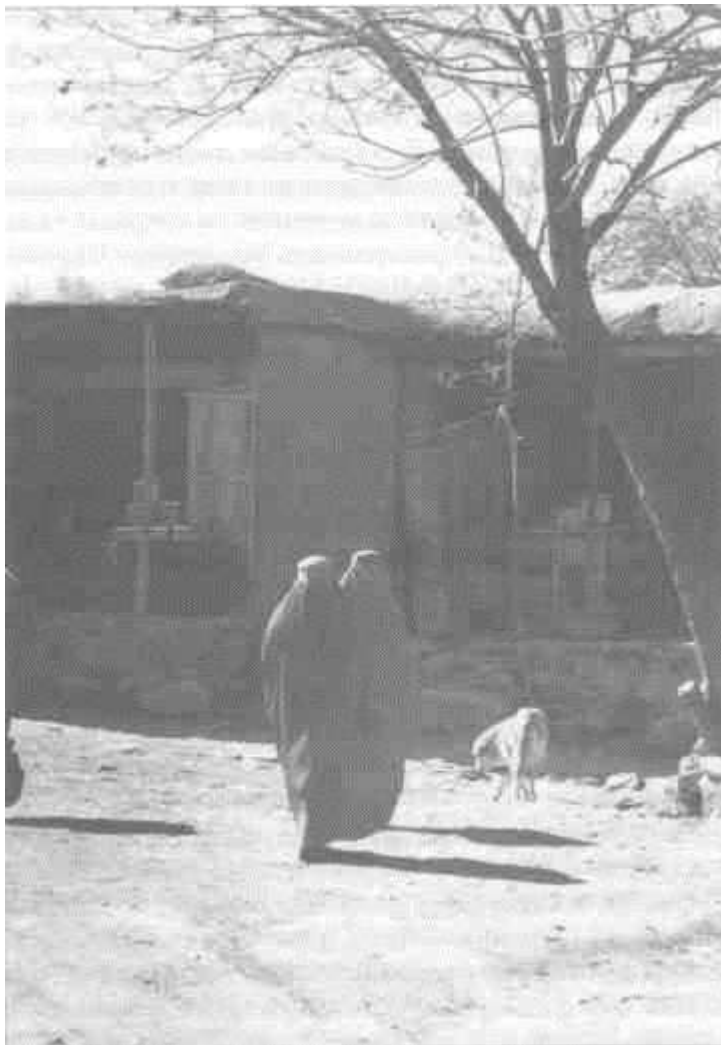
Сразу за узким горлом неприступного Пянджширского ущелья начинается равнина, она простирается до самого Кабула. Первый населенный пункт, который встречается на нашем пути, – Гульбахар. Это большая деревня, где живет примерно 20 тысяч человек. В переводе с фарси «гульбахар» означает «цветок лета» – яркий образчик местной поэзии, такой же грубой, как и сами жесткие отрывистые звуки местного наречия.

Но после пребывания в тесном и пыльном ущелье, где, казалось, вся жизнь прижалась к берегам реки Пянджшир, грязной и вонючей от обилия экскрементов скопившегося там населения, беженцев и домашнего скота, в Гульбахаре словно окунаешься в блестящую поэзию сказочной, залитой светом равнины. Война где-то далеко. По крайней мере, та большая война, которую ждут со дня на день с трепетом и противоположными эмоциями на Востоке и на Западе. Но здесь нет ни газет, ни телевидения. Только в самых богатых домах можно увидеть радиоприемники. Когда я спрашиваю у столпившихся вокруг меня ребят, ждут ли они прибытия американцев и что они об этом думают, то вижу на их лицах недоумение. Они не понимают, о чем идет речь. То, что для нас очевидно, для них – отвлеченная фантазия, если не очередное чудачество этих непонятных чужестранцев.

Для них существует только «их» война – та, к которой они все привыкли за долгие годы, которая то неожиданно вспыхивает, то затихает на долгое время и тлеет, как угли от большого праздничного костра. Какой будет завтрашняя война? Как долго продлится? Одно ясно – она будет отличаться от той, что напонила о себе вчера случайно залетевшей со стороны талибов ракетой, которая разорвалась на окраине Чарикара. В ответ из ущелья раздался одиночный выстрел из пушки. Снаряд так же был выпущен наугад, как и талибская ракета, только затем, чтобы укол талибов не остался без ответа. Тем не менее этот снаряд мог попасть в чей-нибудь дом на той стороне и убить ни в чем не повинных мирных жителей, детей. Особенно страшно за детей, потому что дети составляют здесь большинство населения, а воюющие стороны не ведут хирургически точных артиллерийских обстрелов. Здесь нет врачей, которые могли бы толком перевязать раненых. Есть, правда, госпиталь гуманитарной организации Эмердженси с Джино Страда во главе, но тому не под силу оказать помощь всем раненым и больным. Тех, кому Эмердженси не в силах помочь, ждет смерть: от заражения крови, инфекционных и простудных заболеваний.

Уже стемнело, когда раздался выстрел из орудия крупного калибра. Он отозвался в горах эхом, похожим на стон. На сегодня все. Среди шорохов и хрипов, доносящихся из радиоприемника, удастся разобрать сообщение: в Лондоне предсказывают, что атака – где, кто кого атакует? – начнется в течение ближайших 48 часов. Узнаю и о том, что Осам бен Ладен вновь через телекомпанию Аль-Джазира от имени всего исламского мира объявляет священную войну.

На мгновение у меня возникает странное ощущение, будто я нахожусь в самом безопасном и надежном месте на земле, в то время как вокруг опасность растет с каждым часом. Я понимаю, что это ощущение

Спокойная картина обманлива. В Чарикар «залетали» ракеты талибов

обманчиво, что первое столкновение противоборствующих сторон произойдет где-нибудь неподалеку отсюда, километрах в 80– 90 от места недавней артиллерийской перестрелки. На самом деле опасность подстерегает на каждом углу. Но я стараюсь об этом не думать, пока сижу со стаканом пепси на пыльной террасе рестораника «Мохаббат». Я нахожусь в городке под названием Джабул-Сарай, который расположен на пути к Чарикару. Подо мной копошится бедный рынок: продают белый сахарный виноград, паприку гигантских размеров, рис, муку, бензин в канистрах. Рядом выстроились в очередь желтые машины такси. На первый взгляд, им нечего здесь делать, но выясняется, что клиенты для них находятся. Повсюду в городе тебя преследует тошнотворная вонь, как в отхожем месте, но это признак того, что жизнь здесь бьет ключом. Кроме того, Джабул-Сарай странным образом ближе других оказывается к западной цивилизации. Здесь есть (или было) электричество. По крайней мере, я своими глазами видел столбы с натянутыми проводами. Никто не знает, кто поставляет электроэнергию для Северного альянса. Но она есть. Здесь вполне можно представить Интернет, если бы были к тому же телефонные линии, компьютер не стоил столько, сколько все, что продается на рынке, вместе взятое. Впрочем, Интернетом можно пользоваться через спутниковую связь, что и делают все журналисты, и я в том числе. Единственное, что напоминает о войне, так это висящие на плечах у моджахедов автоматы Калашникова. Вооруженные люди бродят среди лотков по базару без определенной цели и радостно приветствуют друг друга, прислоняясь щекой к щеке и обмениваясь рукопожатиями с какими-то женственными жестами.

То, что эти люди здесь, а не на фронте, успокаивает: в ближайшее время не стоит ожидать резких перемен. Хотя, с другой стороны, фронт в двадцати километрах, и до него можно быстро добраться или же он сам

Считается, что Джабул-Сарай ближе к западной цивилизации. Но калеки войны здесь далеко не исключение

может быстро продвигаться сюда. Но если бы затевалось что-нибудь серьезное, были бы заметны приготовления. А пока на пыльной дороге в направлении Чарикара едут только старые советские КамАЗы, нагруженные товаром.

Начальство, конечно, не будет посвящать в свои планы рядовых моджахедов, но тишина в казармах, дремлющие в тени часовые и полное отсутствие военной техники говорят сами за себя. Зато повсюду разъезжают джипы, нанятые иностранными корреспондентами, которых, как и меня, доставили сюда из Душанбе на самолетах и вертолетах российского производства, предоставленных Северному альянсу для того, чтобы мы смогли рассказать миру о сокрушительном поражении талибов.

Но здесь уверенности в победе как-то меньше, чем в Лондоне и Вашингтоне. Пока талибы не дают о себе знать. Но ясно, что у них большая сила. По ту сторону официально закрытой границы с Пакистаном они пользуются такой симпатией и поддержкой, каких не могли себе представить на Западе. Может, именно в этом ответ на вопрос, почему не начинается наступление. Ведь взять Кабул может оказаться относительно простым делом, но беспокоит то, что может произойти в Исламабаде, Кашмире, Эр-Рияде.

Возвращаемся в ущелье, на которое уже спустилась вечерняя тень. По дороге, которая идет вдоль реки с крутыми берегами, нескончаемым живым потоком движутся стада овец, их гонят с высокогорных пастбищ на зимовку в долину. Вполне мирная картина. Пастухи надеются, что этой зимой в Чарикаре все будет спокойно, то есть что стрелять будут не больше, чем обычно.

Что осталось от огромной советской военной машины в Средней Азии? Что еще можно использовать из Эвереста ржавеющего металла, который покрывает степи за Каспийским морем и неожиданно приобретает стратегический характер – в Казахстане, Узбекистане, Туркменистане и Киргизии?

Российские генералы сегодня, конечно же, склонились над когда-то суперсекретными военными картами Советского Союза, чтобы попытаться разобраться в ситуации. Вполне вероятно, что многие из них до 11 сентября почти ничего не знали о потерянном советском наследстве. Но сегодня приходится вспоминать многое. Если Владимир Путин решит надеть на себя солдатскую каску и принять участие в крестовом походе «против международного терроризма», надо уяснить: откуда следует начинать операцию?

Здесь остановились советские танки

«Чтобы ознакомить вас с ситуацией, не потребуется много времени, – говорит мне офицер, один из самых авторитетных военных экспертов по этому региону, принимавший участие в прошлой афганской войне в составе Военно-воздушных сил (по его просьбе не называю имени моего собеседника), – хотя я не могу рассказать всего, что знаю, так как кое-какая информация остается секретной. Если говорить вкратце, то вблизи от афганской границы пригодны к использованию только семь аэропортов».

Только семь? Ни одним больше? Офицер не сомневается ни минуты. Ему приходилось неоднократно бывать там, он хорошо знает все эти аэропорты. Он видел собственными глазами, как с взлетно-посадочных полос взлетали самолеты, которые отправлялись бомбить Афганистан, бывал на базах десантников, готовых выступить по первому приказу.

Из пригодных к использованию аэропортов три находятся в Узбекистане, один из них, кажется, вполне подходит по своим параметрам. По крайней мере, это самый удобный аэропорт с географической точки зрения. Он расположен в окрестностях Термеза в нескольких километрах от границы с Афганистаном, проходящей по реке Амударья. Два других аэродрома находятся в Ташкенте и на крупной военно-воздушной базе в Харши. По последней информации, узбекская авиация почти не использует эту базу из-за нехватки финансирования, но взлетно-посадочные полосы должны быть в относительном порядке.

Представляю, как и американские генералы согнулись над снимками региона, сделанными из космоса, и мучаются теми же вопросами. Но, может быть, сегодня им известно больше, чем их коллегам из российского Генштаба. В Туркменистане, по последним данным, также три аэродрома, способные принять боевые самолеты. Первый из них находится в городе Мары и активно используется гражданской авиацией. Именно оттуда во времена советской войны в Афганистане взлетали тяжелые бомбардировщики и истребители-бомбардировщики. Это значит, что полоса там длинная. Кроме того, есть аэродромы в Ашхабаде и Чарджоу.

Мне тоже есть что вспомнить. В 1984 г. во время поездки на канал Каракорум в аэропорту

Чарджоу, ожидая посадки на борт маленького самолета Ан, я своими глазами видел, как в мягких лучах заходящего солнца один за другим взлетели около десяти штурмовиков Су, нагруженных бомбами.

Мой эксперт согласен со мной: «В Чарджоу был неплохой аэропорт». А в Таджикистане? В республике, у которой самая протяженная граница с Афганистаном, только один аэропорт – в столице Душанбе. Меньшие по размеру аэропорты не в состоянии принимать тяжелые бомбардировщики и скоростные истребители по разным причинам: неудобный рельеф местности, слишком высокие горы вокруг, плохое состояние взлетно-посадочной полосы.

Но и семи военно-воздушных баз для ведения войны с афганскими талибами вполне достаточно. Проблема в том, что там полностью отсутствует оборудование, необходимое для приема современных боевых самолетов. Это оборудование является последним словом в военных технологиях и включает в себя системы радиосвязи, радар, систему электронного наведения при посадке вслепую, компьютерные системы для обработки данных.

«Если дело обстоит именно так, – говорит мой эксперт, – то американским пилотам придется столкнуться со значительными трудностями. Американцам, конечно, следовало бы сначала направить инженерно-технические подразделения для установки всего необходимого наземного оборудования, включая самые настоящие «башни» для военных авиадиспетчеров.

Конечно, местный персонал совершенно непригоден для таких работ. Да и нельзя такую ответственную работу доверить не американцам. Это было бы странно». Логично. А сколько времени потребуется для проведения всех необходимых работ? «Трудно сказать, я не знаю американских оперативных возможностей. По нашим меркам, потребовалось бы несколько месяцев».

Конечно, русские более склонны к авантюрам, чем американцы, и если бы им пришлось выступить, они приспособились бы и к более «доисторическим» условиям, хотя старые полуразрушенные взлетно-посадочные полосы, несомненно, увеличили бы риск для летчиков. Со времени распада СССР прошло более десяти лет, а никаких ремонтных работ на военных базах не проводилось. Бывшие советские республики слишком бедны, чтобы содержать их в надлежащем виде. Пожалуй, только аэропорты в Ташкенте, Ашхабаде и Душанбе приведены в порядок. Но это столицы, а на остальных аэродромах лишь засыпали ямы на взлетно-посадочных полосах.

Военная операция такого размаха требует подготовки сложных и серьезных инфраструктур, хранилищ горючего, современного технического оборудования, систем энергоснабжения, многочисленного технического персонала. Русским, в случае принятия решения об участии в операции, пришлось бы перебазироваться с Юга России, перелетев через Каспий. Те, кто, как и я, побывал на российской авиабазе в Моздоке, расположенной рядом с Чечней, могут подтвердить, что ситуация там не намного лучше: ни одного нового самолета, повсюду груды ржавого металла. Где взять денег для широкомасштабной военной операции, такой, как в Афганистане? Путин не обладает такими возможностями. Даже если бы ему очень хотелось принять участие в войне, то для этой цели потребовалось бы найти средства, равные всему военному бюджету Министерства обороны.

Конечно, в данном случае Америка могла бы оплатить услуги России в долларах. Есть сведения, что эмиссары Буша, не привлекая к себе внимания, переезжают из одной среднеазиатской столицы в другую, предлагая бешеные деньги за участие в операции. Но нет совершенно никакой уверенности, что Москве удастся развернуть свои наземные и воздушные силы. Возможность равна почти нулю, поскольку никому в голову не может прийти идея использовать по самому минимуму российские войска на раскаленной земле Афганистана. Да и Чечня не дает забыть о себе ни на минуту.

Скрепя сердце российский эксперт признает, что «реалистическим» выходом было бы «представить» – но только представить, уточняет он, – что на этих полуразрушенных авиабазах размещается американская авиация. Откуда она там появится? «Самой короткой была бы переброска авиабаз из Турции через азербайджанскую территорию. Для такого перелета требуется разрешение на использование воздушного пространства, но это не проблема: кто посмеет отказать Соединенным Штатам?» Первыми придут инженерно-технические подразделения. За их перемещениями будут следить самолеты АВАКС, предназначенные также

для электронных диверсий. Правда, талибы практически лишены авиации. Затем на базы придут бомбардировщики и истребители. Для истребителей необходимо предусмотреть какой-нибудь промежуточный аэродром, так как у них ограниченный автономный полет. То же самое относится и к вертолетам: после прибытия их можно разместить в непосредственной близости от границы.

Будет создан самый мощный воздушный мост за всю историю военно-воздушных сил. Еще один из многих рекордов, которые отметят в ближайшие месяцы. Может также возникнуть уникальная ситуация, если Пакистан – на данный момент это только маловероятное предположение – окажется ненадежным союзником и ввиду осложнившейся внутривосточной обстановки не сможет более выносить «политическое» присутствие американской военной авиации. Тогда Кремль и его среднеазиатские союзники могут предложить менее удобные и менее подготовленные аэродромы, но зато они гарантируют контроль над внутривосточной ситуацией. Относительный, но еще действенный контроль. Теперь остается только гадать, какая сложится ситуация после победы над талибами. Базы, построенные для войны «против международного терроризма», могут остаться в этих местах надолго. Что может не понравиться Владимиру Путину.

Под американскими бомбами

В Афганистане в горах всегда есть где спрятаться. Вершины древних и осыпающихся гор лишены какой бы то ни было растительности. Они слишком высоко вздыблены к небу, чтобы на них могло что-нибудь расти. Но чтобы уничтожить прячущегося в этих горах, в расщелинах и пещерах противника, не хватило бы и тысячи вертолетов с тысячей бомб.

Осама бен Ладен еще жив после многодневных бомбежек. Жив и вождь талибов мулла Омар, который отошел сегодня на второй план, потому что истинным лидером, символом для всего мусульманского мира, а не только Афганистана, стал Осама.

Источники Пентагона продолжают сообщать о новых разбомбленных центрах по подготовке террористов. Это самая легкая задача, так как здесь почти нет «побочных эффектов» – риска нанести удар по гражданскому населению. Ведь ясно, что военные лагеря специально размещаются вдали от населенных пунктов, в труднодоступных горных ущельях, подальше от постороннего любопытного глаза. Нет ни малейшего сомнения, что местоположение этих лагерей было установлено заранее с помощью спутников-шпионов и аэровоздушной топографической разведкой, и теперь эти данные внесены в электронную память крылатых ракет, что позволяет им поражать цели с максимальной точностью.

Но когда приходится наносить удары по «политическим» целям, например по домам и убежищам вождей Талибана, а также по министерствам, учреждениям и системам гражданских коммуникаций, оказывается, очень легко допустить промах. Вышеперечисленное располагается в городе среди мирного населения, которое еще не всё ударило в бег, дабы спасти свою жизнь. И хотя создается впечатление, что теперь безопасности гражданского населения уделяется больше внимания, чем во время войны в Югославии, «побочный эффект» в виде жертв ни в чем не повинных людей всегда присутствует. Когда отступающие талибы смешиваются с колоннами беженцев, то наносят удары по общей массе людей исходя из соображения, что при любых условиях надо уничтожить врага.

Это произошло в Кабуле, когда ракета попала в самый центр здания представительства ООН по обезвреживанию мин на афганской территории. В феврале 2000 г., будучи в Кабуле, я проезжал мимо представительства, которое находилось на возвышенности в восточной части города, как раз под монументальным мавзолеем, построенным во время правления короля Амануллы. (Сегодня от мавзолея остались одни руины.)

Поднимаясь на вершину холма, я увидел здание представительства и прилегающую к нему территорию. Вокруг маленького изящного дворца, построенного в начале прошлого века, было почти безлюдно. Во дворе только афганская стража, несколько автомобилей и большой ангар. Персонал представительства состоял из афганцев: иностранцы все без исключения были эвакуированы после того, как ООН ввела санкции против режима талибов. Недавно я увидел еще раз представительство по телевизору: здание разрушено бомбами, сгоревший ангар, четыре

обгоревших трупа и один выживший человек с тяжелейшими ожогами. Пентагон отказывается подтвердить сообщение. Тогда звоню по телефону в госпиталь Эмердженси. Там информацию подтверждают и добавляют, что один из погибших был сапером, остальные – из обслуживающего персонала. Все четверо – афганцы.

А рядом с представительством? Были ли там жертвы? Храбрым афганским сотрудникам Эмердженси, которые со своими семьями остались под бомбами в Кабуле, не удалось узнать большего. Передвигаться по Кабулу даже днем настолько опасно, что не многие рискуют выходить за порог своего дома. Сверху хорошо заметны любые передвижения, и авиация наносит ракетно-бомбовый удар без лишних колебаний. Во Флориде ни у кого нет ни времени, ни желания отличать одного бородача от другого. Что касается самого дворца, то было совсем не трудно установить: это гражданский объект. Был ли кто-нибудь из экспертов предупрежден, что в ангаре перед дворцом хранилось необходимое снаряжение для обезвреживания мин? Весь Афганистан так напшигован минами, что на каждого живого афганца приходится по неразорвавшейся мине. Выходит, что нанесли удар по единственному учреждению, которое должно было помочь стране освободиться от тяжкого бремени многолетней войны? Может, здание разрушено по ошибке? Может быть. Но возможно, это был прицельный удар: считается, что талибы прячутся в зданиях, где ранее располагались гуманитарные организации. Поэтому такие здания также держатся под прицелом. А если будут невинные жертвы, то мир их праху. Зато когда закончится война, пришлют миллиарды долларов на восстановление.

Такая ситуация повторяется неоднократно. В Кабуле ракетой на одной из самых высоких точек города был разрушен телевизионный ретранслятор, который уже много лет не работал. Я ранее был в этом районе и видел, что внизу к строениям ретранслятора прилепились многочисленные лачуги бедняков. Что стало с этими людьми и их детьми?

Что происходит на самом деле, каков масштаб разрушений, сколько убитых и раненых, как среди военных, так и гражданского населения – обо всем этом информация очень скупа и невозможно проверить ее достоверность. Несмотря на то, что я в Афганистане, об этих бомбардировках могу судить только по тому, что, как и все, вижу на телеэкране без звукового сопровождения, когда вечером в госпитале Эмердженси, где я остановился, включают генератор.

Впечатление, что находишься в зале видеоигр. Мы знаем – программисты войны нам об этом поведали, – что сейчас продолжаются систематические удары, чтобы лишить армию талибов оперативных возможностей. На первом этапе планировалось вывести из строя все системы электронного предупреждения, радарные установки и нарушить связь. По правде говоря, непосредственно перед войной талибы располагали самым примитивным электронным оборудованием. Достаточно было одного беглого взгляда на аэропорт Кабула, лучший в Афганистане, чтобы понять, что все системы обеспечения дышат на ладан. Все устаревшее и проржавевшее оборудование еще советского производства работало на грани выхода из строя, без необходимого технического обслуживания и поставок запчастей. Даже радиосвязь работала со сбоями.

На втором этапе, который продолжается и сегодня, главная задача – парализовать все перемещения войск, лишить их возможностей маневра. С этой целью систематически разрушаются все аэропорты в Афганистане. Передо мной географическая карта страны, выпущенная еще в советские времена. Сколько в Афганистане аэродромов? Около 50 средних и маленьких и только 2 крупных – в Кабуле и на военной базе в Баграме. Во многих провинциальных столицах вместо аэродрома одна плохо заасфальтированная взлетно-посадочная полоса без радара, она не в состоянии принимать самолеты при снегопадах или гололеде. Многие из этих аэропортов построены или приведены в функциональное состояние еще советскими специалистами. После ракетно-бомбовых ударов от этих аэропортов ничего не останется. Но после победы с помощью американских долларов их, вероятно, восстановят в лучшем виде. Прекрасная демонстрация возможностей «творческого разрушения» американской глобализации.

Понятно, что, разрушая аэропорты, хотят помешать Осаме бен Ладену «скрыться по воздуху». В буквальном смысле этого слова. Афганистан становится ловушкой для него и для всего высшего руководства движения Талибан. Из храма движение превращается в тюрьму с

последующим физическим уничтожением. Этот вариант предпочтительнее показательного процесса перед лицом всего мира со специальным трибуналом, сформированным для этой цели. Какой бы получился грандиозный спектакль! Но проблема в том, что американцы потребовали бы для Осамы высшей меры, а европейцы, с их причудами против смертной казни, хотели бы приговорить его всего лишь к пожизненному заключению, а может, даже проголосуют за еще более мягкое наказание.

Нет уж, лучше просто убить его без всяких церемоний. И потом, нельзя забывать, что на открытом процессе даже со специальным трибуналом Осаме получил бы возможность предстать в роли мученика, выступить со своими воззваниями, вызвать на слушания какого-нибудь своего неизвестного сообщника.

Но так ли легко его уничтожить, как полагают очень многие, начиная с министра обороны США Дональда Рамсфельда. Ведь в Афганистане могут оказаться неэффективными самые сложные системы электронного слежения. Мы не в Голливуде, и действие не разворачивается по сюжету фильма «Враг государства». А Осаме бен Ладен может оказаться достойным подражателем Джина Хэкмена и найти путь к спасению бегством. Конечно, без многочисленного сопровождения – это сделало бы его слишком заметным. Друзья у него есть, в деньгах он не нуждается. Вопрос в том, что он сам для себя выберет: бежать или остаться со своими камикадзе, чтобы самому превратиться в мученика.

В долине Шомали, где я сейчас нахожусь, все ждут приказа к наступлению. Терпеливо и с некоторой иронией. Не всем нравится идти на штурм Кабула под градом американских бомб. Те, у кого есть радиоприемники на батарейках, рассказывают друзьям и знакомым, что они слышали сообщение, как с самолетов сбрасывают гуманитарную помощь с едой и конфетами. Все посмеиваются. Один парень с «Калашниковым» через плечо – на вид ему лет 15, может, меньше – кладет жестяную банку из-под пепси-колы (странно, но кока-колы здесь совсем нет) в пластиковый пакет и швыряет в сторону, имитируя звук разрыва: «Бум! Гуманитарная помощь!» Окружающие умирают со смеху.

Конечно, эти весельчаки были бы не против, если бы американские самолеты спикировали на позиции талибов и как следует отутюжили их своими бомбами и ракетами. Талибы крепко удерживают линию фронта на пути к Кабулу и вокруг авиабазы в Баграме. Но американцы не будут пикировать ни за что до тех пор, пока не станут на сто процентов уверены, что ничем не рискуют. Зато ожидается эффектное выступление бомбардировщиков Б-52, которые перепархивают 10 километров за раз с высоты 11 тысяч метров. В любом случае именно они расчистят моджахедам путь к столице.

Остается гадать, отводят американцы какую-нибудь роль таджикам в будущем Афганистане или нет. Пока в этом нет уверенности, особенно после того, как генерал Мушарраф, президент Пакистана, дал понять, что он получил заверения от Тони Блэра, что этого не случится. Но самому Мушаррафу еще надо удержаться в своем кресле, а на этот счет имеются серьезные сомнения.

Охота за Осамой Бен Ладеном

Ночью здесь как-то по-особенному тихо. Если в Кабуле ночную тишину прерывает вой бродячих собак, то в ущелье слышен только постоянный рокот Пянджшира – реки «пяти львов», давшей название и самому ущелью. Каскады и водовороты реки пели свою вечную песню среди древних высоких гор, отшлифованных тысячелетиями. И на протяжении тысячелетий горы крошатся и осыпаются, приводя к возникновению разрушительных селей. До звездной вышивки в кристально прозрачном небе, кажется, можно дотронуться рукой. В этих пыльных горах такое небо, какого европейцы со своих равнин не увидят никогда. Впечатление, что свет ослепительных звезд мерцает и дрожит только для того, чтобы привлечь внимание подавленного местной красотой путника.

А среди неподвижных звезд затерялись звездочки спутников-шпионов, движение и блеск которых вполне реальны. Я пригляделся повнимательнее и заметил один такой спутник, который перемещался по небу с запада на восток – слишком быстро для настоящей звезды и слишком медленно для самолета. А вот и еще один – следует с юго-востока на северо-запад.

Маленькие рукотворные звездочки, следящие за нами и подслушивающие нас, одновременно далекие и близкие, с чутьем охотничьей собаки, которая идет по следу. Летят произведения, может быть, самых передовых технологий в области электроники и средств связи. И нет, кажется, таких тайн, которые могли бы укрыться от их зоркого ока и чуткого уха. Под нашими ногами прошлое, история, исчисляемая веками. Над нашими головами будущее. Впору действительно задуматься о драматическом до последней капли крови столкновении цивилизаций, из которых та, что «наверху», знает о каждом движении той, что «снизу», и следит не спуская глаз. Но не может постигнуть ее тайны и проникнуть в ее мысли. Как охотиться за Осамой бен Ладеном и муллой Омаром, не зная, что они замышляют? Как поймать их, если не понимаешь языка, на котором они общаются?

А мысли их так же извилисты, как и тропинки в здешних горах, где даже атомная бомба, тактическая или более мощная, не вызовет ничего другого, кроме камнепадов и огромных туч пыли. Даже самым точным крылатым ракетам не под силу сориентироваться в нагромождении отвесных скал, ущелий и обрывов. Никакой самый современный самолет не может летать по узким ущельям, раскидистым, как оливковая ветвь. Есть горные убежища, к которым нельзя добраться даже на вертолете, управляемом опытным пилотом, просто потому, что не найти места ни для посадки, ни для высадки десанта. А ведущая к убежищу дорога узка, как лезвие клинка, и змеей извивается на крутых склонах. Причем на каждом повороте она заминирована зарядами с дистанционным управлением.

Как в этих условиях атаковать, если вдобавок знаешь, что защищают эти горные крепости люди, готовые на все, люди, которых не учили сдаваться или бороться за собственное выживание? Может быть, по данным, полученным от спутника-шпиона, аналитикам из Пентагона уже известно, где скрывается бен Ладен? Но даже такая точная информация вряд ли поможет задержать или уничтожить его. А первый этап операции не может считаться завершенным, если Осам бен Ладен не арестован или убит и если в Кабуле и Кандагаре не искоренен режим талибов. Таковы задачи минимум, которые поставила перед собой администрация президента Буша, и им нет никакой альтернативы. Вот почему испытания, которые предстоят американцам, гораздо сложнее, чем могло показаться на первых порах. Придется в любом случае спускаться на землю с целым экспедиционным корпусом в тысячи человек, что потребует дополнительного времени. Соответственно возрастает и риск. Вот почему в Вашингтоне слышны отдельные голоса, призывающие отложить окончательное решение проблемы до будущей весны.

Но это все только предположения; вполне допустимо, что Осам не настолько важная фигура, как нам говорят. Также допустимо, что его хотят использовать еще какое-то время в качестве живого пугала для поддержания атмосферы страха. Может быть, перед нами разворачивается спектакль, поставленный специально, чтобы отвлечь наше внимание? На самом же деле бомбардировки Афганистана и его полное окружение имеют более широкую цель: поставить на колени не только талибов, но и всю страну. Этот спектакль добивается политического решения, которое, возможно, значительно отличается от того, на что надеются моджахеды из Северного альянса, и от того, чего намеревается добиться Владимир Путин. Ясно, что для Вашингтона и Лондона Пакистан имеет гораздо большее значение. Ясно и то, что формирование будущего правительства в Кабуле не доверят таджикам, а следовательно, потребуется время, чтобы решить вопрос в пользу пуштунов при поддержке Первеза Мушаррафа.

Реально ли такое развитие событий? Возможно, да, поскольку США обладают такой мощью, что в настоящее время могут навязать любое решение. Что произойдет в Афганистане потом, для них не имеет значения. Потом пусть все перевернется на 180 градусов – сейчас не время рассматривать долгосрочные задачи. В любом случае то, что до сих пор не пойман Осам бен Ладен, не самым лучшим образом характеризует проведение операции возмездия и указывает на слабость перед лицом неуловимого Дьявола.

Афганистан кишит людьми из «иностранный легиона» Осамы. Это тысячи бойцов джихада со всего света. Одними бомбами их не уничтожить. В какой-то момент они отступят для того, чтобы укрыться и перестроить ряды. Осам бен Ладен давно предусмотрел и такой вариант. Его хотят сделать глухим и слепым, лишив средств связи, но для него этот ущерб не

велик. К тому же его сторонники наверняка учли, при каких обстоятельствах погиб президент чеченских сепаратистов Джохар Дудаев – он забыл, что спутниковый телефон может стать прекрасным маяком для ракеты. Едва закончив говорить по телефону, он был разорван на куски ракетой «воздух-земля». Осам бен Ладен не повторит этой ошибки. И со всей уверенностью можно сказать, что его вооруженные отряды не станут перемещаться большими группами ни днем, ни ночью. Они разобьются на маленькие группы по 5, максимум 10 вооруженных с ног до головы людей, которые способны преодолеть за ночь 10 километров по горным тропам. Нужно нечто большее, чем система электронного слежения, чтобы решить эту проблему. Ведь Афганистан – это не только страна, где можно найти тысячи подходящих мест, чтобы спрятаться. Афганистан сам по себе – гигантский тайник, похожий на комплект китайских шкатулок. В этой стране чужестранца никогда не станут до конца считать другом. Самое большее – гостем, которому следует дать приют, пока он гость. А затем он становится добычей. Осам и его люди тоже подвергаются этому риску, но здесь их, в отличие от американцев и европейцев, берет под свою защиту ислам.

Нужно развернуть сбор информации на земле, для чего требуются шпионы и информаторы. Только спутниковые системы слежения не решат проблемы бен Ладена. Да и выкурить его из норы ракетами не удастся. Гораздо эффективнее было бы назначить вознаграждение за его голову. И об этом в Вашингтоне уже подумали. Но нет уверенности, что это сработает. Деньги можно, конечно, заработать и таким способом, но затем их надо тратить. Для этого надо жить долго. А для того, кто продаст Осаму бен Ладена Соединенным Штатам, нет никаких гарантий, что он попадет к райским гуриям.

Афганистан без будущего

Я возвращаюсь из Афганистана почти тем же путем, что и приехал сюда. С единственной разницей, что вертолет, на котором я вылетел из Пянджширского ущелья, неизвестно по какой причине высадил меня в Хакул-Пяндже, немного не долетев до границы с Таджикистаном. Огромные каменистые отмели реки усыпаны палатками, в которых живут семьи беженцев и вооруженные таджикские отряды. Среди палаток бродят группы иностранных корреспондентов, окруженные гурьбой ребятишек, которые надеются выпросить монету или банку мясных консервов. Здесь,

Беженцы-таджики в Пянджширском ущелье

на афганско-таджикской границе, звуки канонады из района боевых действий гораздо слышнее, чем в Пянджширском ущелье. На шестнадцатый день бомбардировок американская авиация усилила удары по всем крупным городам Афганистана. Бомбят с большой высоты, как в Югославии, чтобы оставаться вне пределов досягаемости даже только предполагаемых средств противовоздушной обороны.

Бомбы падают на Кабул, Кандагар, Джелалабад, но особенно сильно бомбят Мазари-Шариф, где, по словам генерала Абдурашида Дустума, началось новое наступление. Но талибы удерживают город, несмотря на то, что американская авиация уделяет ему особое внимание. Американцы хотят продемонстрировать свое расположение узбекам в пику таджикам, которые слишком сильны и осмеливаются предъявлять претензии. А главное, они находятся слишком близко к Кабулу. В этом свете становится понятнее тесное взаимодействие в узбекском секторе между Северным альянсом и американцами.

Но что-то застопорилось. Талибам, занимающим позиции немного южнее Мазари-Шарифа, удалось отбить важный населенный пункт Чаркчара, доказав всем, что их еще пока рано сбрасывать со счетов. А также и то, что возможности Северного альянса в этом районе явно преувеличены. Талибы дали о себе знать и на равнине Шомали, когда после того, как американцы отбомбились на их позициях, они выпустили две ракеты, которые разорвались в самой гуще рынка в Чарикаре, где мы обедали буквально накануне. По меньшей мере, двое убитых и 25 раненых, большинство из которых в тяжелом состоянии. Среди жертв много детей. Ракеты были запущены наугад, но с целью убить как можно больше представителей другого этноса – таджиков. Сегодня национальность «афганец» лишена какого бы то ни было смысла.

Талибы дают понять, что они еще держатся на позициях у Баграма и могут наносить удары и даже контратаковать. Эти две ракеты, выпущенные наугад, впрочем, не идут не в какое

сравнение с бомбами, сброшенными за один день на мечети (Мазари-Шариф), дома (Кабул) или на колонну грузовиков, перевозивших горюче-смазочные материалы (Герат). В результате бомбежек остались горы трупов, среди которых невозможно отличить мирное население от бойцов Талибана.

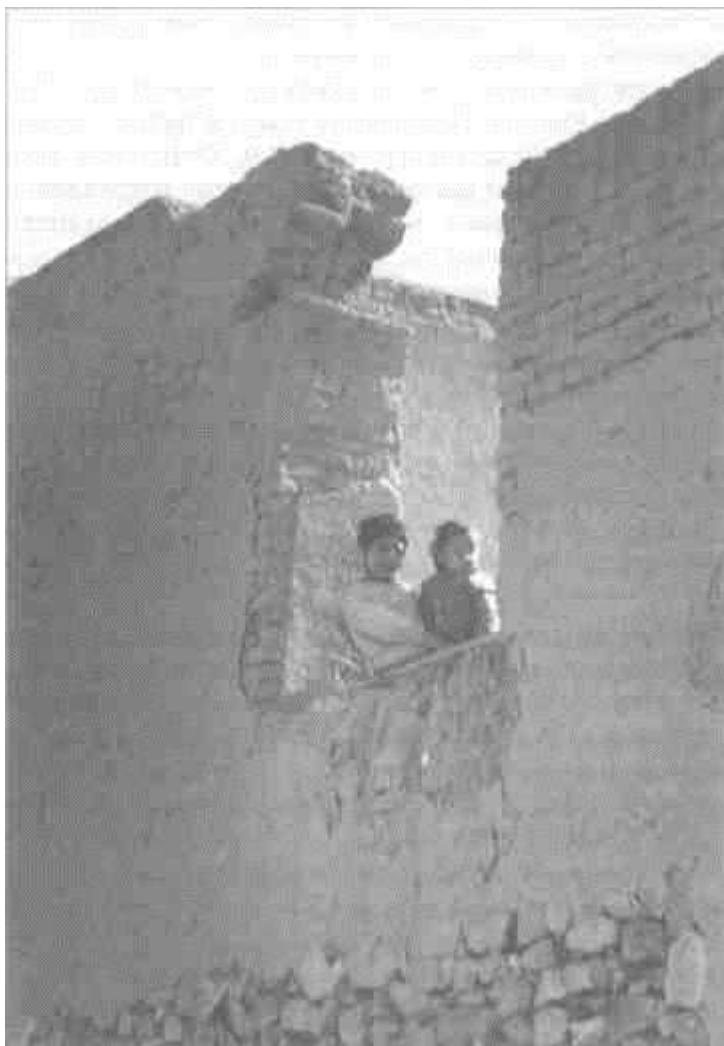
С начала бомбардировок прошло уже 16 дней и, поскольку мы не доверяем данным талибов (они могут специально раздувать цифры потерь среди гражданского населения или, наоборот, приуменьшать число жертв, чтобы не подрывать моральный дух), то баланс реальных потерь нам неизвестен. Американцы о своих потерях хранят молчание. Но считать молчание за отсутствие потерь еще большая глупость, чем принимать на веру информацию с другой стороны.

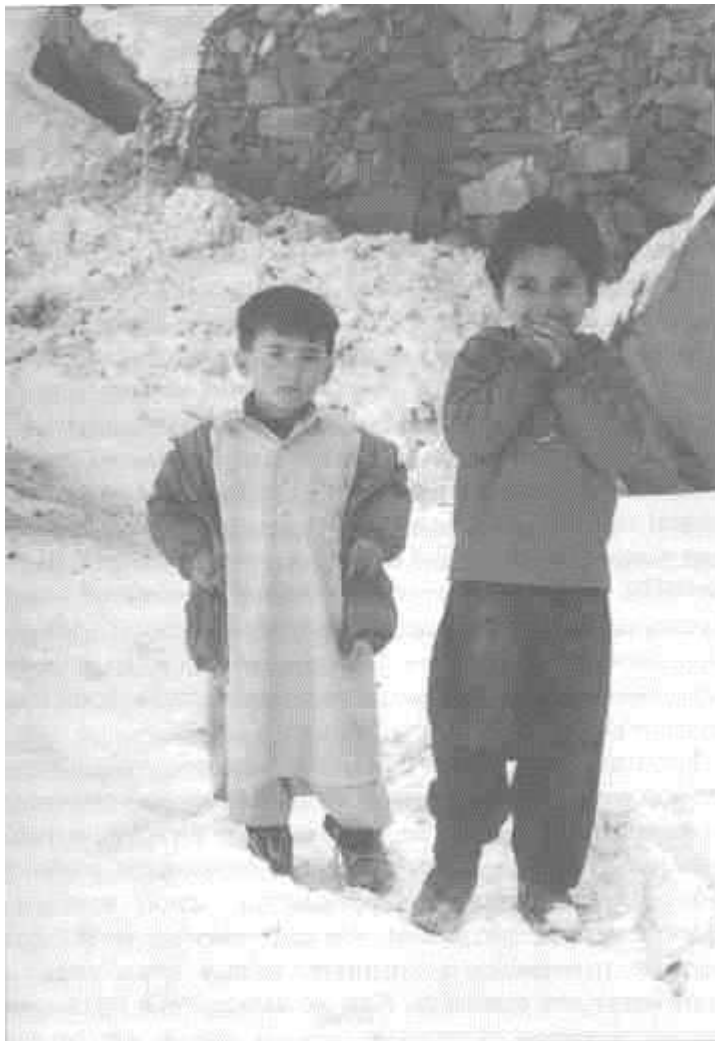
Ничего не известно ни о том, какие потери понесли вооруженные формирования Талибана, ни о гибели кого-либо из его лидеров. Таким образом, западному общественному мнению дается основание полагать, что успехи американцев на сегодняшний день весьма незначительны при том, что постоянно растет число жертв среди мирного населения.

Мы переправляемся через реку на скособоченном плоту, закрепленном на стальном тросе, который протянут с одного берега на другой. На противоположном берегу стоит длинная колонна грузовиков с гуманитарной помощью от ЮНИСЕФ. Представители этой организации подъехали в джипе за 100 тыс. долларов, чтобы наблюдать за переправкой грузовиков, но сами переправляться на афганский берег не собираются. Поэтому нет никаких гарантий, что этот гуманитарный груз действительно попадет по назначению и будет бесплатно распределен среди десятков тысяч нуждающихся, которые скопились в бескрайнем палаточном городке на каменистой отмели реки.

На другом берегу, мы попадаем сначала не в Таджикистан, а в Россию. Небольшой участок берега контролируют российские пограничники. Они проверяют документы и ищут наши имена в списке журналистов (кстати, пропускают в Таджикистан журналистов только при наличии таджикских виз). За спинами пограничников примерно в ста метрах на столбах натянута металлическая сетка, которая тянется в обе стороны, на сколько хватает глаз по горам и долинам. Эта полоска земли контролируется российскими погранвойсками. Таджики были не в состоянии охранять границу ни когда на противоположном берегу были моджахеды, ни тем более когда их сменили талибы. Сейчас на другой стороне афганские таджики – военные соратники в войне с талибами, и это российское присутствие скорее реликт прошлого. Но пока неизвестно, как будут разворачиваться события, и это присутствие сохраняется. Выглядит оно как осколок влияния России, далекой и потерпевшей поражение. За забором из металлической сетки, символизирующим границу между Западом и Востоком, мы вновь попадаем в Азию. Первым делом приходится торговаться о размере бакшиша за проход с таджикскими пограничниками, скорее похожими на банду гангстеров, чем на госслужащих. Но все же нам сопутствует удача, и после потери некой денежной суммы нам удается пройти зону контроля.

Афганистан остался позади. Там внизу продолжают ракетно-бомбовые удары, растет и ширится лавина беженцев, порожденная, надо заметить, именно бомбардировками, которые загоняют ситуацию в непроходимое болото. Ведь до сих пор не решена проблема будущего правительства в Кабуле. И это подтверждает увиденное нами в Пянджширском ущелье перед самым отлетом.

Дети Кабула

Вчера утром, взбираясь на маленькую вертолетную площадку, я попытался сосчитать количество танков и бронетранспортеров, находящихся в ущелье. Их были сотни. Они стояли без движения, но были в смазке и с полными топливными баками. Но пока нет приказа. И не будет – хотя эта сила готова выступить в любую минуту – до тех пор, пока Вашингтон не развяжет все запутанные узлы. Если США и дальше будут оказывать давление на своего союзника Мушаррафа – ввиду того, что пакистанские военные базы и контроль за пакистано-афганской границей имеют решающее значение для операции, то рискуют вызвать бурю исламских и антизападных настроений в Пакистане. На этот риск решили пойти, но чтобы получать полную поддержку Мушаррафа, нужно сдерживать силы Северного альянса, который настроен по отношению к нему явно враждебно. Выходит, для того чтобы упрочить более или менее власть Мушаррафа в Пакистане, Америка рискует вызвать серьезное недовольство России, которая на стороне таджиков, и Ирана, поддерживающего мусульман-шиитов Исмаила Хана.

Возникает огромная путаница, она еще больше ставит под сомнение сам смысл «борьбы с международным терроризмом». Борьба ведется в союзе с террористами, теми, кто им помогал и хотел бы сохранить у власти либо кого-нибудь из террористов, либо человека, близкого к ним, представив его как умеренного. В Афганистане прекрасно понимают, какая игра ведется, и запомнят это навсегда. Как не забыли все афганские партии, которые разыгрывались на западе или на востоке последние двадцать лет.

Чтобы добраться до границы, нам пришлось перелететь через высоченные горные хребты, побелевшие вершины которых означают, что скоро зима. В глубине долин по обе стороны Гиндукуша, вдалеке от зоны боев и бомбардировок, афганцы заняты привычной работой на земле, используя древние орудия труда. Вид прекрасных диких пейзажей, умиротворенных и

суровых одновременно, нарушают разбросанные повсюду реликты войны, которая ушла, может быть, ненадолго из этих мест. Благословенная передышка.

Нужно совсем немного, чтобы если не вернуть афганцам достаток, то, по крайней мере, обеспечить долгий мир, дать немного электричества, школ и больниц. Но даже у самой границы люди живут в убогих палатках и умирают в три раза быстрее западного населения.

Где-то в районе Мазари-Шарифа продолжает греметь канонада и продолжаются кровавые столкновения. Когда город падет, а в том, что он падет, никто не сомневается, как нет сомнений, что будут взяты и Кабул, и Кандагар, отрубленные головы побежденных установят, как столбики, по обочинам дорог на многие километры. Так уже бывало в афганской истории, повторится и теперь.

Мы покидаем эту измученную страну без будущего. Путь, который Запад выбрал для нее, не оставляет ей никаких надежд.

Супервойна (после 11 сентября 2001 г.)

«Наша страна находится в состоянии войны, наша экономика переживает рецессию, а весь цивилизованный мир стоит перед лицом невиданной опасности» (Из речи о задачах политики США// International Herald Tribune 2002. 31 янв.). Эти слова принадлежат Джорджу Бушу и вполне могут сойти за общую оценку происходящего, сделанную на командном мостике в конце января 2002 г.

В работе над этой книгой я придавал большое значение тому, что произносится на этом командном мостике. Конечно, не все, что доносится оттуда, следует слепо принимать на веру, поскольку там тоже могут быть люди, ослепленные идеологией, и не всегда их оценка ситуации точна. Но к тому, что говорится о новой опасности, надо прислушаться. В приведенных здесь словах Буша есть большая доля истины и чувствуется серьезная озабоченность.

«Я не буду дожидаться, пока опасность даст о себе знать (...) Не стану сидеть сложа руки и смотреть, как она приближается», – сказал Буш под бурные аплодисменты обеих фракций конгресса. В эти дни его рейтинг достиг заоблачных высот, а вся страна была охвачена единым порывом. Никогда еще президенту США не удавалось достичь такого уровня доверия всего лишь спустя год после прихода к власти. Только сейчас дали себе труд заметить, что десятки тысяч бойцов, которых США готовили и вооружали в период с 1979 по 1989 г., «рассеялись по всему миру и представляют собой бомбы с часовым механизмом, готовые взорваться без предупреждения». Американцы продолжают заявлять, что эта армия террористов появилась на свет после 1996 г., но такие заявления далеки от истины. Впрочем, от того, что они замечают и что говорят, общая картина не меняется. Началась охота, которая еще долго будет продолжаться и станет характерной чертой начавшегося столетия. Во всеуслышание объявляется, что борьба с терроризмом станет повсеместной, и будет проводиться в любой точке земного шара, дабы покончить любыми способами, невзирая на договоры и законы, со всеми теми, кто уцелеет в асимметричных войнах или секретных операциях ЦРУ или ФБР, как в самой Америке, так и за ее пределами.

То, как проводилась Афганская кампания, полностью согласуется с долговременными целями, о которых говорилось на капитанском мостике после 11 сентября. «Что определило новые организационные принципы и новые приоритеты в международных отношениях на последующие десятилетия». (Jim Hoagland. International Herald Tribune. 2001. 9 нояб.). Кризисы подобного характера «перестраивают мировую политику, если используются открывающиеся возможности» (там же. Курсив мой). Становится понятно, с какой целью наносились бомбовые удары по афганским тюрьмам: с самого начала было принято решение уничтожить для устрашения как можно больше людей. Смысл этого расширительного применения смертной казни в том, что преступник не может быть помилован и что наказание неотвратимо. Логика юридической культуры США была распространена на афганцев. Но было также и одно прагматическое (не сиюминутное, случайное, высказанное в пылу ярости) соображение,

которое со всей решительностью отстаивал Дональд Рамсфельд: чем больше будет убито, тем меньше хлопот после – не надо тратиться на их содержание в тюрьмах или искать по всему свету.

Необходимо учитывать и «новые приоритеты в международных отношениях». В речи Буша слово «безопасность» прозвучало 19 раз, а вот слово «Европа» – ни одного. Мы вроде ни при чем, словно нас это не касается. Нам не отводится не то что главных, но даже и второстепенных ролей. Нам просто будут отдавать приказы, когда на командном мостике сочтут необходимым. Вдобавок ко всему было придумано новое определение, будущий характерный признак эпохи, которое скоро зазвучит как заклинание: ось зла. В длинном перечне будущих целей три были названы приоритетными: Ирак, Иран, Северная Корея. США нанесут удар именно в этом направлении. О Палестине нет ни слова по той простой причине, что задача разобраться с проблемой была доверена Израилю.

Это своего рода модель, опробованная в Афганистане: воевать «вспомогательными силами», руками вооруженных тобой сателлитов, которых ты время от времени можешь использовать по своему усмотрению, заставить подчиняться своей воле угрозами или подкупом. Эта же модель была применена и в Йемене в разгар американской военной операции в Афганистане. Президент Йемена Али Абдулла Салех в конце ноября был вызван в Вашингтон. Ему было сказано, что он может выбирать: или он вместе со своей страной становится целью для следующей атаки, или сделает все для ликвидации гнезд, которые террористы свили на его территории. Али Абдулла Салех выбрал второе и двинул свои войска на племя Аль Джалал. Случилась маленькая война, в результате которой разрушено всего лишь три деревни и убито только несколько десятков людей, так что нет особой нужды выяснять, кто они – гражданское население, военные или террористы. Самое главное: участие в этой операции Соединенных Штатов свелось к посылке немногочисленной группы агентов ЦРУ, которые, скорее всего, наблюдали за развитием событий с безопасного расстояния и корректировали наведение шпионов-спутников, следивших за операцией и передававших картинку на экраны в штаб-квартиру во Флориде.

На примере Афганистана, Сомали, Филиппин стало ясно, что американцы не остановятся ни перед чем «ни во имя вымученного объективизма, ни для спасения шкуры еще одного пакистанского диктатора или даже королевской семьи из Саудовской Аравии» (там же). Теперь понятно, почему в Эр-Рияде нарастает беспокойство. Понятно также и то, что Вашингтон готов пойти на небывалый риск. Это видно на примере Пакистана. Победоносная операция в Афганистане уже спровоцировала глубокий кризис в регионе, поставив Индию и Пакистан на грань войны. Как ситуация будет развиваться в дальнейшем, никому не дано предугадать, но кризис чреват угрозой применения ядерного оружия. Может быть, риск просчитан? Трудно сказать, но очевидно, что перспектива гибели сорока миллионов человек с каждой из двух противостоящих сторон, пусть азиатов, не слишком беспокоит заокеанских стратегов. Да и у нас, в Европе, комментаторы обходят эту тему стороной, а телевидение ограничивается показом дорогих кадров, снятых в гималайских ущельях, где лицом к лицу сталкиваются индийские и пакистанские солдаты в одинаковой камуфляжной форме «Made in Singapore».

Здесь сразу надо внести предельную ясность. Не хотим же мы, в самом деле, тратить время на сантименты! «Кампания, начатая Соединенными Штатами, не рассматривалась в качестве гуманитарной операции, как это было в Косово или Восточном Тиморе (...) На карту поставлены национальные интересы США – это главное». Зигзаги политики и дипломатии «не смогут помешать нам охотиться за террористами бен Ладена ни на афганской земле, ни на территории Пакистана, ни где бы то ни было еще» (там же).

Такое впечатление, что слушаешь хоровое пение. Американская печать в комментариях и аналитических статьях демонстрирует почти полное единодушие. И в то время, как у итальянских средств массовой информации пропал всякий интерес к Афганистану (если что-то и появляется в газетах, то это маленькие статьи во внутренних страницах без кричащих заголовков, а Хамид Карзай интересуется главным образом стилистов как элегантная модель в новом сезоне), империя, наш великий хозяин и защитник, разрабатывает новые планы. Мы должны быть в курсе: «Афганистан – это только первое сражение в войне, которая еще не скоро кончится» (Henry Kissinger. *La Stampa*. 2002. 13 янв.). Поясним, что это мнение человека,

который находится неподалеку от командного мостика, поэтому к нему стоит прислушаться. Сказано довольно жестко, но в то же время откровенно, без прикрас. Эти слова раскрывают истинный смысл речи Буша. Затем Киссинджер добавляет, не прячась за пустые фразы, что, по сути, Афганистан представлял собой «самый слабый и самый отдаленный центр терроризма» и что новый этап в войне не заставит себя долго ждать. Это будут широкомасштабные боевые действия с настоящими бомбардировками, настоящими ракетами, а не лазанье по горам оборванного войска в поисках убежищ Аль-Кайды. Новая военная операция «должна начаться, пока в памяти еще свежи впечатления от предыдущей атаки и пока американские вооруженные силы находятся в состоянии боевого развертывания».

Не сразу придешь в себя от удивления. Как же так? Выходит, что Афганистан был «самым слабым» из центров терроризма? Тогда почему начали именно с него? И если он был самым слабым, то в чем же заключается великая победа, воспетая всеми средствами массовой информации Запада?

Но истинный смысл рассуждений Генри Киссинджера и Вашингтонской администрации состоит в другом и не имеет отношения к терроризму. В понятие ось зла вкладывается другое значение. Она должна быть сокрушена по другим причинам, весьма далеким от так называемого международного терроризма. Дело не в том, «замешан или нет Багдад в террористическом нападении на Соединенные Штаты. Вызов, брошенный Ираком, имеет исключительно геополитический характер. Ирак остается непримиримым врагом Соединенных Штатов и некоторых соседних государств». Бессмысленно искать доказательства причастности Саддама Хусейна к терактам 11 сентября. Если таковые найдутся – что ж, тем лучше. Хотя средства массовой информации уже давно настроены на то, чтобы распространять, усиливать, превращать в «очевидные и неопровержимые улики» ту информацию, которую отфильтровывают для них анонимные источники в Пентагоне, ЦРУ и Госдепартаменте. Но, в любом случае, сокрушить Ирак, который препятствует американскому доминированию в регионе – это первоочередная цель для империи. «Если его военный потенциал останется в неприкосновенности, – поясняет далее Киссинджер, – то в один прекрасный день он может быть использован в террористических целях или для создания новых конфликтных ситуаций в регионе и во всем мире».

Эти рассуждения вполне применимы и к Ирану. Там тоже исповедуют ислам, и в перспективе подход к нему тоже может быть ужесточен. Если не в качестве врага мирового сообщества, то, по крайней мере, страны, препятствующей доступу к энергетическим ресурсам. К КНДР подход другой, в нем меньше геополитики. Скорее всего, он исходит исключительно из стремления установить свое окончательное и повсеместное господство в мире. Но совершенно очевидно, что ось зла является на самом деле грандиозным отвлекающим маневром. Да, конечно, она должна быть разрушена в интересах безопасности империи на своей собственной территории теперь, когда события 11 сентября продемонстрировали всему миру, что с началом супервойны гарантированной неуязвимости не существует в принципе. Однако истинной задачей на повестке дня стоит установление нового мирового порядка, всецело определяемого империей. А, значит, на самом деле эта война имеет более широкие и далеко идущие цели. Под далеко идущими целями имеются в виду Китай, Европа и Россия. И в связи с этим создаются условия, в которых все три потенциальных противника ослабнут, попадут в зависимость, будут отброшены назад в своем развитии и лишатся возможности сделать рывок в будущем.

О Китае уже говорилось. На сегодняшний день КНР – единственная страна в мире, кроме Соединенных Штатов, которая в состоянии принимать решения всемирной значимости, не спрашивая на то согласия США. В этом смысле она представляет исключительную опасность со стратегической точки зрения. Вот почему ее следует держать на строгой дистанции касательно военного потенциала. Тем более что этот азиатский колосс граничит с Россией. Ведь если в случае непредвиденных обстоятельств отношения Москвы с Вашингтоном осложнятся, то Китай располагает достаточными капиталами, чтобы представлять альтернативный вариант для России. Уже замечено, что нынешняя администрация США предпочитает более жесткий подход в отношении Пекина, чем во время президентства Клинтона, чей курс основывался на предполагаемом партнерстве. Выходит, что больше не принимается во внимание совет

Бжезинского, который предлагал Вашингтону использовать Пекин против России, чтобы раздавить, как клещами (с другой стороны должна бы выступить Европа), все, что осталось от советской империи, и прежде всего Россию. Но такая линия поведения потребовала бы от Вашингтонской администрации большей проницательности и терпения, что явно не по силам нынешнему руководству США. Кроме того, не следует забывать, что времени для реализации такого стратегического плана остается все меньше и меньше ввиду угрозы экономического спада, нависшей над всем западным миром и подрывающей веру в свое собственное превосходство. Китай же, напротив, вопреки всем предсказаниям, что он погрязнет в неодолимых внутренних противоречиях, наращивает темпы экономического роста и не спешит демонстрировать свою слабость. Следовательно, Китай все дальше продвигается к тому, чтобы стать стратегическим противником империи. Еще один довод в пользу того, чтобы создать на его пути максимальные трудности и препятствия. Что же до принятия Пекина в ВТО, то это не более чем запоздалый эффект предшествующей политики США, с которой пытаются быстрее разделаться.

Европа – еще один потенциально опасный партнер. Для того чтобы держать его в определенных рамках и в подчинении интересам США, многое уже сделано. Подчиненное положение Европы было непосредственно связано с политикой «холодной войны». Теперь этого нет. Если на протяжении почти всего послевоенного периода имело смысл говорить о Западе как о прочном и долговременном сообществе, то в последнее десятилетие сам термин потерял большую часть своего значения. Лебединой песней того Запада стала война в Югославии, прошедшая под знаменами НАТО. Это был «переходный» период. События 11 сентября ускорили формирование империи. Росла и убежденность в самих США, что они в состоянии справиться со всеми угрозами без посторонней помощи. Тем не менее в правящих кругах США были отмечены некоторые колебания, которые могли сойти за столкновение различных позиций. Пришлось считаться и с историческим наследием, традициями и обычаями, которые не позволяли всем европейским странам легко смириться с отводимой им ролью полностью подчиненных сателлитов.

Все же, по разным причинам стратегического характера, Европа остается опасной. Во-первых, в экономическом плане. Несмотря на неолиберальное наступление в последнее десятилетие под командованием Федеральной резервной системы и финансовых кругов США при поддержке американской администрации, координируемое «вашингтонским консенсусом», главным инструментом которого выступал Международный валютный фонд, Европе удалось во многом остаться верной самой себе, то есть она не перестроилась, как того требовали американские рецепты. По яркому замечанию Вильяма Плаффа, еще существует «экономическая Европа, торговая Европа, Европа новой валюты «евро», Европа с собственным общим рынком, промышленным и технологическим сотрудничеством; Европа, предоставляющая поддержку и социальные гарантии; Европа, сохраняющая свою собственную культуру и систему государственного здравоохранения; Европа, выступающая с антикрупных и антидемпинговых позиций, и, в каком-то смысле, Европа, выступающая против глобализации и американизации. И все эти европы не так уж плохо справляются с проблемами» (International Herald Tribune. 2002. 5-6 дек.).

По другую сторону океана все это хорошо видят и не очень приветствуют. Со временем это может привести к нехорошим мыслям, ведь аппетиты как у одних, так и у других так же велики, как и злопамятность. Осложняют дело и различия культур и традиций. Не только американцу Е. Люттваку пришло в голову, что «позволить турбокапитализму развиваться беспрепятственно означало бы допустить расслоение общества на малочисленную элиту победителей, огромную массу проигравших различного уровня достатка или бедности и на людей, чей протест выливается в преступления» (Люттвак Е. Указ. соч. С.274). Это рассуждение можно завершить его же словами: «Опыт Америки возвышается на горизонте как пример для подражания и в то же самое время как грозное предупреждение» (там же. С. 113). Это грозное предупреждение хорошо различимо и по эту сторону Атлантики. Вот почему главная проблема, которую империя должна рассмотреть и довести до разрешения, состоит в том, чтобы сохранять Европу в состоянии разоружения и любыми путями лишить амбиций обрести военную мощь. Для достижения такой цели необходимо строго следить за тем, чтобы

сохранялось ее подчиненное положение в плане политических амбиций. Лучше войны способа не придумать. Для этого и понадобится супервойна. Любое сражение супервойны будет использовано для того, чтобы поставить на свое место, подчинить, унижить Европу. В данном смысле весьма красноречив пример Афганистана. И спешка или агрессивность ковбоя Рамсфельда здесь ни при чем. Скорее всего, так будет всегда.

О России мы уже упомянули. Партия с ней станет самой трудной, поскольку еще неясно, какая будет избрана стратегия. Пока дело замерло на полпути как с одной стороны, так и с другой. Если Китаю не захочется играть роль по раздроблению своего северного соседа, которую отводит ему Бжезинский, тогда придется искать другие способы ослабить, подчинить или нейтрализовать Россию. Поддерживая сепаратистские, разрушительные силы как внутри страны, так и за ее пределами, принуждая ее вновь включиться в изнуряющую и безнадежную гонку вооружений, для которой у России нет ни ресурсов, ни желания. Или же прибегнуть к такому испытанному приему, как подкуп. Последнее средство уже использовалось, и не без успеха, в десятилетний период правления Бориса Ельцина, хотя вряд ли оно даст такой же эффект при Владимире Путине.

Но время сейчас работает на империю. Россия постепенно теряет свой Дальний Восток и значительную часть Сибири. Их без боя колонизирует Китай. Китайцы в силу своей неограниченной демографической мощи просто заполняют собой районы, из которых начался исход российского населения. Через десять лет, если не проявятся новые тенденции (которых пока не видно и на горизонте), между Китаем и Россией может вспыхнуть конфликт, которого не хотят ни в одной, ни в другой стране. Но этот конфликт будет продиктован самой человеческой природой. В любом случае, самое главное для империи не дать сложиться системе приоритетных отношений между Россией и Европой. Ведь у Европы есть то, чего так недостает России: капиталы. А России располагает тем, чего нет у Европы: стратегические ядерные ракеты. И потом, Россия – часть Европы. Нельзя также ни при каких условиях допустить и союз между Россией и Китаем. В этот союз Россия вносит стратегические ракеты и технологии, которыми Китай пока не обладает, а Китай – капитал, в котором так нуждается Россия. И Россия и Китай – суть Азия.

И здесь супервойна представляется универсальным средством, не позволяющим потенциальным противникам объединиться, подняться выше, бросить вызов империи. Ни сейчас, ни в обозримом будущем. Раньше, в период триумфального шествия американской глобализации, это было необязательно. Сегодня, когда процесс глобализации пошел на спад, это крайне важно. Но нужно изменить правила игры или навязать новые. ООН, прежде чем исчезнуть из поля зрения, должна заняться одобрением решений, принимаемых империей. Европе следует приветствовать эти решения и оказывать различные услуги. Впрочем, в Европе находится и самый преданный союзник Соединенных Штатов: Великобритания во главе с Тони Блэром, который сделал, впрочем без успеха, все возможное и невозможное, чтобы в мире сложилось впечатление, что его мнение учитывается империей при принятии решений. Сегодня у Джорджа Буша появился еще один новоиспеченный союзник: Италия, возглавляемая Сильвио Берлускони. Этот последний мгновенно понял, что в той Европе, о которой мы все раньше говорили, ему будет тесно. В той Европе ему ни за что не удалось бы претворить в жизнь вынашиваемые им планы по превращению Италии в президентскую республику с системой правосудия, сосредоточенной в руках исполнительной власти. Президент избирался бы на основе всеобщего голосования массой восторженных избирателей, мозги которых предварительно промыты телевидением 24 часа в сутки. Гораздо выгодней иметь в лице США партнера и друга. Американский президент – тот же император, и в его власти назначать проконсулов. Император далеко, и поэтому с ним легче иметь дело, чем с ни на что не способными республиками по соседству, которые всюду суют свой нос и взирают на тебя с недоверием, выдвигают невыносимые претензии и вступают в дела, которые их не касаются. С такими двумя «европейскими» странами, как Италия и Великобритания, которые гребут против общего течения, Европа – хромая утка – ни за что не полетит. От России требуется проявить добрую волю в Совете Безопасности ООН и полностью отказаться от своей мировой роли, включая претензии на участие в доходной торговле оружием и продажу высоких технологий своим традиционным партнерам. Перед Китаем никаких задач не ставится, так как ясно, что он

их не примет. Даже несмотря на то что на 60 процентов это капиталистическая страна, Китай все равно не вписывается в планы империи. Япония в международной политике скончалась, не успев подать свой голос.

По всему видно, что эта супервойна в действительности не является ни столкновением цивилизаций, ни войной между Востоком и Западом, ни неустанной борьбой христианства с исламом. Это никак не проявление вечной схватки Добра со Злом. В ней нет ничего из того, что было провозглашено на потребу толпе для ее оправдания. Император в своей речи из «Цитадели» Чарльстона в первых числах декабря первого года супервойны провозгласил, что мир «разделен моральной и идеологической демаркационной линией. По одну сторону находимся мы, в первую очередь Америка, маяк мировой цивилизации. По другую сторону – банды убийц, которые получают поддержку от режимов, стоящих вне закона» (New York Times. 2001. 12 дек.). Старая логика «кто не с нами, тот против нас», которая не оставляет никому возможности выбора. Кто же хочет поддерживать убийц, выступать против цивилизации? Но в реальности дело обстоит иначе. Даже такой ястреб, как Джим Хоугланд, заметил это, не выбирая, как обычно, выражения в описании той «линии, которая разделяет привычки с расточительством; обжор, отравляющих атмосферу на американских автострадах, и 14 молодых арабов из Саудовской Аравии, которые принесли себя в жертву, чтобы убить около 4000 американцев». Это «линия одновременно и слабая и отчетливая», потому что «у террористов, вероятно, была другая, более глубокая мотивация, чтобы принести тяжелейшие страдания стране, которая распахнула перед ними двери. В реальной жизни никогда не бывает таких причин и следствий, так прямолинейно зависящих друг от друга. Но совершенно очевидно, что необходимость импортировать энергоресурсы вынудила Соединенные Штаты пойти на глубокий компромисс с отсталыми режимами». (The Washington Post. 2001. 26 нояб.).

В этом полностью совпадают точка зрения консерваторов-республиканцев, которых в Италии считают крайне правыми, и мнения свободомыслящих людей, которые в Европе считаются левыми: когда разум пробуждается от летаргического сна, «нет никакого вразумительного оправдания преступлениям, подобным тому, что было совершено 11 сентября. Но считать Соединенные Штаты невинной жертвой значило бы пойти по самому легкому пути, совершенно оставляя без внимания то, что в прошлом совершили они сами или их ближайшие союзники» (Чомски Я. 11 сентября. В чьих интересах? Milano: Tropea Editore. 2001. С. 33). Напротив, мы стоим перед лицом действительно небывалого столкновения – может быть, самого решительного за всю историю человечества – между зарождающейся новой элитой глобального суперобщества и остальным миром. Эту борьбу – в очень отдаленном смысле – можно определить как социальную. Но не в классическом значении «классовой борьбы» между богатыми капиталистами и бедными пролетариями. Данная схема слишком устарела, чтобы рассматривать через ее призму то, что происходит. Не является это и социальной схваткой просто богатых с бедными.

Это что-то другое и более важное, поскольку классовой борьбой не предусматривалось уничтожение одной из противоборствующих сторон. Есть что-то общее с атомной войной, которую – как было принято говорить в период сосуществования государств с различным общественным строем – нельзя было допустить, так как она исключала возможность победы одной из противоборствующих сторон и грозила всеобщим уничтожением. А общее, пожалуй, заключается именно в борьбе за выживание. Противоречий, движущих эту борьбу, всего два: первое касается пропасти между богатыми и бедными. Первые становятся еще богаче, и их становится все меньше и меньше. Бедных, наоборот, все больше и больше. Растет число озлобленных и недовольных существующим положением вещей. Таким образом, подводится черта под надуманной полемикой на тему, помогает ли процесс глобализации перераспределять доходы в пользу бедных. Даже если это так, нелишне было бы вспомнить, что бедность и богатство никогда не были абсолютными величинами. Можно быть относительно бедным, в плане доходов, но воспринимать эту относительную бедность как несправедливую и абсолютную, если она не соответствует твоим культурным запросам, уровню профессиональной квалификации, ущемляет твои права.

К первому противоречию, которое мы можем определить как «общественное» и которое являлось традиционным фактором для XX века, сегодня добавилось второе – которое относится

к сфере отношений Человека и Природы. Напряжение в этих отношениях достигло критической точки. Это состояние можем определить как «непосильный прогресс». Допустимый предел для индустриального капиталистического развития в его лихорадочном варианте – глобализации по-американски – находится на расстоянии вытянутой руки. В этом плане одержанная над конкурентами победа может ничего не значить. Если только не задаться идеей очистить планету от значительной части человеческого муравейника. Супервойна – о чем более или менее имеют представление на командном мостике – это война на истребление миллионов, если не миллиардов людей. Фантастика? Тогда что подразумевается в заявлениях вроде: «народы мира находятся перед необходимостью «трудного выбора»: присоединиться к нам в нашем крестовом походе или же столкнуться с реальной перспективой смерти и уничтожения». (R.W.Apple. New York Times. 2001. 14 сент. Цит. по: Чомски Н. Указ. соч. С. 61). Перефразируя Богумила Храбала, можно сказать, что мне не хотелось бы «откладывать то, о чем рано или поздно нам придется спросить самих себя, если у нас еще останется на это время» (Храбал Б. На службе у короля Англии. Edizioni Roma, 1997. С. 233).

Последнее замечание носит конъюнктурный политический и даже личностный характер. В работе над данной книгой я не ставил перед собой цели зародить надежду. Это, скорее, входит в планы бесчестных политиков и безответственных болтунов. Я уверен, что в данный, без сомнения, исторический момент, который ознаменовался переходом от одного общественного строя к другому (которое я назвал глобальным Суперобществом, немного изменив термин, предложенный Александром Зиновьевым), самое главное – понять, что происходит. Думаю, что так было всегда в поворотные моменты Истории. Сегодня это сделать труднее, потому что уровень сложности нынешнего переходного периода гораздо выше, а методы общественного контроля стали гораздо изощреннее и эффективнее, чем в прежние времена.

Не существует теории, которая разъяснила бы, что происходит. Чтобы избежать надвигающегося бедствия, – а если на командном мостике будут прокладывать прежний курс, то беда не заставит себя ждать, – необходимо разработать такую теорию. Лично я убежден, что избежать катастрофы в наших силах, что «возможен другой мир». Я попытался определить, какой должна быть в общих чертах линия построения новых отношений в мире или хотя бы что надо сделать, чтобы избежать худшего варианта в развитии ситуации и вовремя сделать решительный поворот. Рассуждая так, я несколько раз возвращался к размышлениям, которые нашли свое отражение в книге, которую я закончил незадолго до событий 11 сентября. В ней я писал о мире, который «добрался до своей конечной остановки», и о надежде на «мудрость и самоограничение» администрации Соединенных Штатов (Кьеза Дж. Большая восьмерка в Генуе. Турин: Einaudi, 2001).

Я не хотел показаться чересчур пессимистом. Но вскоре настал день 11 сентября. Задачи остаются те же, но всем ясно, какие колоссальные усилия потребуются, чтобы переломить ход событий в позитивном направлении. Какие огромные интеллектуальные и моральные силы, а также мудрость придется пустить в ход, чтобы это произошло. Но 11 сентября и все, что последовало за этим днем, убедительно демонстрируют, что вместо мирного поиска разрешения назревших проблем правящие элиты встали на путь войны. Я пытался доказать здесь, что их победа вовсе не гарантирована. Но в их распоряжении находятся все необходимые силы и средства для ведения войны и разгрома не только «чужих», но и той части Запада, того «другого Запада», в который мы верили и продолжаем верить во всей совокупности цивилизации, прав, культуры и свобод. Если это то, на что мы все, нормальные женщины и мужчины, надеемся, все будет зависеть от нашей способности воспрепятствовать начатой войне. Эта надежда дается нелегко. Ведь ни в какой великой Книге Судного Дня не записано, что те, кто стоит на стороне разума, должны непременно одержать верх. И нигде также не записано, что построенная Человеком цивилизация должна обязательно выжить.

Послесловие

(написано при участии Марчелло Виллари)

Мы начали работу над этим послесловием накануне второго саммита по глобальным

проблемам человечества в Йоханнесбурге. Со времени проведения первого саммита в Рио-де-Жанейро прошло 10 лет. Это время «цивилизованный» мир прожил, пребывая в плену безрассудной эйфории, которая абсолютно не соответствовала той тревожной ситуации в мире, о которой уже тогда, в 1992 г., шла речь на самом крупном форуме ученых, политиков, представителей мирового бизнеса.

Эйфорию вызывал «беспредельный» экономический рост, который, казалось, должен был привести к стиранию противоречий в мире и установлению «всеобщего» благосостояния, хотя кое-кому неизбежно перепадали бы самые большие куски от «общего» пирога. Как утверждалось повсеместно, человеческий эгоизм – это движущая сила развития, и поэтому его не следует ограничивать. Это была эпоха TINA – There Is No Alternative (Альтернативы не существует).

В 1992 г. в Рио-де-Жанейро были взяты торжественные обязательства привести в соответствие отношения между Человеком и Природой, поскольку в этой сфере, как красноречиво свидетельствовали результаты многочисленных исследований, ситуация стала просто угрожающей. Но обеспокоенные голоса из Рио были единственным диссонансом в хоре всеобщего воодушевления.

К следующей всемирной встрече, в Йоханнесбурге, ситуация стала более чем «угрожающей». Теперь в единый хор сливаются голоса о том, что «мы находимся перед лицом надвигающейся катастрофы», что необходимо искать «новые пути в развитии человечества». ВВП богатых стран вырос на многие миллиарды долларов, но в то же самое время более шестой части людей, населяющих Землю, живет из расчета менее одного доллара в день.

Тогда, в Рио-де-Жанейро, говорили, что богатство, даже чрезмерное, ограниченного числа людей неизбежно будет способствовать росту благосостояния и миллиардов бедняков. Тот, кто так говорил, или откровенно лгал, или не отдавал себе отчет в том, что он говорит. На сегодняшний день, по крайней мере, в 80 странах, доходы на душу населения по сравнению с 1992 г. заметно снизились. Богатые, увеличивая свои состояния, не стали ни щедрее, ни мудрее. Помощь богатых стран беднейшим фактически уменьшилась – она сократилась с 0,35 процента их ВВП (к началу 90-х гг.) до 0,22 процента к 2000 г.

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан накануне саммита в Йоханнесбурге говорил о двух главных проблемах. Первая заключается в отсутствии единого международного политического курса на борьбу с бедностью на планете. Вторая состоит в том, что рост производства и потребления грубо нарушают естественное равновесие в окружающей среде.

Все это в целом мало отличается от того, о чем говорили 10 лет назад в Рио, только ситуация ухудшилась в гораздо большей степени, чем могли тогда предвидеть. Ни одна из наметившихся в начале 90-х гг. тенденций не внушает оптимизма, и дело не только в упущенном времени. Положение осложняется. Сегодня переживает кризис экономика самых богатых стран, поражена мировая экономика, поскольку глобализация – это свершившийся факт. Оптимистические настроения испарились. Перспективы экономического подъема в тумане, и никто не может сказать с уверенностью, произойдет ли этот подъем вообще. Армия проповедников капитализма без правил и тормозов продолжает уповать на невидимую руку свободного рынка.

Казалось бы, настало время прийти в себя. Но складывается впечатление, что благополучная часть человечества (отнесем к нему и страны, которые живут за счет богатых) с большим трудом расстается со сладкими грезами. И это одна из причин, почему подавляющее большинство населения земного шара не может понять суть проблемы. У этого большинства нет доступа к необходимым источникам информации, чтобы сделать соответствующие выводы. Человечество продолжает идти по пути самоуничтожения, под угрозой оказывается наше общее будущее.

Одиннадцатое сентября 2001 г. – дата, о которой под влиянием эмоций говорили, что она изменит нашу жизнь, – осталось, как геркулесовы столбы, у нас за спиной. А мы продолжаем жить так, словно ничего не произошло. Между тем мы уже в открытом океане, без компаса, парусов, с несколькими веслами. Зато желающих сесть за весла хоть отбавляй, и каждый старается грести в собственном направлении. В правящих кругах крупных держав есть политики, которые продолжают мыслить прежними категориями и считают, что пробуждение

от грез, наступившее 11 сентября, всего лишь досадный эпизод, после которого можно будет вернуться по прежней колее в благословенные времена. В результате международное сообщество бездействует перед лицом экологического бедствия и не замечает, что приближается к социальной катастрофе. Мир испытывает острейший дефицит ответственных и мудрых политических лидеров. Те лидеры, которые при помощи лжи пытаются вселить в нас оптимизм, сами плывут по течению.

Мы заикнулись на дискуссиях о будущем экономическом подъеме, оживлении, решительном повороте, конце туннеля и т. д., и никто не задается самым главным вопросом: допустим, «оживление» в экономике наступило, но что делать с разрушительным воздействием экономического прогресса на нашу жизнь и жизнь следующих поколений? Ведь если не попытаться изменить ситуацию, очевидно, что подъем экономики только приблизит нас к катастрофе тем скорее, чем стремительнее будет расти производство и потребление.

Обратимся к статистике и попытаемся понять, что происходит. В 1950 г. на душу населения земного шара – «среднестатистической единицы» – приходилось 17 000 кубических метров пресной воды в год. Да, у одних для купания была река Ганг, у других – личные бассейны, достойные олимпийских состязаний, но средняя величина была именно такая. В 1995 г. на человека приходится уже в среднем по 7000 кубических метров воды. Билл Гейтс, например, продолжает купаться в своих бассейнах, которые растут как грибы или как виллы Сильвио Берлускони на острове Сардиния, а миллиарду африканцев не хватает даже питьевой воды. Расчеты показывают, что к 2020 г. уже 5 млрд человек будут страдать от «острого дефицита воды».

Может быть, мы хотим поднять на смех все, о чем говорили на саммите в Йоханнесбурге так же, как мы в свое время высмеяли прогнозы Римского клуба, сделанные в середине 60-х гг.? Но кто может быть абсолютно уверен в гарантиях своей безопасности и безопасности своих детей, если эти прогнозы сбудутся? Такой сценарий развития событий неизбежно приведет к возникновению новых проблем. Например, половина рыбных запасов Мирового океана, по оценкам ученых, уничтожена. Они уже съедены. Причем главным образом нами, жителями благополучных стран. Опустошив свои рыбные угодья, мы переместились в чужие зоны рыболовства и, руководствуясь установленными нами законами свободного рынка, купили их за бесценок, продолжая разграбление Мирового океана. Из оставшихся 50 процентов рыбных запасов, по мнению ученых, почти 20 процентов представляют собой «обедневшие и оскудевшие ресурсы». В целом, все мировые экосистемы подвергнутся разрушительному воздействию. Уже сегодня площадь тропических лесов – легкие нашей планеты – ежегодно сокращается на территорию, равную четырем Швейцариям. Как остановить это безумие, охватившее весь наш общий дом? На первый взгляд, такая колоссальная задача кажется невыполнимой. Но сухие цифры, свидетельствующие о нашем коллективном безумии, в то же время указывают, что к этой задаче, напротив, можно найти подход. Например, если богатые страны стали бы с сего дня до 2010 г. в точности выполнять Киотские протоколы, предусматривающие сокращение выбросов в атмосферу, которые вызывают парниковый эффект, расчетные затраты составили бы примерно 56 млрд долларов. В то же самое время государственные дотации в тех же самых богатых странах на добычу каменного угля за данный период равнялись бы примерно 57 млрд долларов. Сразу бросается в глаза тот факт, что достаточно просто переориентировать затраты государства и частных предпринимателей. То есть мы стоим перед проблемой политического и социального характера, а не перед препятствием, непреодолимым с технической и технологической точки зрения.

Есть еще один, более красноречивый, пример того, насколько мы близоруки и глухи в нашем политическом выборе, когда речь идет об определении масштабов надвигающегося бедствия. Богатые страны сегодня в общей сложности выделяют около 54 млрд долларов на помощь беднейшим странам мира в то время, как субсидии своим производителям агропродукции ежегодно составляют более 330 млрд долларов. Выходит, что богатые защищают свои внутренние рынки любой ценой, демонстрируя все свое могущество на внешних рынках, подавляя тем самым любую реальную возможность установления в будущем социального, экономического и демографического равновесия. Предвыборные интересы западные демократы ставят гораздо выше всех остальных критериев. Нет политических

лидеров, способных сказать правду своим народам, которых они стараются держать в неведении относительно того, как обстоят дела на самом деле. Средства массовой информации за последние два десятилетия медленно, но неуклонно шли к тому, чтобы соответствовать этим требованиям. Информационная система не ориентируется на истинные приоритеты, а если и говорит о них, то выставляет все в ложном свете. По роду своих нынешних занятий журналисты, эксперты, экономисты, скорее, выполняют пиаровские функции для всесильной экономической олигархии. Вместе с тем, следуя своему профессиональному долгу, подвергать критическому анализу происходящее, они защищают интересы олигархов, поддерживая мешок грабителям. Политика, в свою очередь, превратилась в служанку единого мышления. Нет места политике, то есть свободы выбора, там, где за аксиому принимается отсутствие альтернативы.

Что же сделать, чтобы эти люди, от которых зависит наше (и их собственное) будущее, очнулись? То, что они ошиблись в своих расчетах, очевидно и не требует лишних доказательств. А вот то, что они упорствуют в своем заблуждении, – это нас не может не беспокоить. Период дикой глобализации прошел, но ее идеология еще по-прежнему в силе. Можно быть уверенными, что если не будет преодолена логика, которой следовал Рональд Рейган, а теперь следует Джордж Буш, то следует готовиться к худшему. Согласно этой логике, уровень жизни американского народа превыше всего.

Это, впрочем, распространяется на все богатые страны, которые не случайно сбились в кучу под американским зонтиком. Беда может прийти одновременно с разных сторон. Прежде всего, речь идет о серии войн, их расползании по всему миру.

Невидимая рука рынка не спасла даже Уолл-стрит, где, казалось, она должна бы чувствовать себя как дома. Абсолютно ясно, что когда во времена «совершенного» и «обновленного» капитализма превозносились до небес свободный рынок, неограниченное перемещение капиталов, полный уход государства из сферы управления экономикой, тотальная приватизация, то нарушались сами законы рынка, наносился удар по его основанию.

Здесь еще один важный узел, который требуется развязать. Что это был за капитализм, который перевернул всю нашу жизнь и изменил лицо мира? К каким структурным изменениям он привел? Может ли он возродиться после жестокого потрясения, в котором сейчас находится? Достаточно ли будет только ввести новые правила и ужесточить контроль? Или все дело в необходимости максимальной жестокости и показательных наказаниях? И если от этого капитализма, как нам кажется, надо быстрее освободиться, то какой тип капитализма должен прийти ему на смену? Каким представляется дальнейший путь развития? На какие силы общества можно опираться на пути реформ? Какие государственные и межгосударственные структуры надо привлечь к рассмотрению сложнейших проблем, связанных с переустройством планеты?

Ставить такие вопросы – значит вплотную подойти к рассмотрению темы демократии. Все, о чем мы говорили ранее, было бы невозможно осуществить при отсутствии соответствующих технических и демократических систем контроля. Мы без особого труда можем убедиться, что формы, которые принимает дикий капитализм, вступают в прямое противоречие с правилами представительской демократии, которые в либеральном обществе считаются основополагающими среди других ценностей. Более того, так называемый неолиберальный капитализм откровенно пренебрегает демократией, считая ее помехой, препятствием, пережитком прошлого. На примере кризиса американской финансовой системы можно проследить, как эта тенденция применима к акционерным обществам, в которых вкладчикам-акционерам дается столько прав, сколько гарантируется собакам в обществе охраны животных. Можно представить, с каким пренебрежением относится к демократическим институтам национальных государств новый класс – менеджеры высшего звена крупных компаний. Можно представить, насколько пустяковыми и неважными кажутся решения демократически сформированных правительств руководителям таких международных организаций, как МВФ или Всемирный банк. Все самые важные решения, имеющие исключительное значение для судеб миллионов и миллиардов, принимаются в узких кругах политиков и бизнесменов при отсутствии гласности и демократических процедур. Сплетение политики и бизнеса, которое превращается в значительной степени в безусловное подчинение

политики интересам финансовых кругов, с неизбежной при этом коррупцией, пронизывающей политическую жизнь, смешением грязных и чистых денег, способствующее проникновению преступности в политику и мировую правящую элиту – все это определяет условия, которые позволяют узкому кругу всемогущей олигархии устанавливать погоду на рынке, принимать в свою пользу решения, идущие вразрез с интересами общества, игнорируя тех, кто не имеет доступа к властным структурам.

Общепринятой практикой, иногда под прикрытием благородных «гуманитарных» и «демократических» намерений, стало проведение выборов, которые финансировались из-за рубежа в интересах местных олигархов, пользовавшихся поддержкой доминирующей системы власти на международной арене. Результаты таких выборов были всегда предсказуемы. Именно так, например, велось целенаправленное разрушение Советского Союза. Таким же образом, только уже с прямым военным вмешательством был предопределен исход выборов в Югославии. Международные организации хранили молчание, наблюдая за самыми скандальными подлогами в избирательных кампаниях в разных странах, когда считалось, что это в интересах Запада, и поднимали крик, когда результаты выборов не совпадали с тем, что называлось интересами демократии. Самым последним из таких скандальных примеров был избирательный фарс, разыгранный в Пакистане при полном молчании западных демократий, когда нужно было поддержать «своего» президента-диктатора Первеза Мушаррафа.

Приводить подобные примеры можно было бы до бесконечности. Утверждение, что так было всегда, не совсем уместно. В прошлом такие операции, по сути колониального характера, проводились скрытно, поскольку про себя признавали, что они незаконны. Когда такие факты становились достоянием общественности, они вызывали волну критики, проходили массовые акции в поддержку жертв несправедливости. Сегодня, напротив, открыто утверждается право международного сообщества на вмешательство во внутренние дела суверенных стран и тем самым безнаказанно нарушаются права целых народов делать свой выбор. То, что считалось беззаконием в прошлом, сегодня возводится в закон, устанавливается извращенный порядок, при котором всевластие сильных подавляет права слабых. Суверенные государства (небольшие и средние) лишаются своих прав во имя международной «справедливости», которую определяют более сильные суверенные государства. В результате и ООН неуклонно теряет свой авторитет как организация, призванная обеспечивать равноправное представительство всех стран мира. Существует ли связь между этим антидемократическим курсом международной политики и структурным вырождением, поразившим капитализм без правил и законов? На наш взгляд, такая негативная и все более усиливающаяся взаимосвязь существует. Наступление на демократические свободы, в том числе права человека, гражданские и социальные права, не привнесено извне, а происходит внутри самого западного общества.

В этом смысле события 11 сентября 2001г., по нашему мнению, послужили исключительно подходящим поводом, чтобы при помощи мнимой угрозы (исламского терроризма) оправдать внутреннюю трансформацию – переход к авторитаризму, – которая нависла над западным обществом.

Существует, наконец, и целый ряд важнейших проблем, которые перекликаются с тем, что мы уже отметили выше, и которые совершенно невозможно игнорировать, если мы хотим понять, что произошло и чего нам ожидать в будущем. Глобализация «по-американски» не стала бы возможной, если бы одновременно не были созданы технические, экономические и политические условия для «глобальной медиатизации» планеты, то есть распространения сети средств массовой информации и коммуникации по всему миру. Все новые «ценности», которыми оправдывается грандиозная афера последних двух десятилетий, были навязаны одновременно несметной массе людей через систему средств массовой информации, перед которой была поставлена задача превратиться в огромную «фабрику грез».

Никогда ранее, ни в одной исторической эпохе не было так, чтобы монархи – и сейчас вполне уместное определение для современных мировых лидеров – имели в своем распоряжении такую мощную силу, как информационно-коммуникационная система. В мире, унифицированном по многим технологическим параметрам, связанном едиными финансовыми потоками, в котором любое решение мгновенно сказывается на всем, где любая информация может быть доведена до сведения всех так быстро, что исключается возможность ее

своевременной проверки, тот, кто располагает истинной информацией (или информацией ложной, которую любой ценой надо выдать за истинную), может практически бесконтрольно влиять на жизнь общества. В этом мире проникающие повсюду средства коммуникации, по которым передается информация, оседающая благодаря ее частому повторению в глубине сознания, могут непосредственно влиять на содержание жизни миллиардов людей, которые оказываются абсолютно незащищенными перед информационным валом. А поскольку от него нет средств защиты, люди оказываются порой не в состоянии понять суть сегодняшних проблем. Они подчиняются навязанным им условиям и становятся жертвами изоциренных манипуляций. Очевидно, что без демократии в информационно-коммуникационной сфере не может быть и демократического общества. Это одна из главных проблем будущего. Все это вопросы – а за последнее время их накопилось немало, – во всей своей совокупности они свидетельствуют, что человечество стоит на распутье.

Соображения, которыми мы с вами поделились, исходят из нашего глубокого убеждения в том, что обеспокоенность сегодняшними проблемами, понимание сложности переживаемого миром кризиса еще не достигли должного уровня. Именно поэтому пока не удастся приступить к поиску реальных решений нынешнего кризиса. Есть еще один фактор, с которым не приходилось сталкиваться в предыдущие кризисы капитализма: фактор времени. Его в нашем распоряжении очень мало. На дефицит эффективного и мудрого руководства накладывается дефицит времени. Мы убеждены, что если сегодня ошибемся в выборе пути, то не только окажемся в состоянии войны с остальным миром. У нас не останется времени, чтобы спастись самим, даже в случае нашей победы.

Афганская хронология

1973 Принц Мохаммед Дауд свергает короля Захир Шаха в результате дворцового переворота. Провозглашение республики.

1978 Организовано покушение на Дауда. Дауд убит. Начинается Апрельская революция под руководством просоветской Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). К власти приходит Тараки. Бабрак Кармаль становится первым вице-премьером правительства. Начало вооруженного исламского сопротивления.

1979 Народное восстание в Герате. Тараки убит. Власть переходит в руки Амина.

28 декабря. Штурм дворца Амина группой «Альфа» КГБ СССР. Амин убит.

Советские войска входят в Афганистан. При содействии СССР к власти приходит Бабрак Кармаль.

1980 ООН выступает с требованием немедленного вывода иностранных войск с территории Афганистана.

1982 В Женеве начинаются переговоры по урегулированию ситуации в Афганистане.

1984 Президент США Рональд Рейган заявляет, что афганским моджахедам будут поставляться зенитные ракеты «стингер».

1985 М. Горбачев становится Генеральным секретарем ЦК КПСС и сразу же заявляет о готовности к политическому разрешению афганской проблемы.

1986 Кармаль вынужден уйти в отставку. Новым руководителем НДПА становится Наджибулла. Советский Союз демонстративно выводит из Афганистана 6 полков. Тем временем в Москве идут споры о том, выводить ли войска полностью. Наджибулла провозглашает политику национального примирения.

1987 Новая конституция. Афганистан больше не называется демократической республикой. Провозглашена Республика Афганистан.

1988 В Женеве подписываются соглашения о полном окончательном выводе советских войск. В Кабуле Наджибулла формирует коалиционное правительство с участием некоммунистов.

1989 15 февраля. Окончательный вывод советских войск.

1992 Апрель. Кабул взят моджахедами. Создается коалиционное правительство во главе с Бурханудином Раббани. В него входят представители 7 партий афганского сопротивления.

1993 Ожесточенные боевые действия между Раббани и Хекматияром, в результате которых погибает по меньшей мере 10 тысяч человек.

1994 8 января. Узбекский генерал Дустум переходит на сторону Хекматияра. Начинается их совместное наступление на Кабул с целью свергнуть правительство Раббани и Масуда.

30 марта. ООН пытается выступить посредником в переговорах между враждующими группировками моджахедов. Специальный представитель ООН Мехмуд Местири встречается в Джелалабаде с членами шуры (совета старейшин). Демонстранты в Кабуле громят посольство Пакистана.

12 августа. Заместитель госсекретаря США Рафель Робин уточняет американскую позицию по Афганистану: «широкое коалиционное правительство» и возвращение короля Захир Шаха.

28 октября. Беназир Бхутто встречается в Ашхабаде с Исмаилом Ханом и Абдурашидом Дустумом.

4 ноября. Караван из 30 пакистанских грузовиков на пути в Среднюю Азию подвергся нападению местных бандитов. 20 убитых. Бандиты рассеяны отрядом талибов. Это их первая акция как вооруженной силы, которая встает на защиту свободного транзита грузов.

5 ноября. Талибы берут штурмом Кандагар. 50 убитых в ходе четырехдневных боев.

25 ноября. Талибы берут под свой контроль две южные афганские провинции – Лашкаргах и Гильменд.

1995 1 января. Колонна из 3000 талибов отправляется из Пешавара в сторону афганской границы,

2 февраля. Талибы ведут бои в провинции Вардак, в 25 милях от Кабула.

189

11 февраля. Талибы захватывают провинцию Логар. Таким образом, под их контролем уже

9 провинций Афганистана из 30. Раббани посылает делегацию на переговоры с движением Талибан.

14 февраля. Талибы захватывают Чарасияб. Хекматияр отступает без боя.

6 марта. Формирования Раббани и Масуда атакуют хазарейские отряды Шири Вахдата, расположенные на юго-западной окраине Кабула.

7 марта. Талибы развивают наступление в провинциях Нимроз и Фарах в направлении Герата. Другое направление удара талибов – на Кабул. Вооруженные отряды хазарейских племен отступают.

13 марта. Вождь хазарейцев Абдул Али Мазари, захваченный в плен талибами, погибает в результате авиакатастрофы вертолета, которым его отправили в Кандагар.

31 мая. Руководитель саудовской разведки принц Турки, родственник Осамы бен Ладена, посещает Кабул и Кандагар.

10 июня. Крупнейшие гуманитарные организации, занимающиеся проблемами афганских беженцев в Пакистане, решают свернуть свою деятельность к октябрю,

2 июля. Личный представитель и племянник Захир Шаха Сардар Абдул Ваяй встречается в Исламабаде с президентом Пакистана Легхари.

3 августа. Российский самолет Ил-76 захвачен талибами и совершает вынужденную посадку в Кандагаре. Талибы обвиняют летчиков, что те доставляли оружие и боеприпасы в Кабул.

5 сентября. Провинция Герат переходит под контроль талибов. Исмаил Хан, не оказывая сопротивления, спасается бегством в Иране. МИД Раббани обращается в ООН с обвинениями в адрес Пакистана по поводу «прямой агрессии против законного правительства Афганистана».

6 сентября. Горит посольство Пакистана в Кабуле. Иран предостерегает талибов от перехода границы.

20 сентября. Талибы предъявляют Раббани ультиматум, в котором ему отводится 5 дней, чтобы покинуть Кабул.

10 октября. Талибы перебрасывают 400 танков с кандагарского направления на Кабул.

2 ноября. Заместитель госсекретаря США госпожа Рафель Робин прибывает в Афганистан для переговоров с различными группировками моджахедов и талибов. Затем она следует в

Исламабад.

7 ноября. Министр иностранных дел Пакистана Сардар Асееф Ахмед тайно прибывает на север Афганистана для серьезных переговоров с Дустумом. Оба сходятся во мнении, что отставка Раббани является необходимым условием для восстановления мира в Афганистане.

10-11 ноября. Премьер Пакистана Беназир Бхутто отбывает с экстренным визитом в Тегеран и Ташкент для разъяснения пакистанской позиции иранскому и узбекскому правительствам.

11 ноября. Ракетная атака Кабула. 36 убитых и 52 раненых.

26 ноября. Небывалый по мощи артиллерийский обстрел Кабула талибами. 39 убитых и 140 раненых. Несмотря на массированную артиллерийскую подготовку, наступление талибов на Кабул отбито.

1996 7 февраля. Дустум встречается в Исламабаде с пакистанскими лидерами, включая начальника генштаба генерала Джахангира Карамата.

3 марта. Раббани посещает Иран, Туркменистан и Узбекистан.

20 марта. Совет старейшин (шура) талибов выступает с призывом к священной войне против Раббани. Мулла Омар провозглашается лидером движения Талибан.

8 апреля. Американский сенатор Хэнк Браун прибывает в Кабул. Впервые за последние 16 лет Афганистан посещает представитель парламента США.

20 апреля. Госпожа Рафель Робин вторично с визитом в Кабуле. Она пытается примирить враждующие группировки моджахедов.

26 июня. Хекматияр решает войти в правительство Раббани и становится премьер-министром.

11 сентября. Джелалабад переходит под контроль талибов.

26 сентября. Талибы выдвигаются из Сароби в сторону Кабула и захватывают его ночным штурмом. Президент Раббани и премьер Хекматияр спасаются бегством. Бывший президент Наджибулла повешен на фонарном столбе. Мулла Омар назначается главой Временного совета в составе 6 членов. Иран, Индия, Россия и республики Средней Азии осуждают казнь Наджибуллы. Пакистан направляет в Кабул официальную делегацию.

28 сентября. Администрация США выражает «сожаление» по поводу казни Наджибуллы, но в то же время заявляет о готовности установить отношения с новым режимом.

4 октября. На срочно созванном саммите СНГ в Алма-Ате принимается заявление с предостережением талибов от вторжения в среднеазиатские республики. Министр иностранных дел Пакистана Сардар Асееф Ахмед подтверждает официальное признание правительства талибов.

6 октября. Масуд отражает наступление талибов на Пянджширскую долину.

9 октября. Встреча и братские объятия Дустума и Раббани в окрестностях Мазари-Шарифа. Дустум, Масуд и Карим Халили (партия Хезб-и-Вахад) подписывают договор о союзе и учреждают Верховный совет Афганистана.

24 октября. Заявление Омара: «Мы будем сражаться за Кабул до последней капли крови!»

2 ноября. Организация исламских государств решает оставить место Афганистана вакантным.

1997 Январь. Талибы отбивают у Масуда военную базу в Баграме, Чарикар и населенный пункт Гульбахар.

Февраль. Делегация Талибана прибывает с визитом в США.

19 мая. Генерал Малик Пахлаван поднимает мятеж против Дустума и объявляет о переходе на сторону талибов.

24 мая. Талибы входят в Мазари-Шариф, устанавливая там законы шариата и закрывая женские учебные заведения.

19 июля. Масуд восстанавливает контроль над Баграмом и Чарикаром.

7 августа. По данным Международного Красного Креста, за последние три месяца боев убито 6800 человек.

193

4 сентября. Мулла Раббани, один из вождей движения Талибан, встречается с королем Саудовской Аравии Фахдом, который обещает оказать всестороннюю помощь движению.

Мулла обвиняет Иран, Россию и Францию в оказании помощи Масуду.

16 ноября. По сообщениям из вооруженных отрядов Дустума, в окрестностях Шебаргана обнаружено 30 общих могил, где находилось около 2000 трупов погибших талибов.

18 ноября. Мадлен Олбрайт в Исламабаде называет политику талибов в области прав человека «достойной осуждения».

17 декабря. Совет Безопасности ООН выступает с осуждением поставок оружия воюющим афганским группировкам и призывает к прекращению боевых действий.

1998 14 марта. Ожесточенные столкновения в Мазари-Шарифе между узбеками и хазарейцами.

17 апреля. Билл Ричардсон, специальный представитель США, посещает Кабул и Мазари-Шариф.

3 июля. Саммит 5 бывших советских среднеазиатских республик (без Туркменистана), проходящий в Алма-Ате, призывает к прекращению войны в Афганистане.

9 июля. Самолет ООН сбит ракетой над Кабулом. Мулла Омар издает указ, запрещающий телевидение и грозящий наказаниями всем коммунистам. По этому же указу из страны высылаются все христиане.

18 июля. Евросоюз сворачивает все свои гуманитарные программы в Кабуле из-за недопустимо грубого обращения талибов с персоналом гуманитарных организаций.

31 июля. Лидеры движения Талибан посещают медресе в пакистанских городах Дар-ул-Илоуле, Аханин, Акора-Хаттакс.

7 августа. Взрывы в посольствах США в Кении и Танзании. Сотни погибших. Американцы обвиняют в терактах Осаму бен Ладена.

8 августа. Талибы вновь захватывают Мазари-Шариф и убивают там 11 иранских дипломатов и одного журналиста. Резня хазарейцев. Счет жертв идет на тысячи. Еще несколько тысяч спасаются бегством.

18 августа. Аятолла Али Хаменеи выдвигает обвинения против США и Пакистана, которые используют талибов как инструмент в войне против Ирана. Мулла Омар объявляет, что он предоставляет убежище Осаме бен Ладену.

20 августа. США обстреляли 75 крылатыми ракетами лагерь под Кандагаром и Хостом, в которых предположительно готовятся боевики Осамы бен Ладена. 21 убитых и 30 раненых.

20 сентября. Масуд обстреливает ракетами Кабул. 65 убитых и 215 раненых.

27 сентября. Талибы стягивают к иранской границе 30 тысяч бойцов, чтобы противостоять разворачивающимся крупным военным маневрам Тегерана.

2 октября. Авиация и бронетехника Ирана нарушают границу Афганистана в районе Герата. 1 декабря. Талибы стреляют по студентам университета в Джелалабаде: 4 убитых и 6 раненых.

29 декабря. ЮНИСЕФ заявляет о полном развале системы образования в Афганистане.

1999 12 января. Нападение в Пешаваре на семью одного из бывших лидеров моджахедов Абдул Хака.

31 января. Режим талибов отверг официальное требование США выдать Осаму бен Ладена. Было заявлено, что к нему будут приняты меры, но его не выдадут.

3 марта. Министр иностранных дел Туркменистана Шейхмурадов впервые прибывает в Афганистан, посещает Кандагар. Его принимает сам мулла Омар.

1 апреля. Министр обороны РФ Сергеев встречается с Масудом в Душанбе. Россия объявляет

о строительстве военной базы в Таджикистане.

29 апреля. Режим талибов, Туркменистан и Пакистан подписывают новое соглашение о строительстве газопровода, который пройдет по территории Афганистана. Инвестиций не хватает. Объявлено, что все, кто захочет присоединиться к договору, будут приняты с распростертыми объятиями.

14 мая. США официально предупреждают Пакистан, что он должен прекратить поддерживать режим талибов. Вашингтон вновь заявляет о необходимости возвращения в Кабул короля Захир Шаха.

22 мая. Талибы раскрывают готовящее восстание в Герате. Публичная казнь 8

заговорщиков. Расстреляно еще более ста человек.

6 июля. США вводят санкции против режима талибов и замораживают их финансовые активы.

1 августа. Баграм вновь переходит в руки талибов.

2 августа. Талибы берут штурмом Чарикар, Масуд вынужден отойти в свое Пянджширское ущелье. 200 тысяч беженцев из долины Шомали.

5 августа. Масуд отвоевывает Чарикар и отбрасывает талибов на исходные позиции. Потери талибов: 40 убитых и 500 пленных.

24 августа. Взрыв бомбы у дома муллы Омара в Кандагаре. Погибли 46 человек, среди них близкие родственники муллы Омара.

10 сентября. По данным ООН, производство опия-сырца на афганской территории удвоилось, достигнув уровня 4600 тонн. 97 процентов плантаций опийного мака находится на территории, подконтрольной талибам.

12 октября. В результате военного переворота в Пакистане свергнуто правительство Наваза Шарифа.

15 октября. Совет Безопасности ООН вводит новые санкции против режима талибов.

2000 Январь. Угнан индийский самолет и посажен в Кандагаре.

13 марта. Одна из индийских газет сообщает, что Осам бен Ладен серьезно болен.

Май. По данным ООН, производство опия-сырца в Афганистане достигло рекордного объема – свыше 4800 тонн. Опийные плантации выросли на 23 процента.

11 июля. Нападение на посольство Пакистана в Кабуле.

13 июля. Отряды Масуда переходят в наступление.

17 июля. Засуха в западных и южных районах Афганистана. Тысячи беженцев устремляются в Пакистан и Иран.

1 октября. Делегация талибов прибывает в Вашингтон и ведет переговоры в Госдепартаменте США.

Декабрь. Совет Безопасности ООН вводит новые санкции в отношении режима талибов.

2001 6 января. Американский конгресс утверждает победу Джорджа Буша на президентских выборах.

Февраль. Резкое похолодание в Афганистане приводит к гуманитарной катастрофе. В лагерях беженцев от холода умирают сотни стариков и детей.

20 февраля. По данным международной правозащитной организации «Хьюман Райт Воч», талибы уничтожили более 500 мирных жителей во время штурма города Якавланд.

28 февраля. Посол талибов в Пакистане Ахмед Салам Заеф подтверждает, что его правительство приняло решение разрушить статуи Будды в провинции Бамиан.

27 марта. Группе западных журналистов разрешено прибыть в провинцию Бамиан, чтобы засвидетельствовать факт разрушения статуй Будды.

5 апреля. Масуд принят на Европейской ассамблее в Страсбурге.

19 мая. Исламская полиция закрывает в Кабуле хлебопекарни международной организации «Всемирная продовольственная программа» (РАМ), на которых работали женщины.

19 мая. Вторжение исламской полиции в госпиталь итальянской гуманитарной организации Эмердженси в Кабуле.

23 мая. Вводится закон, который обязывает афганцев, исповедующих индуизм, носить специальные знаки на одежде.

9 сентября. Ахмад-шах Масуд погибает в результате покушения на него двух алжирцев-камикадзе.

11 сентября. Террористическая атака в Нью-Йорке и Вашингтоне. В результате терактов обрушены башни Всемирного торгового центра и целое крыло Пентагона. Число жертв, по последовавшим позднее официальным сообщениям, составило 3233 человека. США обвинили в организации терактов Осаму бен Ладена.

14 сентября. Конгресс США санкционирует использование военной силы.

7 октября. В Афганистане начинается военная операция США под кодовым названием «Enduring freedom» («Прочная свобода»).

12 ноября. Аэробус, вылетевший из Нью-Йорка в Сан-Доминго, рухнул на жилые кварталы района Квинс. Погибло 256 человек.

13 ноября. Таджики из сил Северного альянса вступают в Кабул.

5 декабря. В Бонне под эгидой ООН открывается конференция по послевоенному устройству Афганистана. Различные афганские группировки подписывают соглашение о формировании переходного правительства во главе с пуштуном Хамидом Карзаем.

7 декабря. Пал главный оплот талибов – Кандагар. Мулла Омар скрылся в неизвестном направлении.

22 декабря. В Кабуле приступило к исполнению обязанностей правительство Карзая.